

**АЛЕКСЕЙ
ПЕРЕЯСЛАВЦЕВ**

**ПОПЫТКА
КОНТАКТА**

2017

...В начале того, что будет описано ниже, стояло столкновение Молодости и Дерзости с Опытном и Знаниями. Одну из сторон (догадайтесь сами, какую именно) представлял маститый, глубоко уважаемый по обе стороны Великого Океана высокопочтенный универсал Сарат-ир, которого все магическое сообщество дружно полагало сильнейшим теоретиком Маэры. Другая сторона являла собой вихрастого, долговязого, рыжего, зеленоглазого студента-четверокурсника Тифор-арза (между прочим, тоже универсала), известного почти полным отсутствием уважения к старшим по рангу...

Алексей Переяславцев

Попытка контакта

В начале было...

Да, это верно; в начале любого значительного события что-то да было. Например, если посчитать сотворение мира значительным, то в его начале точно было Слово. В начале путешествия на "Кон-Тики" был диалог Тура Хейердала с его супругой. В начале Первой Мировой войны был выстрел Гаврилы Принципа.

В начале того, что будет описано ниже, стояло столкновение Молодости и Дерзости с Опытом и Знаниями. Одну из сторон (догадайтесь сами, какую именно) представлял маститый, глубоко уважаемый по обе стороны Великого Океана высокопочтенный универсал Сарат-ир, которого все магическое сообщество дружно полагало сильнейшим теоретиком Маэры. Другая сторона являла собой вихрастого, долговязого, рыжего, зеленоглазого студента-четверокурсника Тифор-арза (между прочим, тоже универсала), известного почти полным отсутствием уважения к старшим по рангу. Почему-то этот отпетый разгильдяй ухитрялся получать на экзаменах только "превосходно" или (редко) "весьма похвально". Несомненно, он пользовался явным благорасположением Пресветлых, ибо чувства преподавателей были прямо противоположного свойства.

И началось все с лекции, которую читал в университете один из этих двоих — угадайте с трех раз, кто именно. Да, как раз с нее.

В теме лекции значилась негация магии. Лекция вышла весьма необычной — нет, не раскрываемой темой, а поведением упомянутого Тифора. Он, разумеется, не писал конспект, ибо такого рода действие полагал для себя унижительным, но уж точно слушал и притом внимательно. Мало того: законченный нахал даже ни разу не улыбнулся. Ладно, скажу всю правду: он не предложил соседям по аудитории сыграть в чих-пых. Те, в свою очередь, заподозрили неладное и не ошиблись: после лекции Тифор подошел к лектору и вполне вежливо попросил разрешения переговорить на тему лекции с высокопочтенным, если у него (высокопочтенного) на это найдется время.

Лектор согласился:

— Зайдите через пять минут в мой кабинет.

Тон ответа был полностью лишен эмоций, хотя стоит отметить, что внутренняя заинтересованность у кандидата в академики появилась.

Через пять минут состоялся диалог:

— Я вас слушаю.

— На лекции вы излагали теорему Филада о негации. Из нее следует, что искусственное создание этого эффекта невозможно... имеющимися средствами.

— Вы правильно поняли.

— Но сам Филад основывал свое доказательство на неявном допущении: все происходит в замкнутой системе. Это не относится к открытой системе. Полагаю, что подобную систему можно создать применением внепространственных порталов. Также из теоремы Филада не следует, что щит от негации невозможен в принципе.

"Паршивец со способностями", — именно это определение показалось Сарату наиболее подходящим к случаю. Мысленное определение, конечно.

— Да, вы верно подумали, Тифор. Действительно, рассуждения Филада неприменимы в

этих случаях. Однако разрешите высказать кое-какие общие соображения...

Против ожиданий, студент не стал возражать ни словом, ни жестом.

— ...первое и главное состоит в том, что сделать систему открытой — это задача сама по себе очень непростая. Я, например, не вполне представляю, как ее решать...

Тут кандидат в академики слукавил: у него не было ни одной, даже самой чахлой идеи на этот счет.

— ...также примите во внимание: допустим, удастся пробить нечто — назовем это порталом или каналом, как хотите — так вот, результат может оказаться опасным. Вы удивлены? Напрасно. Представьте себе, что выход из вашего канала окажется в середине звезды. Или на поверхности планеты, но без воздуха. Пусть даже на маэроподобной планете, но такой, где уже имеется негация магии. Представили? По меньшей мере, одна таковая существует, как вы должны помнить. В этом случае под удар попадут портал, вы сами и окружающие впридачу.

Сарат почти не удивился, когда студент ответил без запинки:

— Я тоже об этом подумал, высокопочтенный, однако в последнем случае решение этой проблемы как раз и состоит в щите от негации. А ведь его можно и нужно создать.

— Полагаю, у вас уже есть какие-то идеи на сей счет.

— Совершенно верно, высокопочтенный, основная же из них следующая...

Сразу же после начала изложения студенческой идеи хозяин кабинета изменил свое мнение о посетителе. Теперь оно звучало как "талантливый наглец".

Через минуту, не более, диалог покатился с горы, набирая скорость:

— ...да эти потоки просто нельзя соединить...

— И не надо, достаточно лишь...

— ...ваше счастье, что сегодня не экзамен. Коэффициент рассеяния не может быть больше единицы.

— Но представьте: что, если он отрицателен? И тогда...

— ...аналог есть: "Зеркало Шалида", но ведь там...

— ...нам достаточно, чтобы захват совершался. Тогда классическое рассеяние будет иметь место. Реализовать же можно...

— ...исключено. Ни человек, ни дракон не в состоянии...

— ...представим себе кристалл; исходить будем из того, что минимальные характеристики у него должны...

— Ну, хорошо. Допустим, такой кристалл имеется в вашем распоряжении. Однако не в этом главная трудность. Мне становится не по себе от объема расчетов, которые предстоит делать.

Наступило молчание. Сарат подумал, что с такой работой сам Профес... нет, справился бы, конечно, но куда как не сразу. К тому же вычисления плотно привязаны к самому кристаллу (объему и форме), универсальной формулы наверняка не существует. Впрочем...

— Есть одна идея. Надеюсь, вы согласитесь, что реализация, учитывая предполагаемую плотность потоков, возможна лишь на алмазе? Так вот: для этой работы я его почти наверняка раздобуду. Форма... ну, сами увидите. Но потом вам придется просчитать распределение потоков — с учетом эффектов третьего порядка! — применительно именно к этому кристаллу, а это займет время. Допустим, что кристалл окажется подходящим. Повторяю, ДОПУСТИМ! Именно так, потому что мне это совершенно не очевидно. Так вот расчет будет первым этапом вашей работы. Кстати, не вздумайте провалить предстоящие

вам экзамены. Пробыть такое дело можно лишь под образцового бакалавра. И только после того, как пройдет первый этап, мы с вами подумаем о втором.

И то, что должно быть в начале — состоялось.

Первый теоретик Маэры крупно ошибся, причем многократно. И трудно сказать, которая из ошибок была серьезнее прочих.

Если следовать по предполагаемому порядку работ, то первая ошибка заключалась в недооценке времени расчетов. Студент успел стать бакалавром. Научный руководитель пробил для него стипендию, благодаря чему Тифор получил возможность прослушать все надлежащие курсы лекций и сдать лиценциатские экзамены. А расчеты все еще не были завершены.

Вторая ошибка состояла в неопределенности связи между мирами. Даже наличие этой связи (равно как ее отсутствие) предсказать было невозможно, а уж о характере ее влияния на... нет, об этом и говорить стыдно.

Третья ошибка заключалась в недоучете магической специализации свежего лиценциата. Увы, заведомо небольшая магическая сила является не единственным темным пятном в светлом будущем подобных магов. Другая чернейшая клякса состоит в суровой необходимости постижения всех решительно магических специальностей, на что требуются силы, время и деньги.

Как ни удивительно, с последним не было проблем. Высокопочтенный не то, чтобы тратил, не считая — напротив, он даже требовал строгой отчетности, и это причиняло злосчастному лиценциату муки ада. Однако все расходы на учебные цели, включая кристаллы, покрывались неукоснительно. Но сама работа задержалась.

Источником четвертой ошибки стал сам подопечный. Вопреки ожиданиям, он сравнительно быстро ухитрился создать превосходную теоретическую модель щита от негации, хотя наставник был уверен, что это произойдет на самых последних этапах. И после ознакомления с работой Сарат решил, что можно рискнуть и подать материал на магистерскую диссертацию.

На этот раз он угадал. Защита прошла без блеска; были голоса против, но группка теоретиков в совете по диссертациям единогласно выказала поддержку.

На самом деле была еще одна ошибка, но последствия от нее сказались много позже.

Уже после официального утверждения диссертации состоялся серьезный разговор между наставником и учеником. Случилось это в трактире толстяка Фарага.

К тому времени заведение в Маэре перешло к старшему сыну владельца, который поступил мудро: своим первым хозяйским распоряжением он заказал преогромную вывеску с надписью "У толстяка Фарага", подчеркнув ею преемственность и традиции. Результат оказался предсказуем: посещаемость магами совершенно не снизилась. Средний же сын решил искать счастья в Заокеании и преуспел: трактир "У толстяка Фарага" открылся в ее столице Буке и пользовался такой же доброй славой. Тем самым была создана первая в этом мире сеть трактиров.

Первая кружка пошла по назначению в сопровождении похвал закуске — а ею служил копченый осетр. Потом подали блюдо с жарким, и внимание было отдано ему. Но уже за второй кружкой разговор перешел на иные темы.

— Понимаете, высокопочтенный, когда мы с вами приняли решение о защите

магистерской...

За этим столиком сидело только двое. Будь там третий — непременно бы заметил, что фраза содержит в себе неточность или, того хуже, представляет собой вранье. Дело в том, что идею о диссертации проталкивал наставник, а не лицензиат.

— ...то у меня накопилось полно материала, который так и остался лишним...

Кандидат в академики кивнул с самым понимающим видом. Уж он-то знал, что в любую диссертацию входит не более трети накопленных данных.

— ...а из него следует, что пробить портал в другой мир можно. И щит сделать можно. Хочу сказать, что в мир с негацией портал без щита вообще не откроется. Ну а со щитом...

— Ага. Кто именно прячется в деталях, вы знаете? Вижу, что знаете. Совершенно ясно: вам очень хочется отправиться самому в портал. Будьте уверены: в ближайшем будущем такого не произойдет. Догадываетесь, почему?

Весьма почтенный отметил про себя, что в голосе наставника нет никакой насмешки — наоборот, полная серьезность.

— Во-первых, для самого щита нужен первоклассный кристалл. Вы помните: годится только алмаз, причем сложность заклинаний вы уже представляете. Щит, разумеется, прикроет и сам портал, и его содержимое.

Кивок и глоток.

— Во-вторых, для открытия портала нужен еще один кристалл. С другой структурой заклинаний, понятно. В самом лучшем случае такой же по размеру. Но очень возможно, что еще более крупный... Официант, пару темного!

Никто не телепортировал кружки на стол, но по скорости их появления можно было заподозрить использование как раз этого вида магии.

— ...и вам еще предстоит прикинуть, какого именно размера кристалл нужен. Разумеется, понадобится третий... ну, этот будет попроще... для того, чтобы взять пробу грунта из мира за порталом. Нужно ведь доказать, что там есть атмосфера, есть жизнь, человек может дышать, пить воду... и всякое такое. Кстати, о вашем щите: мы ведь даже не знаем: кто или что является носителем того, что вы назвали негополем. Не очень-то удачное название, как мне кажется, ну да ладно. Так вот, лично я подозреваю, что носителями являются люди, хотя прямых доказательств пока нет. А проверить это надо. Вот мелочь вдобавок: в вашем амулете от негации должен быть предусмотрен сигнал, указывающий, есть ли вокруг негополе или нет. Да, еще: не худо бы в процессе открытия портала совместить его с поиском планеты с таким полем.

— Ну, первое как раз просто: дополнительное гнездо в оправе, туда черный турмалин в соединении с красным гранатом...

— Конечно-конечно, вы правы, задача стандартная. Так вот, когда и если портал удастся создать и опробовать, то лишь после этого можно послать людей...

Обед закончился. Магистр распрощался и ушел. Сарат еще немного времени посидел за столом.

Собеседник высокопочтенного услышал правду, но не всю.

Уж кто-кто, а господин кандидат в академики прекрасно представлял себе все перспективы связи с миром, где есть негация. Появилась бы возможность, давно утраченная с уходом Професа: продолжение создания семейных кланов магов. Планировать такое было бы рано. Но Моане знать стоило. С ближайшим самолетом Сарат вылетел в Маэру.

Удивительное дело: их брак так и не распался, хотя муж ухитрился жить на два дома.

Надобно заметить, что дети получились совершенно нестандартными. Из дочки получился боевой маг (воздушная и водная магия), а сын проявил талант в магии жизни. По этому поводу мама иным разом ворчала под нос: "Это все Профес. Сам был непредсказуемым, и дети такие же". Обвинение не имело под собой никаких оснований. Дети появились от мужа; в этом никто не сомневался, в том числе их родители.

Внуки тоже оказались магами, хотя их специализацию по малолетству пока что не определяли. А вот будущие правнуки вызывали некоторую озабоченность.

Именно поэтому почтеннейшая выслушала супруга так, как должна слушать важные новости глава аналитической службы Академии. Потом возникли вопросы:

— Реальное дело?

— Да.

Заинтересованность госпожи академика еще более возросла, хотя посторонний человек посчитал бы такое невозможным.

— Что реальнее: самим туда отправиться или переправить негатора оттуда?

— Первое мы просчитали: возможно. Ко второму даже не приступали.

— Допустим, первый вариант. Кристаллы?

— Пока мои. Но могут понадобиться.

— Алмазы, что ли?

— Они.

— Особенности?

— Самые большие. И обязательно бесцветные или, скажем, чуть окрашенные.

— Лучше все же знать размер. Работаешь через Заокеанию?

— Да. Они менее зашорены.

— Люди?

— Там и найду. Кроме мага жизни.

— Доктора даже я тебе не раздобуду. Во всяком случае, быстро.

— Это ничего, хороший магистр меня устроит.

Сарат не стал бы выдающимся теоретиком в отсутствие навыка учиться на собственных ошибках — разумеется, в тех случаях, когда ни на чем другом учиться не получалось. Вот и на этот раз затраты времени на прослушивание курсов, полагающихся магистру, были учтены в планах.

Пять лет прошло. Вихры и характер магистра несколько сгладились. В доме у Тифора появились женщина и рыжий бутузик, усердно складывавший буквы в слова с применением кубиков.

Настал день, когда весьма почтенный Тифор разыскал высокопочтенного Сарата на собрании Гильдии магов. В состоявшемся разговоре ничего особенного не было, да и длился он не более минуты. Двое магов договорились обсудить некие свои дела в доме у почтеннейшей Моаны-ра.

Оба высших мага слушали крайне внимательно и не прерывали докладчика, хотя, конечно, мысленно отмечали промахи и неточности.

— ...таким образом, можно считать, что теоретическая основа для проникновения в мир с негополем имеется. Разумеется, потребная величина кристалла определяется диаметром портала, длительностью его работы и массой переносимых предметов. Длительность полагаю сделать стандартной — одна минута. Именно для нее рассчитаны таблицы.

Жест рукой, указывающий на листы бумаги, разложенные на столе.

— Также расчет сделан для щита на человека моего роста...

Говоря это, магистр ничуть не рисковал: он был в комнате самым высоким.

— ...но здесь сразу могу сказать: сначала я думал, что алмаз потребуется меньшего размера. Примерно в полтора раза, если быть точным. Но потом я решил, что для щита запас по магоемкости должен быть много больше. Следовательно, для использования портала, рассчитанного на пропускание человека вместе со щитом, потребуются два алмаза примерно одинакового размера. Если у вас есть вопросы, готов ответить.

Сарат прекрасно знал свою жену. Но даже он не предвидел, насколько серьезные вопросы начнет она задавать.

— Дорогой Тифор, из ваших теоретических построений, в которых я в силу специализации разбираюсь не очень хорошо, понятно вот что...

Голос госпожи Моаны приобрел стальное звучание.

— ...вы предлагаете портал сделать с двойным действием: сначала предмет перемещается в нейтральное пространство, которое вы назвали мир "Т", причем магопоток в этом мире уравнивается с нашими. На это требуется время... скажем так, около минуты. Далее предстоит выравнивание потоков уже с тем миром, куда вы полагаете перемещение — примерно то же время, надо полагать — и открытие портала. У меня два вопроса. На каком основании вы полагаете этот мир "Т" безвредным для живых существ? И изложите подробнее обоснования для этой самой минуты на выравнивание.

Сарат хмыкнул. Он знал ответ на второй вопрос. Между прочим, проблема не магистерского, а вполне докторского уровня. Но первый ему в голову не пришел, и высокопочтенный еще раз мысленно похвалил себя за идею привлечь к проблеме многоопытного мага жизни.

Видимо, докладчик был готов к этим вопросам, поскольку не замедлился с ответом:

— Я исходил из третьей теоремы Филада, если позволите, но несколько ее обобщил. В ней изначально шла речь о потоках одного рода магии, но с учетом коэффициентов взаимодействия...

Выкладки длились не минуту и даже не десять. Сарат слушал и думал, что на ближайшем же заседании теоретического отделения Академии надо обнародовать это решение. Такое обобщение стоит назвать теоремой Филада-Тифора.

— ...следовательно, есть основания полагать, что и условия для нормальной жизнедеятельности в мире "Т" будут такими же, как и в том мире, куда (или откуда) открывается портал.

— Превосходно. Как насчет второго вопроса?

— А это уже не теория. Известна экспериментальная работа Ромена по магодинамике выравнивания потоков, правда, в другой среде. Разумеется, все зависит от размера выделенного объема мира "Т". Его я положил в два кубических ярда. Вполне хватит на человека, даже с запасом.

Супруги организовали перестрелку взглядами. Сарат перехватил инициативу. Опять пошли косяком вопросы. Через час первый теоретик Маэры сделал вывод:

— Да, вы доказали: ваш вариант возможен. Остался пустячок: выяснить, как именно это сделать.

Все же магистр — это несколько поболее студента. Тифор уловил иронию и напряжился в ожидании атаки. Таковая последовала:

— Все ваши расчеты основаны в предположении, что в портал отправится один человек. Я, хоть и теоретик, с этим не согласен по соображениям... практики. И вот что предлагаю: мы посоветуемся с тем, у кого опыта по этой части больше, чем у всех здесь присутствующих, вместе взятых.

Тифор не справился с лицом. Оно выразило неприкрытый ужас: его владелец пришел к заключению, что вылазки за портал уже кем-то совершались. Хозяйка дома догадалась о причине столь сильных эмоций и поспешила вмешаться:

— Вы неправильно поняли. Имелся в виду опыт организации экспедиций вообще.

Сарат подхватил:

— Вот именно, ты подобрала превосходное слово: "экспедиция". А это значит: несколько человек; припасы — в первую очередь кристаллы — ну и много чего еще. Но прежде...

Голос высокопочтенного утратил всякие следы мягкости:

— ...проанализировать результаты проверки того, что это за мир. Вы понимаете? Теперь: вот алмаз. — На столе оказался кристалл, который на Земле оценили бы как пятикаратный. — Его величина совершенно недостаточна, конечно, для создания портала под человека, а для того, чтобы взять пробу — вполне. А вот эти два на щиты для вас и меня. Заметьте: два сигнализатора негополя в данном случае совершенно не нужны. Одного хватит. Накладывайте заклинания.

Тифор мысленно прикинул, что дело потребует двадцать дней. Ровно столько оно и заняло. Это был тот самый (не особо частый) случай, когда теоретические предсказания полностью совпали с экспериментом.

Место для опробования выбрали достаточно уединенное: безжизненную верхушку утеса. Ради пущей безопасности на расстоянии двадцати пяти ярдов расположили двух охранников.

Сарат про себя отметил, что обычный человек мог бы заметить портал, глядя на него под прямым углом, просто потому, что сквозь него виднелся другой мир, мир "Т". А вот "в профиль" увидеть что-то можно было, лишь приглядевшись как следует. Границы портала не светились. И только визуальная картина перед порталом чуть заметно искажалась. Сзади же портала заметить что-то без анализа полей было вовсе невозможно.

К некоторому удивлению магистра, исторический запуск прошел как-то очень буднично. Возможно, причиной того были полученные три ведра (примерно) морской воды вместе с мелкой рыбкой. Впрочем, как верно заметил руководитель проекта, результат был в высшей степени полезен: доказано, что на планете есть жизнь. Негополе не обнаружилось. По мнению младшего теоретика, это было косвенным доказательством того, что не сама планета является его источником. Старший теоретик оспорил это утверждение:

— На лекциях не говорилось, но водная стихия может быть по своей природе враждебна негополю. Между прочим, в моей монографии это упоминалось.

Камень в огород Тифора был весьма тяжел: любой нормальный научный руководитель предполагает, что подопечный просто обязан прочесть все научные труды наставника.

Магистр оставил этот выпад без внимания, но спросил:

— Так что, высокопочтенный, будем пробовать еще раз?

— Да, но с подзаряженным алмазом.

Разумеется, подзарядка прошла куда быстрее, чем зарядка: всего-то шесть часов работы.

На этот раз захват частицы другого мира дал иное: тяжеленный кусок камня. Одна из поверхностей сияла полированным срезом — явный след того, что полученное было частью

чего-то большего. На одной из поверхностей имелись пятна красного лишайника. Негополе также отсутствовало.

— Известняк, — со знанием дела констатировал высокопочтенный, который в свое время хорошо усвоил уроки Професа. — Это мы в горы попали, Тифор. Попробуйте изменить настройку так, чтобы попасть посередине между этими двумя точками. Но на всякий случай...

И кандидат в академики точным заклинанием навел "Черное пятно" на полученный образец, ибо кое-что знал о магии жизни. В частности, опасность внесения чужеродных видов чего-то живого он вполне представлял. То же самое было уже проделано с предыдущим образцом. Разумеется, "пятно" тут же затерли.

Третья попытка дала большой кусок почти сухой глины, но на одной стороне росли желтые полусохшие травинки. И снова индикатор негополя не сработал.

— Маэроподобный мир, — пробормотал Тифор, — интересно, а такая трава у нас есть?

— Могу разузнать через факультет целителей. Имею там очень хорошее знакомство. Декан меня давно знает.

Это было правдой. Госпожа декан Ирина-ма хорошо и давно знала как самого Сарата, так и его супругу, бывшую наставницу глубококчтимой.

Вердикт специалистки был однозначен:

— Очень похоже на встречающийся у нас злак, именуемый "пырей".

За этой фразой последовал взгляд, наполненный стервозной подозрительностью (не иначе, от Моаны научилась), и слова:

— Надеюсь, после вы мне все расскажете?

Вопрос был риторическим.

Оба исследователя сошлись во мнениях, что планета маэроподобная, пригодная для жизни, а негополе само по себе отсутствует.

Кроме того, кандидат в академики уведомил младшего коллегу, что с алмазами ситуация далеко не так радужна, как можно было бы предположить. В наличии были аж девять алмазов подходящих для открытия и защиты портала диаметром от фута до трех, что по-любому мало для человека. Алмазы большего размера достать было можно, но лишь под солидное обоснование.

Но относительно дальнейших действий мнения разошлись. Тифор предлагал отправиться самому в "мир Т", открыть портал и посмотреть "а что там внутри". Или обнюхать.

Научный руководитель решительно возразил против этой идеи, указав (справедливо), что сам по себе портал в мир "Т" размером с человека потребует очень приличного алмаза, а открытие одного большого портала наряду с маленьким — нетривиальная задача, которую даже не рассматривали. Куда проще открыть небольшой портал и протолкнуть туда клетку с подопытным животным. А потом вытянуть ее обратно.

Магистр задумался, но потом предложил:

— Можно норку. А потом считать ее память, тогда узнаем, что она видела и слышала.

— Я против опытов на норках!

Надобно заметить, что уже с давних пор высокопочтенный питал некоторую слабость к этим животным. В одном доме у него жил классический серый экземпляр, в другом — красotka редкостного темно-коричневого окраса. Мышей они, правда, не ловили за отсутствием таковых, но пользовались искренней любовью хозяина.

— Тогда крысу приобрести.

Разумеется, организовать клетку вместе с животным предстояло младшему по рангу. Молодая крыска была куплена в университетском виварии за вполне скромную цену. Зверюшка выглядела здоровой и охотно сгрызла предложенную морковку.

И тут оба ученых задумались об одном и том же. Вслух не прозвучало ни слова, но и тот, и другой совершенно не рвались считать память крысы. Во-первых, весь их опыт исчерпывался соответствующим университетским курсом; во-вторых, такая работа, предложенная преподавателем в качестве лабораторной, почиталась среди студентов за наказание.

— Мне совестно взваливать такое на жену, — откровенно объяснил кандидат в академики.

— А моя и вовсе не по этой специальности.

Воцарилась тишина. Не было слышно, как мысли крутятся, но они это делали.

— Помнится, Моана обещала мне магистра магии разума...

В тот же вечером госпоже академику было напомнено об этом обещании. Ответ был логически безупречен:

— Да, обещала. И магистр будет. Но я ничего не говорила о том, как скоро будет.

Через неделю Моана представила нашим теоретикам свою подопечную — мага жизни и разума по имени Мариэла-руа. На вид этой молодой даме было около двадцати двух лет, она была улыбчивой, вежливой и (по словам наставницы) весьма способной. Последнее было сформулировано так: "Каких-нибудь пять-семь лет — и защитит докторскую". В устах глубокопочтливой это была высокая похвала.

По требованию Сарата Мариэле ничего не сказали о других мирах и порталах. Задача была поставлена строго локальная: вот крыса, над ней проводится эксперимент, надо считать память. Гонорар в пятьдесят сребреников Сарат собирался уплатить из собственного кошелька, оговорив, что если подопытное создание погибнет, то и весьма почтенная ничего не получит.

Портал открылся без затруднений. Простой телемагией клетку двинули в другой мир, выждали примерно десяток секунд и убрали.

Бедное животное было явно напугано. Минут пять маг разума потратила на то, чтобы успокоить зверюшку и снять стресс. Затем Сарат предложил не мешать работе, и оба теоретика удалились.

Через час весьма почтенная объявила, что готова огласить результаты.

— Мы вас внимательно слушаем.

— Кхм. Зрительные образы включают в себя море, безоблачное небо, солнце невысоко над горизонтом. Тени длинные. Делаю вывод: или восход, или закат. Воздух скорее холодный, чем теплый; животное даже чуть мерзло. Запахи не в счет, разница в восприятии слишком велика, тут мне ловить нечего. И еще звуки человеческой речи, но или говорили неразборчиво, или этот язык мне незнаком. Второе вернее.

— Что же запомнила крыска?

— Вот.

И госпожа Мариэла воспроизвела обрывок человеческой речи.

Тифор ничего не понял и высказал это вслух. Сарат помрачнел и заявил, что забирает крысу. Объяснений с его стороны не последовало. Вечером того же дня зверек попал под пристальное внимание госпожи Моаны.

Вердикт Моаны был краток и однозначен:

— Этот мир представляет для нас интерес.

У госпожи академика были основания для уверенности: она не посчитала за труд лично просканировать память многострадальной зверюшки.

— Говорили по-русски.

В свое время оба супруга изучили этот язык — разумеется, не школярскими методами, а с помощью магии разума. Для этого понадобились помощь и согласие признанного знатока русского языка: многоуважаемой Ханаты. В детстве она училась понимать, говорить и даже читать на нем под руководством Професа. Позднее эта девушка, а потом и замужняя женщина сумела сделать необычную и вполне успешную карьеру: она зарабатывала переводами русских волшебных сказок, историй и даже стихов на маэрский. Все это издавали и покупали. Надо заметить, что ее отношения с четой высокопоставленных магов так и остались теплыми. В неофициальной обстановке те ее звали детским именем Ната, а переводчица обращалась к ним не иначе, как "тетя Мана" и "дядя Сар".

Из того, что в чужом мире говорили по-русски, следовало, по меньшей мере, три вывода: во-первых, это родной мир Професа; во-вторых, там почти наверняка присутствуют негаторы — а это создавало возможности. Третьим выводом было отсутствие драконов. Создания, вся жизнь которых, начиная со способности к полету, основывалась на магии — нет, драконы не могли существовать в мире, где есть негаторы.

На совещании попросили присутствовать полковника Тарека. Причиной был не только его обширный опыт разведки, то есть действий на чужой территории с ограничениями как по людскому контингенту, так и по припасам. Этого достойного офицера — главнокомандующего вооруженными силами Заокеании — очень давно и очень хорошо знали все заинтересованные лица. Он мог дать толковые советы по организации экспедиции, он мог отрядить своего компетентного подчиненного (или подчиненных) в качестве охранников и экспертов по военным делам, но также он неоднократно давал советы не только в делах, касающихся армии. Наконец, Тарек умел помалкивать на нужные темы.

Введение в курс дела потребовало с полчаса. Засим пошли вопросы:

— Каков будет численный состав экспедиции? А кто уже предусмотрен? Ограничения по весу припасов? Как насчет кристаллов?

На вопросы терпеливо отвечали. Старший офицер слушал, кивал и спрашивал еще. Наконец, он сделал выводы:

— У вас нет никаких оснований полагать местное население дружелюбно настроенным.

— Но и ожидать враждебности нет причин, — отпарировал Сарат.

— Вот почему насчет мага разума — это поддерживаю. Ему легче будет наладить отношения. Еще разведчик нужен, он же телохранитель. Уверен, что Малах вцепится в такую возможность, очень уж беспокойная натура. Шило у него в... короче, не сидится ему на месте. Впрочем, разведчик хороший. Опять же прекрасный стрелок. Хорошо бы также

морьяка. По вашим данным, море рядом.

— Корабль сквозь портал не пропихнуть, — решительно отрубил Тифор. Его наставник кивнул в знак согласия.

— Но море все же рядом. И там, вероятно, есть свои морьяки. А еще я бы предложил дракона.

Возможно, полковник ожидал взрыва восхищения и даже аплодисментов. Но собеседники скорее ощущали некое потрясение. Моана первой пришла в себя:

— Обоснуйте, дорогой Тарек.

Никто не знал, почему Моана при всей давности знакомства предпочитала звать его на "вы". Для перехода на "ты" были основания. В неписаной табели о рангах глубокоочтимая всегда стояла выше — еще с тех времен, когда сам Тарек был отставным сержантом (правда, разжалованным из лейтенантов), а она уже состояла в звании доктора магии и притом была не из последних по умениям и знаниям. Другие маги в подобной ситуации обращались к обычным людям исключительно на "ты". Тем не менее с ее стороны всегда звучало уважительное "вы".

Бывший командир разведвзвода, а ныне командующий вооруженными силами Заокеании выразил мнение без колебаний:

— Дракон — это дополнительный маг. И с ним экспедиция получит воздушную разведку.

Кандидат в академики скептически покачал головой:

— Я, конечно, имею некоторое влияние среди драконов, но приказать им... Нет, тут только доброволец.

— И универсал.

— Пожалуй, что так.

— А еще я бы подключила Шахура. Превосходный расчетчик; не обижайтесь, Тифор, но в этом смысле он даже лучше вас. Ему, понятно, надо оставаться на Маэре. И в случае чего он организует спасательную экспедицию.

— Тогда его надо поставить в известность.

И в адрес доктора телемагии Шахур-иза полетела радиограмма с просьбой о встрече. Сам же Сарат вылетел в Сообщество Драконов.

Слова насчет "некоторого влияния среди драконов" были точными. Именно некоторое, а вовсе не "большое" или "значительное". Вот почему свой авторитет Сарат пустил не на уговоры потенциальных участников экспедиции, а на то, чтобы найти таковых. И это оказалось не такой уж трудной задачей.

Драконы с момента установления связей их поселений с Северной Заокеанией сильно прибавили в развитии. Возможно, именно этого контакта им не хватало. Дело оказалось даже не в прибавлении умений в магии: нет, изменилось место высокообразованных магов в крылатом обществе. Достаточно указать, что количество студентов в новообразованном Парранском университете возросло от шести (в момент его основания) до пятидесяти восьми (в описываемое время). Несмотря на негласное сопротивление военной верхушки драконов молодое поколение все более проникалось исследовательским духом. Как результат: дракон (или дракона) со специализацией универсала стал считаться отличной партией для особы противоположного пола.

Как уже давно было доказано, драконы сходны с людьми не только по интеллектуальному уровню, но и по разнообразию психотипов. В частности, и среди

крылатых попадаются отъявленные искатели приключений — их надо только выявить. Подзадачей было найти среди них того самого, у которого оказались бы необходимые качества: универсал, высокие способности к обучению, склонность к нестандартному мышлению. И такой отыскался: Таррот, сын Гаррина. По отзывам наставников — "увлекающаяся натура, с большими способностями и таким же самомнением". Сведения о нем произвели самое благоприятное впечатление. Самостоятельно изучил справочник по лекарственным средствам, ради чего освоил староимперский. Также свободно говорил и писал на маэрском. Участник одной из экспедиций к Западным горам. Товарищами по экспедиции характеризовался исключительно положительно. Очень хорошо разбирался в кристаллах — впрочем, это как раз обычно для универсалов. Женат, трое дракончиков, все уже окончили школу. Один внук. Разумеется, Сарат как руководитель экспедиции пожелал лично переговорить с кандидатом.

Дракон оказался сравнительно невелик — по прикидке, фунтов на триста двадцать — с чешуей цвета красной меди и красноватыми глазами. Сарату понравились вопросы: никакой щенячьей романтики, только по делу, хотя заинтересованность тоже прозвучала. В заключение дракон заявил:

— Три дня на размышление дадите?

— Идет.

— Если я соглашусь, мне понадобится браслет.

Среди драконов браслеты с кристаллами было принято носить лишь в чрезвычайных ситуациях, а также в процессе обучения: с некоторых пор считалось неприличным иметь лишь одну магическую специальность.

Сарат кивнул:

— Мы, разумеется, предоставим и браслет, и все основные кристаллы. Но вам придется освоить много нового материала.

На том собеседование и закончилось.

Пока потенциальный участник экспедиции взвешивал предложение, все прочие времени не теряли. Почему-то больше всего конструктивных идей пошло от полковника. Выразилось это в стопочке листов. По возвращении в Заокеанию эти записи, как и предполагалось, попали в руки высокопочтенному. Тот прочитал их и немедленно организовал совещание с Тифором и Тареком. Разумеется, магистр-универсал также ознакомился с документом.

— Тарек, старина, я изучил то, что ты подготовил. Ну, длительность открытого состояния портала увеличить — это я согласен. Размер чуть прибавим: и такое можно. А вот это зачем? — и палец ткнул в отчеркнутый параграф.

— Тамошняя местность на берегу моря. Вдруг понадобится плыть на корабле. Кто мешает приспособить наши движки?

— А если у них есть свои? Механические?

— А если их нет? Потом: что мы теряем? В самом худшем случае наши знания окажутся лишними.

— Ну, допустим... насчет оружия поддерживаю... боеприпасы... тренировки?

— Ну да. Вы, Тифор, в обращении с оружием, надо полагать, не очень-то?

— Как-то не было, знаете ли, случая.

— Стоп. Какой Тифор? Это я собирался туда лезть!

— Ну и дурень...

Подобное обращение было бы непозволительным ни для кого, кроме старого друга, а именно таким Тарек и был.

— ...потому что в случае чего ты лучше, чем кто бы то ни было, организуешь спасательную экспедицию. Ну, хорошо, вы с Шахуром.

— Ладно, это еще обдумывать надо... а почему связь с вопросительным знаком?

— А потому, что длительную связь с нашим миром, как понимаю, установить нельзя, этакое ни один кристалл не выдержит. Но для связи в заранее установленное время достаточно сравнительно небольшого алмаза, а не такого, чтобы портал в два ярда открывал. Письмо пропихнуть можно в совсем маленькую дырочку, — и офицер двумя пальцами показал сантиметров десять.

В спор влез Тифор:

— Сударь полковник, вы упомянули "заранее заданное время". А как соотносить то, которое здесь, и тамошнее?

Про себя Сарат отметил, что сформулирован вопрос был — хуже некуда. Но все же понятно, а главное: по делу.

— Чего тут думать: соотнести время восхода там и время здесь по нашим часам. И время заката. Проверить, сколько часов проходит. Правда, не одно наблюдение потребуется, и вообще моряки с этой астрономией обращаются куда более умело.

— А ведь ты подал толковую идею, друг: включить в состав экспедиции моряка.

— Так ведь корабль невозможно... И потом, исходный алмаз будет нужен большего размера.

— И не надо. Если там есть люди, говорящие по-русски, можно купить у них какой-никакой корабль. Переоборудовать при необходимости под наши движки.

— Один момент, ребята. Наблюдать, ты говоришь? А наблюдать, чтоб ты знал, должен человек. И ему для этого надо попасть в мир "Т". Отсюда следует...

Тифор понял мгновенно, Тарек — чуть погодя.

— Ну да, кристаллы... к тому же алмазы... а вот их размер, я так думаю...

— Никаких "я так думаю", — отрезал высокопочтенный, — а точный расчет. Это на вас, Тифор. Вы предоставите данные, я их перепроверю, и на мне же прикидка: сколько нам понадобится.

— А у тебя есть на примете моряк?

— Да и нет. Мне почему-то думается, что капитан Риммер согласится... заметил я в нем этаким авантюризм. Но по-любому надо говорить с Дофетом.

Отдать справедливость Тифору: он сэкономил порядочно времени, обратившись за помощью к особо почтенному Шахуру. Тот, не сходя с места, предложил не менее трех способов ускорения расчетных работ. В результате уже через три дня результат оказался на бумаге: семимиллиметровый алмаз был достаточен, а десяти миллиметровый — с запасом. Таковые были, даже не один.

Ожидания оправдались: Риммер и вправду согласился, а за ним и Таррот. Магистр магии разума получила такое же предложение — и не нашла в себе силы отказаться. Всех понадобилось выучить говорить и писать по-русски — разумеется, с помощью магии разума. Малаха, который уже немного говорил, пришлось лишь подучить. Моряка сразу же подключили к астрономическим наблюдениям через "полупортал" — так его обозвал Тифор. Старое правило сработало: неточные и даже ошибочные названия почему-то легче приживаются. Дракону предстояло изучить приемы незнакомых ему ранее видов магии. У

этой расы универсалы, как правило, очень недурно разбирались во всех видах стихийной магии, в почете были также магия электричества и связи. Телемагия в счет не шла: все драконы владели ею виртуозно. Другие же виды были куда менее развиты. Сам Малах принялся прикидывать, что из оружия надлежит захватить с собой.

Оказалось, что время в двух мирах течет одинаково — но для этого потребовались многократные наблюдения за звездами. Из этого автоматически вытекало, что почтовую связь (по меньшей мере) наладить можно.

— Один раз открывать портал на восходе солнца, второй раз — на закате, чего тут думать, — горячился Тифор.

— Нет, по часам было бы лучше. А ну как все небо в тучах?

— Так в самом худшем случае пропустим сеанс связи.

— Не просто связи. Этим способом можно пропихнуть кое-что нужное. Золото, к примеру. Или кристаллы.

— Так мы это берем с собой.

— А что, если не хватит?

Против обыкновения, Моана помалкивала. Сторонний наблюдатель мог бы сделать вывод, что женщина вовсе не слушает спорящих. Но Сарат слишком хорошо знал жену, чтобы так подумать. И оказался в конечном счете прав:

— Вот что мне пришло на ум. Не сменить ли нам цель экспедиции? Пусть ею будет, скажем, поиски Професа. Кстати, если вы его найдете, то, возможно, уговорите побывать у нас. Если такое вообще возможно.

Молчание длилось порядочно. Почему-то предложение споров не вызвало. Однако Тарек все же уточнил:

— Да, перед местными эту цель мы и озвучим. Но на самом деле... будем реалистами: для начала разведка. Со своей стороны я бы сформулировал так: оценить ситуацию с военной точки зрения. Велики ли их силы? Дружественны ли нам местные? Надеюсь, что Малах справится. Задача Риммера: оценить их флот по всем показателям — ну, тут он знает поболее моего. И возможность торговли, понятное дело.

— А я хочу узнать, каково у них состояние дел с магией. Есть ли вообще одаренные люди? Если да — как часто они встречаются? Сколько негаторов на тысячу человек населения? Что они знают о магии? И, уж коль на то пошло: знают ли они что-то о других мирах? О нашем, в частности?

— Весьма похвально, Тифор...

Магистр даже не дал себе труда скрыть, насколько он польщен такой оценкой от глубоководной Моаны.

— ...но также я бы поставила задачу для своей ученицы: оценить уровень немагической медицины. Прикинуть, насколько она может быть дополнена магией жизни.

И сразу же началась непосредственная подготовка. С общего согласия командором стал Малах. Не будучи магом, он имел опыт командования, и это было сочтено самым важным фактором.

К сожалению, нашелся лишь один алмаз, пригодный для портала с требуемыми характеристиками по размеру и длительности во времени. Это был превосходный по любым меркам бриллиант: примерно пятнадцать миллиметров в поперечнике, чистейшей воды и с не особо сложной, зато безукоризненно сделанной огранкой. Над ней работал Первый Мастер Гильдии гранильщиков Сафар-ас. Три алмаза менее одного карата были заготовлены

для создания "почтовых порталов", и еще один побольше — ради "полупортала".

Есть некоторые основания полагать, что не все из вас, уважаемые читатели, когда-либо готовили экспедицию в другой мир. Так что, основываясь на опыте героев этого повествования, могу уверить: дело это отнюдь не простое. А если кто-нибудь попытается утверждать обратное, то знайте, что эта личность врет самым бессовестным образом!

Готовились со всей тщательностью. Все участники экспедиции, кроме дракона, получили пистолеты в качестве личного оружия, а Малах, кроме того, имел самозарядную винтовку. Таррот чуть завидовал товарищам, но пистолетов под его лапу еще не придумали. Зато сумели организовать нечто вроде выюков на драконью спину. Продукты были взяты на две недели, причем такие, чтобы ими могли питаться все. Поскольку крылатый член экспедиции заявил, что сможет или найти пещеру в горах, или сделать ее самому, то палатки не взяли.

Между делом Сарат выполнил обещание и рассказал об экспедиции Ирине. Узнав, что предстоит попасть в родной мир Професа, госпожа декан помрачнела и молвила:

— Хотелось бы мне там оказаться. Впрочем, не думаю, что вы его найдете.

— Почему?

Женщина беспомощно пожала плечами:

— Не знаю. Но почему-то полагаю: нет его там...

Этим предчувствиям Сарат привык доверять. Были прецеденты. Но вслух он сказал иное:

— Ира, ты сама знаешь: мы постараемся.

У нее была чудесная улыбка. Только на этот раз к ней примешивалась не только радость.

— Я знаю. Вы уж сами там... это... поосторожней. Травками поспособствовать?

— Травками, говоришь? Мысль хорошая. У тебя нет... э-э-э... целебных настоек на травах? Но таких, чтобы пить не противно.

— Вообще-то за этим к Хаоре надо. Впрочем... сколько времени до отбытия?

— Ну, за неделю могу поручиться.

Целительница повернулась к стеллажу и отточенными движениями стала выхватывать из ящичков бумажные пакетики.

— Вот. Это на литр. Настаивать пять дней. Восстанавливает силы, увеличивает работоспособность и стойкость к болезням. Запах приятный, гарантирую. Иглы берете?

— Уже.

На прощание высокопоставленный маг и целительница без малейших магических способностей сердечно обнялись. Кое-кто из представителей старой школы не одобрил бы такое поведение. Но Сарат уже много лет тому назад начисто излечился от снобизма. К тому же Ира была женой самого Професа.

Весьма важной деталью багажа были часы. По здешним понятиям они были чудом миниатюризации, ибо весили чуть более полуфунта. Правда, носить их на руке или даже в кармане было невозможно: механизм заключался в коробочке почти кубической формы. Но они показывали маэрское время (в городе Хорум), то есть давали возможность узнать время связи.

Каждый путешественник получил магическую защиту — стандартную, от пуль. Дракон, разумеется, также был защищен, а поскольку подобные щиты были у них не в обычае, то довольно долго расспрашивал о свойствах, пока не усвоил все мыслимые возможности.

Как всегда, в последний момент вылезли дополнительные соображения. На этот раз с ними выступил лейтенант Малах:

— А что, если произвести разведку до перехода?

— Это как?

— Открыть портал в мир "Г" на одного человека. Потом оттуда маленький портал — ведь через него будет что-то видно, так? И высунуться, когда местных вокруг не будет. Лучше бы ночью.

— А кого тогда пошлем?

Вот тут споры и разгорелись. Малах заявил, что только настоящий разведчик с опытом может толково произвести рекогносцировку. Тифор отспаривал свое право на том основании, что уж собственную-то безопасность вполне может обеспечить, будучи универсалом. Риммер возразил, указав, что коль скоро море рядом, то лишь настоящий моряк сможет оценить ситуацию — близость кораблей, надвигающийся шторм и тому подобное. Мариэла, в свою очередь, отметила, что женщину вряд ли кто из местных воспримет как опасность, к тому же магия жизни может с легкостью определить наличие людей на приличном расстоянии. Дракон также не преминул положить свой медяк в сундук, напомнив, что по части остроты ночного зрения с ним никто из людей и близко не сравнится. К тому же длинная шея позволит просунуть ее через портал и оглядеться.

Сарат как научный руководитель экспедиции в два счета подвел итоги.

— Так, ребята. Насчет "защититься магией" — забудь на время, Тифор. Если рядом случится настоящий негатор... сами понимаете. То же и к вам, Мариэла. Вам-то ничего не будет, а вот почувствовать поля магии жизни в этом случае вы не сможете. Капитан, не сомневаюсь в ваших морских умениях, но ведь половина окрестностей будет на суше. Малах, друг, ты прекрасный разведчик, но в данный момент пеший поиск тебе не светит, а зрение у Таррота получше. Положение с алмазами сами знаете, так что сделаем полоторный портал. Ну, чтоб высунуться и оглядеться хватило.

Споры продлились много дольше, чем предполагал Сарат, но в конце концов решение было принято в пользу дракона. Тот, как водится, получил преобладающую дозу советов.

— Ты, дружище, только гляди получше. Отметь свет от тамошней луны, если она есть в этом мире. А при отсутствии негаторов поработай магией, ты же сам универсал.

— Не пренебрегайте магией жизни, Таррот. Уверяю, она может вам хорошо помочь.

— Обязательно оцените состояние моря. Если будет шторм, оно даже лучше, уж тогда вблизи берега кораблей не будет. В этом негаторском мире "Гладкую воду" не знают...

— Не рискуй, разведчик. Даже если на шумишь, не так страшно. Помни: твоя задача вернуться живым и доложить. А особенно стерегись тамошних стрелков; щит твой, знаешь ли, на нашенские пули рассчитан, а кто знает, чем они там стреляют. Что стреляют — готов поручиться. Все люди стреляют.

При том, что сам лейтенант не имел философского образования, эта сентенция была необыкновенно точной.

Таррот последовал всем советам.

Большой портал в мир "Г" открылся без проблем. За ним открылся малый — как раз такого размера, чтобы голову дракону просунуть.

Будучи новичком в наземной разведке (воздушной его учили), дракон волновался, но не настолько, чтобы отклониться от инструкций.

Высунуть голову. Оглянуться на все сто градусов.

Точка выхода была над каменным обрывом, уходящим в море. Хорошее место, чтобы сделать пещеру. Небо не совсем потемнело, ночи еще предстояло сгуститься до непроглядности. Никаких следов крестьянского труда. Вокруг никого. Вслушаться. Никого. Магия жизни — что там ее потоки? Есть кое-что, но мелочь. Какие-то местные зверушки, не более норки. Потоки воды? А вот тут кое-что интересное.

Это была местное судно — далеко, не меньше пяти маэрских миль. Но сигнал от форштевня, разрезающего воду, был вполне отчетлив. Приглядевшись, дракон увидел белопенные волны, разбегающиеся от носа. Однако сигнала от весел не было.

Теперь взглядеться в сторону суши. Огоньки — стало быть, там люди. Огоньков много — значит, поселение. Как далеко? Вот на это ответа не было. Можно было бы взлететь на разведку, но для этого надо пролезть в портал.

Подумав, дракон решил, что, коль скоро речь пойдет о выходе всей группой, то в ночное время это выглядит безопасным. В такой темноте увидеть путешественников издали никто не сможет, а подходить к береговой черте вроде незачем. Если корабль и будет проплывать, то подойти ближе капитан, вероятно, не осмелится. При таком берегу можно попасть на камни. Хотя Риммер, конечно, увидел и понял бы больше.

Таррот вернулся и самым добросовестным образом доложил. Товарищи по экспедиции слушали и морщились. Им не нравилась отрывочность сведений. Единственным, кто не высказал недовольства, был лейтенант. Кто-кто, а он из боевого опыта знал, каким трудом (а то и кровью) достаются разведданные.

Неожиданное решение предложил моряк.

— Что, если произвести разведку в дневное время? Судя по тому, что видел наш товарищ, в непосредственной близости поселений нет. А днем он мог бы куда лучше осмотреться.

— Рискованно. Если рядом вдруг окажутся аборигены, то могут напасть.

— На Таррота уже наложен щит.

— О, вот еще лучшая мысль. Портал в море. Погрузишься, и тебя, друг, никто не увидит.

Идея была зарезана. Тифор высказался против заливания мира "Т" морской водой в большом количестве — это могло плохо сказаться на портале в мир Маэры.

Вторая вылазка показала, что людей вокруг портала не видно даже днем. Поселение просматривалось отчетливо; по словам Таррота, до него было с полторы маэрских мили по прямой.

— Только прямой дороги там нет, — предупредил он. — Местность такая... изрезанная.

Как всегда, последние (отложенные на последний момент) дела оказались в наличии, более того: в большом количестве. Как всегда, напряженным трудом их удалось переделать. Как всегда, начальство выдало прощальную речь.

— ...таким образом, задачи перед вами следующие. Первая и главная: вернуться живыми и здоровыми. Помните, вся эта экспедиция, в сущности, разведывательная. Только при благоприятной обстановке выполняйте следующие по приоритету задачи, а именно: установить добрые связи с местными, определить их военный потенциал и уговорить кого-то из негаторов последовать в мир Маэры. Мы прикинули: это реализуемо. По возможности поищите следы Професа. Ну, с нами Пресветлые силы!

Выход был рассчитан так, чтобы оказаться в мире земли в глухую полночь. Портал из мира "Т" был ровно такой величины, чтобы протиснуться дракону.

Вылезши в незнакомом мире, путешественники оглянулись, а капитан Риммер с демонстративным удовольствием потянул носом воздух.

— Пахнет морем, — объявил он.

Возражений не последовало — тем более, что море шумело совсем рядом под обрывом.

Малах немедленно взял листик бумаги и перо и при свете магического фонарика составил записку: "Прибыли на место, обустраиваемся. Малах." Записка была вложена в кожаный пенал и вброшена в портал, который тут же и захлопнулся.

Командор взялся за командование.

— Так, ребята. Мариэла, мы с тобой пройдемся вокруг в поисках людей, но не далее ста шагов. Риммер, на вас наблюдение за морем. Тифор, пошарь водяной магией. Наверняка что-то да почувешь. Таррот, на тебе пещера.

Сколько не шарила в магопространстве весьма почтенная, как ни вслушивался сам Малах, как ни вглядывался в темное море капитан — ничего. Почти ничего.

— Есть не вполне ясный сигнал, — доложил рыжий, — вроде как несколько кораблей, но не двигаются они, а стоят на якоре... так как-то выходит.

— Направление?

— Где-то вон там, но потоки делают дугу, огибая берег, так что...

— То есть вон за тем мысом отстаиваются на якорях?

— Так ветер не из сильных.

— Торговые суда под разгрузкой?

— Не будем гадать. У нас есть чего делать до рассвета.

— Пещера, собственно, готова. Но на ее оборудование уйдет еще часа два.

— На что именно?

— Воду подвести, устроить слив нечистот, комнаты отдельные. Вот с очагом будут проблемы.

— Так он не особо нужен. Готовить можно на кристаллах, они у нас есть.

— Все так, да я побережь их хотел.

— Таррот, ты продолжай оборудовать. А потом отдохни как следует. Да, между прочим: купание и рыбную ловлю пока отложим. Мы даже не знаем, насколько здешняя рыба

безвредна.

— Ну, отравление я вылечу.

— Нет уж, твои силы мы лучше побережем.

— Тогда начинаем таскать.

Пещера выглядела отменно даже на человеческий вкус: пять отдельных комнаток, нечто вроде кают-компаний с каменным столом-плитой и длинной каменной же лавкой. Аж целых два туалета! Правда, с водой был некоторый дефицит, но на пятерых ее хватало с избытком, если не устраивать ежедневную помывку. Дракон мог использовать крохотную площадку перед входом, другим же предстояло пользоваться складной железной лесенкой. А еще в пещере была сделана каменная полочка, на которую Малах торжественно водрузил часы.

Спустя жалких, ничтожных четыре часа все было разложено (не раскидано!) по местам, дежурный (на это добровольно подписался капитан Риммер) приготовил ужин, каковой был съеден в сопровождении похвал.

Командир железной волей и силой голоса приказал немедля отдыхать, каковой приказ никто не посмел оспорить. Не вполне довольным выглядел только дракон: он, как и его соплеменники, предпочитал подстилки из камыша, тростника, на худой конец из соломы и мелких веточек, но в темноте такую было не собрать. В результате ему достался, как и другим, готовый и довольно тощий матрас.

Сам командор прохаживался неподалеку от входа в пещеру. До рассвета, по его прикидкам, оставалось не так много.

Солнце еще не показалось над горизонтом, когда одного из спящих разбудил шепот:

— Таррот, поднимайся, есть задание.

Неуклюжий дракон ухитрился встать практически бесшумно. Не желая будить товарищей, он вопросительно глянул на человека.

— Уже светло. Слетай и посмотри, насколько вход в пещеру заметен с моря. И если очень уж бросается в глаза — подумай, как замаскировать.

В ответ последовал кивок и бросок в сторону выхода.

Вернулся дракон не более, чем через десяток минут. Вместо доклада последовал жест лапой, приглашающий выйти на площадку у входа.

— Совсем уж незаметным не сделать, но могу кое-чего поправить магией земли. Мне бы час на это. А ты пока сам отдохнуть можешь.

Малах задумался лишь на секунду.

— Добро. Потом прикажи Тифору тебя сменить. И поглядывайте на часы: в двадцать три часа по маэрскому времени ждем посылку через малый портал.

Путешественники успели встать и позавтракать, а дракон с некоторой гордостью заявил, что "слегка замаскировал" вход в пещеру. Когда же его стали спрашивать о средствах маскировки, то Таррот признался, что изменил структуру камня, в результате чего округлость входа оказалась смазанной беспорядочным накоплением темных и светлых пятен.

Сарат не подвел: в назначенное время через портал выскочил уже знакомый кожаный футляр. Вопреки ожиданиям, командор достал оттуда не краткую записку, а целый лист, свернутый в трубочку. Пробежав взглядом по написанному, Малах явственно изменился в лице, аккуратно расправил бумагу и прочитал уже очень внимательно, после чего решительным шагом подошел к лесенке.

— Всем собраться в зале, — отрывисто приказал командор.

Реакция была различной. Дракон, отслеживавший обстановку на море, повернул голову. Капитан Риммер нахмурился. Тифор убежал звать Мариэлу, которая исследовала траву вокруг места высадки в поисках знакомых видов.

Наконец, все собрались. Малах молча протянул послание магу жизни. Та прочитала быстро, сказала с невозмутимым видом: "Ага" и передала бумаги моряку. Тот прочитал, отреагировал бесстрастным: "Так" и, в свою очередь, протянул бумаги Тифору. Тот не поленился прочитать целых два раза, молвил: "Тут считать надо" и отдал материал дракону. Таррот, как и все драконы, читал заметно медленнее людей — не в силу особенностей мышления, а по причине малой привычки к чтению.

— Мне кажется, Тифор должен нам прояснить ситуацию, — спокойно заявил Малах. — Расскажи простыми словами, что там случилось.

— Мы такое не предвидели. Правда, Профес, по словам Сарата, предполагал теоретическую возможность, но на практике...

— Одну минуту...

Голос у мага жизни не звучал тревогой или недовольством. Скорее он был доброжелателен, даже мягок.

— ...ПОЧЕМУ это произошло, мы услышим позднее от тебя же. Сейчас нам очень нужно знать, ЧТО произошло.

— Ну, кристалл алмаза, что отвечал за большой портал, взорвался. Тот, который обеспечивал полуторный — он целый и вроде как в порядке. По малому portalу проблемы быть не может: кристалл тоже без повреждений, к тому же у нас таких несколько. Но вот запасного большого алмаза нет. Они там волнуются, понятно, но надеются на наш опыт, а сами спешно готовят большую экспедицию на Север за алмазами.

— Я могу дать более подробные объяснения, — вмешался моряк, — потому что сам был капитаном в таких экспедициях. Таковая возможна лишь летом, притом для большой добычи желателен корабль океанского класса, но я слышал, что, чем крупнее кристалл, тем он реже встречается.

— Следовательно, пока мы здесь застряли, — резюмировал командор.

— И еще добавлю, — вмешался Тифор, — что нужен только совершенно прозрачный... ну, в крайнем случае чуть-чуть окрашенный.

— Иначе говоря, еще неизвестно, найдет ли первая экспедиция нужный алмаз. А то еще вторая понадобится или даже третья. Но даже в самом лучшем случае ждать придется месяца четыре. Иначе говоря, без контакта с местными не обойдемся, — жестко резюмировал командор. — Да, вот еще. Тифор, теперь расскажи, почему так случилось. И что надо делать, чтобы впредь такого избежать.

— Сам я такого ни разу не видел, но предполагаю, что концентрация потоков была настолько велика, что кристалл не выдержал. А избежать просто: взять алмаз покрупнее...

Тут молодой магистр несколько смутился, поскольку как раз задача по раздобыванию алмаза нужной величины только что рассматривалась.

— ... просчитать можно, но дело долгое. Мне с недельку или две.

— Чепуху городите, Тифор. Не сомневаюсь: то же самое сейчас рассчитывают на Маэре, а они сумеют сделать это быстрее вас. На это даже не стоит тратить время...

— Но задача очень интересная!

— ...и вы ею займетесь после нашего возвращения. Не сомневаюсь: докторская у вас в кармане. Я бы поставила другой вопрос: чем мы можем заинтересовать местных?

— Тифор?

Рыжий маг не задумался ни на секунду.

— Я бы мог преподавать.

— Что?

— Основы магии.

— В присутствии негаторов? Спятил.

— Вовсе нет. Вот смотрите: выясняем, сколько их тут вообще, негаторов. Если один на сотню человек — не так все плохо. Я мог бы выявлять одаренных и учить.

— Ага, а защиту из чего?

— Заказать на Маэре.

— Недешево станет.

— Но возможно.

— Ладно, это вариант. Таррот, что скажешь?

Дракон как следует подумал.

— Моя работа — разведка. Если они воюют, а ничего летающего у них нет, то мои услуги...

— ...могут быть востребованы, верно. Но что, если не воюют?

— Все понятно, принято к сведению. Риммер?

Капитан проявил осторожность.

— Все зависит от того, насколько у них развито морское ремесло. Возможна продажа движков, например; уж это недорого обойдется. Короче, нужна информация. А если они воюют — продавать им всякое оружие. Протащить его через портал в разобранном виде — раз плюнуть. Но и тут нужна информация. Мы ни на медяк не знаем, чем они тут пользуются.

Послышалось всеобщее согласие.

— Мариэла, ваше мнение?

— С моей стороны все просто: услуги магии жизни. Уж это всегда востребовано. Но я тоже оговорюсь: не знаю, насколько искусны местные целители. Нужна информация, тут поддерживаю ребят.

— Еще идеи?

Тифор поднял руку.

— Торговля. То, что можно протащить через портал... — магистр беспомощно зашелкал пальцами, — ну, например, кристаллы. Если они не ценят их — а ведь наверняка, магии-то нет — можно купить задешево и выгодно продать у нас. Даже алмаз купить. Я бы золота не пожалел.

— И опять все упирается в информацию. Цены... всякое такое. Ограничение по размеру, опять же.

Уроки Професа Малах помнил хорошо:

— Подвожу итоги. Что бы мы ни придумали — все упирается в нехватку информации. Нужен ее источник из местных, причем сильно нужен. Если речь идет об одиноком прохожем — берусь его захватить. Но думается, что в данном случае мирными методами достигнем большего. Да, вот кстати: Мариэла, просканировать память?

— Могу, да только ценную информацию сходу не получим. Где был, что пил, кого встретил... это ведь нам не надобно? Уровень цен — и то под вопросом, если это не купец.

— Ну, это вы хватили. Крестьяне цены знают.

— На зерно, мясо, молоко — да, знают. Как насчет алмазов?

Все собрание дружно усмехнулось.

— Я думаю, что крестьян-то здесь мало. Дорог нет, земля не пахотная, да и пастбище не устроить. Вот рыбаки...

— А тех мы не изловим, разве что Таррот...

— Как раз дракону показываться не след, перепугает он местных. Здесь таких ведь нету.

— Это почему же?

— А потому, что для летания драконам нужна магия, а с ней в этом мире... сами знаете, как.

— Но кто-то все же ходит.

Начальник экспедиции просветлел лицом.

— Есть идея: амулеты-следилки. Помнится, мы с полковником Тареком... тогда он лейтенантом был... устанавливали такие. Тифор, что скажешь?

Главный универсал экспедиции соорудил высокоученую мину.

— У нас есть хороший кварц, еще рутил... Ну, на тройку амулетов хватит. Расставить по дороге. Серебро тоже найдется.

— А серебро и не нужно. Уж с кристаллами как-нибудь справлюсь.

— Тифор, ты не прав. Что, если ты понадобишься в другом месте, а поставить сигналки должно быть по возможности кому угодно.

— Принято. Вот кстати: а как делать руны на серебре?

— Уж это просто. Магия трансформации, а если энергии жалко, так процарапать ножом.

Неожиданно встрепенулся крылатый путешественник.

— Есть еще идея. На рассвете я могу вылететь из пещеры, проплыть, скажем, пару миль, потом взлететь на высоту миль семь. У людей неважное зрение, я оттуда им покажусь точкой, а драконьи глаза — другое дело. Конечно, если облака не помешают. Кристаллы связи найдутся, я уверен. Кстати, смогу посмотреть на их корабли.

Возражения выдвинул капитан Риммер.

— Я бы и согласился, но... моряки, они на зрение обычно не жалуются. Даже с семи миль какой-нибудь особо зоркий может заметить странное существо в воздухе. Это встревожит. Тут есть другая мысль. Не на рассвете, а ночью. Если погода в этом мире подчиняется тем же закономерностям, что и на Маэре, то ночь будет малооблачной. И лететь можно будет на меньшей высоте. Вот что нам это даст...

Споры были и недолгими, и не особо напряженными. Никто не возразил глубокому и тонкому афоризму Малаха: "Любая правдивая информация лучше, чем никакая". Также все дружно согласилось, что осторожность необходима едва ли не больше. По этой причине воздушному разведчику были даны несколько неопределенные инструкции:

— Таррот, ты едва ли не лучше любого из нас представляешь возможность заметить летящего дракона с земли. Поэтому выбор маршрута на тебе: хочешь — со стороны моря, хочешь — наоборот. Постарайся запомнить местность, мы потом составим карту.

Луна светила со стороны суши. Обрывистый берег казался по этой причине совершенно черным. И уж точно никто не смог бы заметить темное тело, взвившееся в воздух без малейшего шума и расправившее крылья лишь на высоте более сотни ярдов.

Командир назначил часовых. Первой заступала Мариэла. Это время считалось наименее трудным. Потом был черед Риммера. Самую скверную предрассветную стражу командор

взял на себя. По его расчетам, как раз тогда разведка и должна была вернуться.

Малах почти угадал. Тяжелое приземление дракона случилось в момент, когда стража Риммера заканчивалась.

К некоторому удивлению лейтенанта, проснулись все. Засветили кристалл. Таррот деловито подошел к каменному столу в кают-компании и затребовал бумагу.

— Значит так, ребята. Вот здесь берег образует бухту вот такой формы... а за ней к северу еще одна, и еще одна... в ней находятся суда...

Тут дракон попытался нарисовать карту. Получилось плохо. На помощь ему пришла Мариэла. Вдвоем они рисовали и перерисовывали, споря шепотом. Наконец, карта была представлена на рассмотрение.

— Суда, значит, тут. Я был высоко, ночью угадать их размеры... ну, я не уверен, но почти на всех было больше двух мачт. Короче, большие, по нашим меркам. Точное количество судов тоже не скажу, видимость была неважной, но за пятнадцать могу поручиться. На берегу дома... разной величины, есть и двухэтажные, точно. Огоньки горели не во всех — видимо, поздно было. Кстати, светили они похуже наших фонарей — мне показалось, похоже на свечи. В одном окне видел свечу, с гарантией. Даже люди были видны, хотя и мало. Все суда на рейде...

На этом месте дракон глянул искоса на Риммера — явно гордясь употреблением морского термина. Капитан поощрительно кивнул.

— ...были затемнены. На палубе трех судов разглядел восьмерых человек, но это мне повезло: как раз луна показалась. И вот еще важно: даже при ночном освещении я заметил дорогу, которая вела от поселения в нашем направлении. Кстати, не такое уж маленькое оно, домов там, как в порте Надежда. Ночью не так хорошо видно, и я не заметил, чтобы она до нас доходила, но это надо бы при свете... Дорога не из лучших, за это поручусь.

Командиру опять пришлось подбивать итоги.

— Хорошо сделано, Таррот. Теперь так: сейчас все, кроме часового, на отдых, а в утра делаем сигналки. С наступлением темноты я их расставлю. А вот как бы следить за дорогой, пока их нет... Хотя... Тифор, ты универсал, в этой почве можешь отрыть укрытия для секретов?

Магистр напустил на себя важность.

— Могу, конечно, но мне бы знать, где их располагать, да какие размеры.

— Все это беру на себя, — бывший сержант разведвзвода, а потом и его командир знал свое дело. — Эй, друг Тифор, очнись! О чем задумался?

— Понимаешь, командор, забыл я что-то важное и нужное. И не могу вспомнить.

— Ну так вспомнишь потом, — отмахнулся Малах с чуть наигранной беспечностью. — Лучше прикинь, сколько у нас вообще кристаллов, да на сколько их хватит. Мне еще составлять отчет для Сарата.

Командор не сказал вслух, что этот отчет будет включать в себя еще и просьбы прислать то-то и то-то. Подчиненные догадались о невысказанном, но промолчали. Пока командир размышлял, рыжий громко вскрикнул:

— О! Вспомнил! Негация — она как реагирует с потоками? Гасит их, так ведь мы думали?

— Ну да...

— А вот и нет! Она гасит лишь измененные потоки, а не естественные, вот как! Мы же

естественные потоки всех видов ловим здесь, а? Это какая же тема для докторской...

Тут встряла маг жизни.

— На защиту пригласишь? Спасибо заранее, а теперь давай-ка поработай мозгами, чтобы эти мечты осуществились.

Намек был понят. Магистр-универсал принялся думать — и не подвел. К назначенному времени появилось несколько листов с прикидками и пояснениями.

Кристаллы-накопители (бесцветный кварц) имелись в достаче: "с запасом на год хватит". Специализированных на магию воды кристаллов синего кварца, по мнению Тифора, "хватит, чтобы раз десять туда-обратно на "Гладкой воде" пересечь Великий океан". Правда, он не знал, какова ширина этого океана на Земле. Красный кварц был потребен для согревания, отопления и (возможно) сварки, и вот он мог оказаться дефицитом. Несколько хуже обстояло дело с кристаллами для магии воздуха — правда, и ее применение в крупных масштабах не ожидалось. Зато для магии земли наверняка пополнение не требовалось. Хуже всего было с морионом. Несмотря на все усилия, получить искусственно черный кварц пока что не удавалось. Вот такие кристаллы приходилось беречь. Когда же дело дошло до пирита, то рыжий маг пожал плечами:

— Не знаю, какова будет потребность. Если понадобится строить корабль — так от десяти до тридцати, да и то лишь приблизительно. Нашему дракону могут пириты понадобиться... и опять же: сколько он летать будет, никто не знает. Да, вот кстати. Рутилы мы частично потратим на сигналки, но потом их заново надо будет использовать для связи. Ну и еще... короче, вот список. Командор, также бумаги бы нам запасец.

Послание в назначенный час ушло в портал. Туда же отправились личные письма участников экспедиции. Тут же оттуда выскочило письмо с противоположной стороны. К удивлению многих, в тубусе оказалась свернутая трубочкой стопка чистых бумажных листов. Видимо, на Маэре догадались о возможной нехватке.

Сигналки были расставлены, дежурные назначены. Осталось лишь встретиться с контактом.

Флотский лейтенант Владимир Николаевич Семаков пребывал в скверном настроении. И развеять это состояние духа не могла даже пешая прогулка, которую этот достойный офицер предпринял именно с целью обрести душевное спокойствие.

Дело было не в том, что надвигалась война, а флот не был к ней готов, несмотря на победные реляции. Причина ипохондрии заключалась даже не в том, что Семакова не хотели слушать те, кто принимал решения — в конце концов, адмиралы для того и существуют, чтобы полагать, что они все знают лучше лейтенантов. Дело было в самом офицере, который, будучи в хорошем смысле слова карьеристом, прекрасно осознавал, что именно карьера ему не светит. Предстоящая война грозила оказаться отнюдь не победоносной для родного флота. И он, Семаков, не только не сделал ничего толкового в пользу флота, но и не представлял, что можно сделать. В результате бездарно прожит тридцать один год.

Как раз сегодня январский холодный ветер практически стих. Лейтенант брел по пыльной дороге, бездумно пиная носком форменной обуви мелкие камешки, когда глаза ему резанула картина, которой быть не могло. На его пути стояли две личности необычного свойства. Семаков был наблюдателен и сразу же ухватил взглядом все особенности парочки.

Ближе к лейтенанту находилась молодая женщина со странной внешностью и странно одетая. "Татарка", — подумал лейтенант, но тут же отверг эту мысль. Лицо и вправду наводило ассоциации с волжскими татарами, но было все же чуть-чуть не таким. Одежда точно была не рядовой: широкий, но не особо длинный темно-серый плащ (похоже, не из дешевых) с яркой желтой лентой вдоль подола. Голову прикрывал капюшон. Все ясно, мода тут и близко не проходила. На пальцах колец не было — выходит, незамужняя? Цепкий взгляд лейтенанта скользнул по сапожкам из явно дорогой кожи, к тому же с серебряными пряжками. Не крестьянка, это точно. И не торгового сословия. А кто?

Чуть позади дамы красовался тип куда более странного вида. В умном лице тоже нечто азиатское, хотя и менее ярко выраженное. Отчетливая военная выправка. Что-то вроде кафтана с роговыми пуговицами. Штаны хорошего сукна, заправленные в сапоги. На голове нечто похожее на картуз с козырьком. На бедре кобура с крохотным пистолетом. А главное: жесткие и быстрые глаза головореза не из последних. Охранник? Нет, скорее офицер. Но почему-то опасностью от него не веяло.

Незнакомка улыбнулась.

— Здравствуйте, — произнесла она по-русски, но с заметным иностранным акцентом. — Позвольте представиться: меня зовут Мариэла. А это лейтенант Малах. В данный момент он мой телохранитель.

Акцент... на татарский он не походил ни в какой мере, а равно на английский, немецкий или французский. Впрочем...

— *Que faites-vous ici?* — почему-то лейтенант решил попробовать сначала французский язык.

Эти двое переглянулись; дама пожалала плечиками и ответила по-русски:

— Извините, этот язык нам не знаком.

Попытки с немецким и английским языками также ни к чему не привели. Тогда моряк решил действовать последовательно.

— Лейтенант Российского императорского флота Владимир Николаевич Семаков, честь имею! Могу я поинтересоваться целью вашего здесь пребывания?

Оба обитателя Маэры про себя отметили, что хотя слова понятны, но фразы местный житель строит чуть непривычно.

Молодая дама отвечала без запинки:

— Мы двое, а также наши спутники (их трое) — путешественники и прибыли издалека. Мы разыскиваем человека, родной язык которого русский.

К этому моменту моряк уже определился: пока что фактов маловато для того, чтобы поверить или не поверить. Надо просто вести беседу и запоминать сказанное. И он начал это делать:

— Для облегчения разговора — не подскажете ли, как вас правильно величать, сударыня, и вас, милостивый государь?

Лейтенант рассчитывал узнать что-то о незнакомцах через титулы и звания, если таковые откроются.

— Это просто. В наших краях, обращаясь к офицерам, обычно говорят "сударь" с прибавлением чина. Что до меня, то ввиду моего магистерского ранга ко мне обычно обращаются "весьма почтенная". Впрочем, в неофициальной обстановке у нас принято называть друг друга просто по имени. Мы против этого не будем возражать. А как у вас?

Магистр? Выходит, у этой барышни высшее образование. Откуда?

— Вообще-то у нас обычны обращения "господин" и "госпожа". Пожалуйста, и меня вы можете звать по имени: Владимир. Также допустимо "господин лейтенант". Позвольте узнать: из какой страны вы прибыли?

Этот поворот беседы был предусмотрен. Маг жизни достала из кармана плаща фонарь-амулет: кристалл кварца в серебряной оправе.

— Вот смотрите: я нажимаю сюда...

Яркий свет был отлично виден даже в солнечный день. Это было неожиданно и не отвечало на вопрос.

— Вы можете взять наш фонарь и посмотреть на него со всех сторон.

Зрелище было совсем не тривиальным: прозрачный кристалл с красивой огранкой (названия его лейтенант не знал) величиной чуть меньше большого пальца, закрепленный в серебряной пластинке с непонятными значками. Семаков повертел фонарь в руке, несколько раз включил и выключил, убедился, что светит он превосходно, а принцип действия совершенно непонятен. Но флотский офицер имел вполне достойное образование, и потому не собирался сдаваться:

— Что это за кристалл?

— Кварц.

— Quarz? — переспросил моряк с немецким произношением. — А, помню! По-русски — горный хрусталь. Как же он работает, если не секрет?

— Секрета нет. Это магический фонарь...

Разумеется, на этот раз были все основания не верить.

— ...и прибыл он из мира, в котором магия существует. В вашем мире она отсутствует. Вот из этого мира мы и прибыли.

Семаков добродушно улыбнулся.

— Прошу извинить меня за недоверие, господа, но вы говорите невероятные вещи, прямо сказки какие-то... Насчет существования магии — позвольте усомниться. В мире, где волшебники колдуют, должно быть и магическое оружие. А вы, сударь Малах, носите пистолет.

— Если позволите, обращение "сударь" используется лишь в сочетании с чином, но не с именем, — поправила дама. — Ваше недоверие я постараюсь рассеять. Малах, покажи господину Владимиру пистолет.

Иностранец вынул оружие столь легким и привычным движением, что лейтенант Семаков не усомнился: человек по этой части опытен.

Пистолетик в глазах знатока — а моряк к невеждам себя не причислял — отличался странностью конструкции.

Удивительно тонкостенный ствол небольшого калибра. Массивная рукоять, сделанная с очевидным расчетом на удобство держания. Никаких украшений. Полное отсутствие кремня и иных запальных приспособлений.

Между тем владелец оружия нажал защелку у основания рукояти, и на ладонь выскочила удлиненная коробочка.

— Это называется магазин, в нем пули, — пояснил Малах, — четырнадцать штук. Вот это затвор. При выстреле он отходит назад, пружина в магазине передвигает очередную пулю, а затвор на обратном ходе досылает ее в ствол.

— Позвольте, но куда же насыпать порох?

— А что такое порох?

Вот этот вопрос добил Семакова. Он уже понял, что порох насыпать просто некуда, а теперь появилась ледяная ясность, что эти люди не знают о порохе просто потому, что он им не нужен. Уже осознавая бесполезность объяснений, моряк все же попытался их дать:

— Э-э-э, — промямлил он, пытаясь подобрать самые простые слова, — такой порошок, он должен насыпаться сюда. Потом его поджигают, он сгорает почти мгновенно, при сгорании образуется плотный дым, который выталкивает пулю из ствола...

Лицо Малаха оживилось.

— А, понимаю. Очень интересное решение. Вы при случае не откажете показать мне и нашим магам ваши пистолеты?

— Простите, как это: "вашим магам"?

— Так вы подумали, что я маг? К сожалению, у меня таких способностей нет. А вот Мариэла, — легкий поклон, — она настоящий маг, с образованием.

— Магистр магии жизни и разума Мариэла-риа, к вашим услугам, — и молодая дама сделала подобие реверанса.

Семаков почувствовал, что тонет. Даже моряку это не в радость, и он попытался как-то упорядочить информацию:

— Если не возражаете, закончим с пистолетом...

— О, пожалуйста. В нем пулю выталкивает магический кристалл, он внутри, вот здесь. Его емкости хватает на полторы тысячи выстрелов...

Голова у моряка шла кругом. Он, забыв про светские приличия, только и успевал спрашивать:

— А этот кристалл дорогой?

— А когда емкость кончится — заменять надо?

— А вы можете его зарядить?

— А кто может?

— Из чего пули делаются? Из свинца? Наши тоже, только круглые. А почему ваши удлиненные? Они же не будут лететь точно носом вперед в цель? Кувыркаться будут, я имею в виду...

Узнав, что кристалл сообщает пулям и вращательное движение, Семаков, зная о преимуществах штуцеров, сказал именно то, что от него и ожидали:

— А пострелять можно?

Телохранитель извлек из кармана кафтана сложенный лист бумаги и что-то вроде карандаша, расправил лист, начертил несколько кругов, каждый внутри предыдущего. Мариэла повесила бумагу на ветку чахлого кустика.

Малах постарался не выказать удивления меткостью стрельбы человека, впервые в жизни взявшего в руки пистолет из Маэры. Ему и в голову не пришло, что с местными пистолетами моряк знаком, а принципы стрельбы во многом сходны. Бывший разведчик восхвалил способности здешнего офицера. Тот, в свою очередь, отдал должное превосходным характеристикам оружия, в первую очередь скорострельности, быстроте перезарядки и небольшой отдаче, и с чуть заметным сожалением вернул его владельцу.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Офицер-пришелец принял пистолет и тремя легкими движениями разобрал.

— После стрельбы положено чистить.

— Зачем? — искренне удивился Семаков. — Ведь вы не применяете порох.

— Ствол освинцовывается, — небрежно ответил Малах, работая тряпочкой.

Весьма почтенная продолжала действовать по плану:

— Надеюсь, этот пистолет убедил вас, что мы владем магией и приши, следовательно, из другого мира. Но оружие — не моя специальность. Маги жизни умеют лечить людей. По-вашему сказать, я врач. Если у вас, Владимир, есть старый шрам или след от ожога, то могу вас от него избавить очень быстро.

Говоря это, Мариэла ничем ни рисковала. Она точно знала, что шрам есть, успев прокачать потоки.

Моряк попался в незатейливую ловушку:

— Есть, на руке. Попался я неудачно, тросом задело...

— Покажите.

Пациент разоблачился до рубашки и закатал рукав.

— Ага, так... ну, это пустяк. На две минуты работы.

Семаков в изумлении глядел, как на его глазах на месте сизоватого длинного бугра появляется нормальная кожа.

— Ну вот, — весело заявила дама, выпрямляясь, — дело сделано. Но рекомендую в течение шести часов... я хотела сказать, до заката солнца это место не беспокоить, мыть тоже не надо. А потом — что угодно.

Последовала благодарность по всем правилам этикета.

Сказочная атмосфера подсказала моряку соответствующий вопрос:

— А что, вы все-все можете вылечить?

Лицо у молодой женщины стало жестким, почти мужским.

— Владимир, магия — это часть природы, а та имеет свои законы. Всемогущих людей не существует, могу вас уверить. И потом: уровень магов жизни различается. Например, по нашим законам я имею право лечить только под присмотром наставницы. Ну, разве что в

исключительных обстоятельствах, как сейчас. Вот когда стану доктором магии, тогда могу практиковать без ограничений, но и то, — вздох, — будут, к сожалению, случаи, когда даже я не смогу ничего сделать.

— А ваша наставница?

Мариэла решила распустить перья:

— Моя наставница — одна из сильнейших магов жизни у меня на родине. Однажды на нее направили заклинание страшной силы, и тогда ее жених бросился под враждебную магию. Ударом его почти пополам разорвало, но она смогла его спасти. Правда, по ее словам, такую работу делают раз в жизни. А вот оторванную руку или ногу — это я и сама могу.

Впечатление было достигнуто.

— Скажите, госпожа Мариэла, в вашем мире только женщины врачуют?

— Нет, но почему-то женщины много чаще мужчин проявляют способности в магии жизни. Причин этого никто не знает...

И тут собеседница переменила тему:

— Так вот, Владимир, мы разыскиваем вашего соотечественника. Он долгое время жил в нашем мире, но в один день пропал. И в обмен на помощь в его розыске мы можем оказать услуги.

В этот момент ошарашенного от впечатлений моряка кольнула иголочка подозрительности.

— Этот человек — он великий маг?

— Наоборот, полное отсутствие магических способностей. Хотя теорию магии знал хорошо и достиг очень высокого положения в нашем обществе. Последнее как раз и удивительно. Но сам себя он называл инженером.

Это слово было понятно. Семаков кивнул.

Тут вставил слово Малах:

— Недалеко ходить: вот этот пистолет разработан им. Правда, наш мастер-оружейник тоже потрудился, конечно. А еще конструкция быстроходного корабля...

Лейтенант Семаков был настоящим флотским офицером, что и доказал вопросом:

— Насколько быстроходного?

— Не знаю, — честно признался Малах, — на гладкой воде он сорок миль в час без труда делал, но особо отмечаю: сорок маэрских миль в маэрский час, а вот сколько это по-вашему... среди нас есть моряк, капитан Риммер. Вот его надо спросить.

Мариэла продолжала нажимать:

— Если бы вы, Владимир, сами помогли нам в поисках или привлекли кого-то, кто имеет такие возможности, то, полагаю, взамен мы могли бы предоставить товары и услуги, которые вряд ли здесь доступны.

— Постойте, вы же говорили, что наш мир магии не имеет.

— Если быть точным, в вашем мире не могут существовать маги и магические предметы без специальной защиты. А она очень дорога. Посмотрите на фонарик. Видите этот маленький тусклый кристалл на серебре? Это сигнализатор. Когда он засветится — это значит, что магический предмет находится под угрозой уничтожения. Защитить его можно; вот другой кристалл специально для этого. Между прочим, алмаз. Без такого щита фонарик долго не проживет. Алмазы же, как сами понимаете, недешевы. Кстати, берите фонарик с собой. Полагаю, он поможет вам убедить других в реальности магии.

— И все же: почему вы его разыскиваете? Если не секрет, конечно.

Но практичная Мариэла не дала разговору уйти в сторону.

— Это будет очень долгий рассказ. И вы его обязательно услышите. Или только вы, или вы вместе с тем, кого удастся уговорить нам помочь в поисках.

Сейчас лейтенанту Семакову безусловно было ясно одно: в одиночку сделать почти ничего нельзя. Но открыто в этом сознаться тоже невозможно.

— Госпожа Мариэла, господин Малах, я приложу все усилия, чтобы помочь, даже если никого другого привлечь не удастся.

На лицах чужеземцев — или чужемирцев? — появились любезные улыбки.

— Ну, надеюсь, что кого-то себе в помощь вы найдете.

— Тогда, скажем, через два дня в то же время я... нет, надеюсь, что мы... подойдем сюда.

Малах еще раз ослепительно улыбнулся.

— Но убедительная просьба — не более троих.

На обратной дороге лейтенант Семаков совершенно не замечал усилившегося ветра, который в другой ситуации пробрался бы сквозь флотскую шинель. Главной для себя задачей он полагал приведение мыслей в порядок. Именно это давалось большим трудом.

Первое, что пришло в голову: купить чекушку и употребить таковую. Однако жизненный опыт подсказывал, что это наилучший способ отодвинуть проблему, но не решить ее.

Вторым и куда более полезным путем был поиск — нет, не того таинственного инженера, а человека для его поиска. Или, что точнее, компаньона. Тот же самый жизненный опыт говорил: эти незнакомцы суть шанс, подобного которому не было, нет и не будет.

Кого же брать в товарищи? Требования были многочисленны: не болтун (что очевидно), трезвого поведения (не хватало только пьяной болтовни по этому поводу), достаточность в деньгах (ибо этого рода резерв никогда и никому не вредил, а вот его отсутствие...), умен (а без ума тут делать нечего), да еще со связями (нужны для всей совокупности задач, а для поиска того инженера — как бы не нужнее всего). Сверх того, компаньон должен быть безусловно честным человеком. И, наконец, в кандидате должно быть довольно авантюризма, чтобы поверил рассказу.

Мысленно перебирая сослуживцев, рассудительный лейтенант понял, что кандидатур не так-то много. Скорее даже мало. В голове непрерывно всплывали аттестации вроде: "умен, но пьянь распоследняя", "хитер, со связями, но сволочь", "честен, но нищ" и всякое тому подобное.

Он уже почти дошел до Михайловской церкви, когда в памяти все же нашлось имя человека.

Приятель по училищу, а потом и по службе князь Мешков, известный среди однокашников под прозвищем Жерех; заработал он его, будучи быстрым (в драках) и умным (в учебе). Честен, это без вопросов. Не особо богат (род хоть и древний, но изрядно оскудел), а все же позволяет себе кусочек роскошества: жене камушек на шейку, себе мундир самолучший. На хорошем счету, уже командует батарейной палубой на "Трех святителях". Значит, надо его искать.

Поскольку вроде бы никаких приемов не намечалось — должен быть дома. Женатый человек, что вы хотите. И Семаков решительно направился к дому, в котором снимала

квартиру чета Мешковых.

Встречен гость был вполне радушно.

— Ба! Таточка, смотри, кто к нам пожаловал. Дружище, ты аккурат к ужину. Тата, распорядись, чтоб Фрося еще прибор поставила.

Тут хозяин заметил, что гость явно не в себе, и решил слегка подшутить:

— Да ты, брат, никак уже воспринял? Ничего, мы еще нальем, а потом...

— Трезвый я, Миша. И наливать не надо.

Сказано было так, что умный Мешков тут же переменял тон:

— Нет, так и ладно. Давай все же за стол, а уж после поговорим.

Княгиня тоже присмотрелась к визитеру и сделала свой вывод:

— Владимир Николаич, у вас новости плохие?

— Военные новости, Татьяна Сергевна. Совет нужен от вашего мужа.

Голос Татьяны Мешковой чуть дрогнул:

— Так значит, все же война?

— Нет, тут другое... Да что мы все о делах? Отложим их до "после ужина"!

Гость похвалил виноградное вино, воздал должное искусству кухарки. Наконец, ужин был закончен, и хозяин дома удалился с гостем в курительную.

— Не возражаешь, я закурю сигарку?

— Нет, не возражаю, — чуть более резко, чем следовало бы, отвечал Семаков.

Князь без спешки раскурил сигару, выпустил ароматное кольцо дыма и твердо предложил:

— А теперь рассказывай.

Гость глубоко вздохнул.

— Жерех, ты сам видишь: я не пьян.

— Неплохое начало, — одобрил хозяин дома. — Пожалуй, засвидетельствую.

— Вот поэтому, — продолжил Семаков, — постарайся выслушать меня, не перебивая. Обещаешь? Потом задашь все вопросы, какие на ум придут. Началось же все с того, что шел я сегодня по дороге, ведущей к мысу...

Князь Мешков был, без сомнения, человеком чести. Он не перебил товарища ни единым словом.

— ...и под конец Мариэла дала мне этот... она его назвала фонарик. Вот так он зажигается, а так гасится.

В комнате было уже темно. И единственная горящая свеча не шла ни в какое сравнение с мощным лучом, бившим из кристалла.

— Дай и мне попробовать.

Мешков внимательно рассмотрел кристалл в серебряной оправе. Там просто нечему было светиться. И точно можно поверить в нечистую силу. Но однокашник и не думал останавливаться.

— Это не все. Помнишь, на мореходной практике было приключение: меня в лазарет отвели с рукой. Лопнувший трос.

— Да, конечно. Старший тогда сказал, что ты еще дешево отделался. Шрам у тебя остался, но рука действует, так?

— Рука работает, но... посмотри, что эта Мариэла сделала со шрамом.

Смотреть было не на что.

— Что сделано, я вижу. Что она с ним делала?

— Смотрела пристально. Но больше всего меня убедил пистолет охранника...

Описание оружия заняло с полчаса.

— Да-а-а... — князь тряхнул головой, как будто прогонял наваждение. — А ты не подумал о магнетизме? Могли ведь навести тебе мысль...

— Подумал. Но ведь шрам ты видел своими глазами... имею в виду, тогда. А сейчас — ну хочешь, к доктору зайдем? Он те скажет: есть тут что-то или нет. Как?

— Нет, этого не надо. погоди, дай подумать...

Мешков неторопливо затянулся раз, другой, третий. В тусклом освещении огонек сигары то разгорался, то угасал. Наконец, окурок ушел в пепельницу.

— Вот что я тебе скажу, Клик, — это было прозвище Семакова с гардемаринских времен, а происходило оно от громкости голоса, — у нас мало сведений. Ты не знаешь, как зовут этого инженера, не знаешь, как он выглядит. Как искать прикажешь? А главное: не знаешь, какие выставят условия эти... гости с Луны.

— Они говорят, что из другого мира.

— По мне, так хоть и с Марса. Надо бы с ними поговорить подробнее, так что поедем в гости. Ты подумай, о чем их спрашивать, я тоже. Потом: хочу третьим взять Тихона Неболтая.

Этого человека Семаков знал. Хорунжий Неболтай сошелся дружбой с родовитым князем. Это знали все сослуживцы-моряки, но не все знали причины. А таковые существовали.

Хорунжий служил в пластунах. Может быть, поэтому он отличался быстротой в решениях и умением в обращении с любым оружием. Этого было уже достаточно, чтобы снискать уважение Мешкова. Но главное: казак любил читать, что при его уровне образования было несколько необычно. Вот книги-то и сблизили совершенно сухопутного хорунжего с флотским лейтенантом.

— Жерех, на какого беса он нам? Телохранителем, что ль?

— И это тоже. Главное же: у Тихона сухопутный взгляд — а нам того и надо.

— Ну, разве так. И вот что... честно скажу: я в истории господина Гоголя о ведьмах не верю, но зайду в Михайловскую церковь, попрошу у батюшки бутылочку святой воды. Вреда не будет, это уж точно.

Встреча произошла в назначенное время и в том же месте. Но состав отличался.

Малах смотрел на все глазами военного. В группе из троих, приехавших в пароконном экипаже, одного он уже знал: лейтенанта Владимира. Вторым был мужчина того же возраста и в очень похожем наряде. Малах догадался, что это некая общая форма одежды для военных. Третьим была личность в одежде совершенно другого вида и покроя, при суконой шапке с меховой опушкой и с кривым мечом у левого бока. Особой приметой были пышные усы пшеничного цвета. У командира разведзвода мелькнула мысль, что этот тоже военный (судя по усам и мечу), потом он подумал, что одежда явно не соответствует одеянию его двух товарищей — возможно, усач из сухопутных сил.

Мариэла первой начала разговор.

— Здравствуйте, Владимир. Пожалуйста, познакомьте нас со своими спутниками.

Последовал явно вежливый жест (рука у виска).

— Госпожа Мариэла, господин Малах, разрешите представить вам князя Михаила Григорьевича Мешкова, с коим дружу еще с гардемаринских времен. А это — хорунжий Тихон Неболтай. Он наш консультант по сухопутным делам, ибо мы с Михаилом моряки.

— Князь — это титул, как я предполагаю?

Само слово Мариэла знала из русских сказок.

— Совершенно верно.

Пока шел обмен любезностями, казачий хорунжий, будучи зорким и сметливым (а другие в пластунах не выживают) вроде как мимоходом, но очень внимательно оглядел молодую женщину.

"Так... на вид похожа на татарку, хоть и по-русски изъясняется. Но все ж татары гуторят не так. Иностранцы? Плащ диковинный, шляпку не носит, чудно... Но глаза-то, глаза, мать честная! Кажись приветливые, но властность аж прет. Непростая барышня! Оружия не видно, но угроза от нее имеется..."

А казак потому и дослужился до офицерского чина, что умел предвидеть опасность и, натурально, избегать ее.

Второй был куда проще... на первый взгляд. "Военный, оно видать-то и без подозрительной трубы. Офицер поди, хоть и невысокого чина. Пистолетик на боку — ну, об этом-то князюшка предупредил. Ладно, эту штуку можно и потом глянуть, уж в такой-то малости небось не откажут. Но движется знакомо, даже слишком... К бабке не ходи, тоже из пластунов или как они их называют..."

Последовало представление. И еще одна улыбка молодой барышни.

— Господа, предлагаю последовать за нами в наше скромное жилище.

Насколько хватало взгляда, вблизи никаких домов не наблюдалось. Но женщина, не оглядываясь, уверенно шла к самому берегу моря. Нет, все же оглянулась.

— Вашу... — тут Мариэла запнулась, явно подыскивая слово, — повозку можно оставить здесь. Вряд ли ее украдут, а если кто на это осмелится, то сильно пожалеет.

Намек был более чем прозрачный, но Семаков сделал вид, что ничего не понял:

— Здесь пустынно, госпожа Мариэла, да и время года неподходящее для татей. Кстати,

разрешите пояснить: такой экипаж у нас называют бричкой.

— Благодарю.

Молодая женщина подошла к самому обрыву. Только тогда оба офицера и казак увидели железную лесенку, спускающуюся к морю.

— Прошу за нами.

И дама с неженской ловкостью спустилась вниз, за ней последовал телохранитель, а там и гости. Последним спустился хорунжий, причем отметил, что лесенку заметить снаружи очень трудно, и если их будут искать, то этот процесс затянется.

А дальше начались сюрпризы.

Первым из них был не очень-то заметный вход в обширную пещеру с удивительно гладкими стенками. И пещера была вполне неплохо приспособлена для житья. Просто удивительно, что никто из местных не знал о ее существовании. А откуда пришельцам о ней стало известно?

Второй сюрприз, собственно, таковым почти не являлся: позавчера их предупредили, что один из группы — моряк. По виду германец, имя тоже германское: Риммер. И все же элемент сюрприза существовал: такой же пистолет на боку.

Третьим элементом внезапности был рыжий лохматый молодец с открытой улыбкой — и тоже с пистолетом. Внешность молодого человека была вполне себе русской, а вот имя Тифор вообще не наводило на мысль о какой-либо национальной принадлежности.

Четвертым был отчетливый и весьма неприятный запах. Козла они с собой захватили, что ли?

И тут неожиданно вопрос в тему задал хорунжий:

— Госпожа Мариэла, а можно узнать, как вас величать по отчеству?

Увидев, что собеседница явно не понимает, о чем вопрос, казак уточнил:

— Как звали вашего отца?

— Заххар.

— Выходит, Мариэла Захаровна. Понятно. А как звали вашего отца, господин капитан?

Риммер улыбнулся. Гостям показалось, что ситуация его забавляет.

— Карол.

— Тогда Риммер Карлович. А у вас, господин Тифор?

Рыжий почему-то стал серьезен.

— Аххмед. Мой отец был наполовину южанин.

Казак не понял, причем тут юг, но кивнул.

— А у вас, сударь?

— Отца звали Надир.

— Ясно: Малах Надирович. А меня Тихон Андропович.

Маг жизни перевела взгляд на Мешкова.

— А, поняла. Выходит, имя вашего отца... э-э-э... Григорий. Так?

Князь утвердительно кивнул, а Семаков про себя отметил нетривиальный ход со стороны хитрого хорунжего, направленный на уточнение происхождения собеседников, и поспешил добавить:

— У нас принято в знак уважения звать человека по имени-отчеству. Так что не удивляйтесь.

Но удивляться пришлось для начала ему самому, а также его спутникам. Из-за перегородки в пещере появился пятый член экспедиции. Умная Мариэла тут же взяла

инициативу в свои цепкие пальчики.

— Познакомьтесь, это наш пятый товарищ, он дракон, и зовут его Таррот.

— К вашим услугам, господа, — поклонил голову, несомненно, самый опасный из обитателей пещеры.

При свете двух магических светильников зверь навевал ассоциации с нечистой силой. Сложенные крылья. Зубчатый гребень на спине. Четыре лапы с длинными когтями — на вид не очень острыми, но внушающими уважение. Клыки в пасти, внушающие еще большее уважение. Чешуйчатая броня красного цвета.

Реакция гостей была кардинально различной.

Хорунжий бросил правую руку к рукояти своего меча, но тут же убрал ее. Однако было заметно, что если дело дойдет до драки, то свою жизнь он продаст не задешево.

— Змей Горыныч, — пробормотал он, глядя во все глаза.

— Я не змей, — последовал исполненный достоинства ответ, — я дракон.

Казак, явно следуя наитию, спросил:

— А как звали вашего отца, уважаемый... дракон?

— Гаррин.

— Ну, я ж говорил: Горыныч.

Князь даже не попытался достать оружие (его, похоже, и не было), а вместо этого всматривался. Со стороны могло показаться, что он изучает собеседника взглядом.

Дракон вежливо осведомился:

— Михаил Григорьевич, вам мой вид показался знакомым?

— В некотором роде, — отвечал Мешков почти спокойным голосом, — я сравнивал вас с известными изображениями драконов.

При этих словах дама обменялась с рыжим молодым человеком многозначительными взглядами, но в разговор они не вмешались.

— Где же вы нашли изображения?

— Мой отец купил китайскую ширму с изображением красного дракона.

Сколько-то времени ушло на перевод непонятого словосочетания "китайская ширма". Потом Мешкову пришлось объяснять, почему он полагал драконов выдумками.

Когда этот вопрос был решен, в беседу вступил Семаков с совершенно неожиданными словами:

— Таррот Гарринович, вы не будете против, если я побрызгаю на вас водой? — и с этими словами достал бутылочку темного стекла.

Люди иного мира остолбенели. Крылатый же проявил светскую учтивость:

— Драконы очень любят плавать, господа. Так что я совершенно не против воды. Но потом, сделайте милость, успокойте мое любопытство и объясните, зачем вам это понадобилось.

Мешков изобразил на лице чуть заметную мину скепсиса. Семаков сохранял полное бесстрашие и смахивал всем видом на ученого, проводящего сложный эксперимент. Видимо, он был не вполне осторожен, ибо брызги попали также на плащ Мариэлы. Что до казака, то он втайне рассчитывал на сильное действие святой воды.

Судя по отсутствию результата, пришельцы не принадлежали к нечистой силе.

Казак с явным облегчением пробормотал "Слава царице небесной" и перекрестился. Пришельцы притворились, что ничего не заметили.

Владелец бутылочки объяснил свои действия не слишком пространно: дескать, на

некоторые враждебные человеку существа этот тип воды действует отвращающе, и такая проверка доказала, что к указанным тварям гости из иного мира не относятся.

Хорунжий, сам того не зная, направил беседу в нужное русло.

— Вы, значит, хорошо плаваете, господин Таррот?

— Ну, разумеется. Драконы охотно едят рыбу, поэтому обязаны хорошо плавать.

— То есть вы ее сами ловите?

Красночешуйчатый улыбнулся жутковатым оскалом.

— Конечно, сами. Вот кстати: в этом море рыба съедобная?

Местные явно удивились вопросу.

— Вполне, — ответил за всех Мешков.

— Я имею в виду: тут водится рыба, которую нельзя есть — ядовитая, например?

— Не слышал про таких.

— Я тоже.

— В таком случае, господа, я сейчас угощу вас свежесловленной рыбой.

И с этими словами дракон целеустремленно двинулся к выходу из пещеры. Первым за ним пошел Неболтай. Оба офицера отстали совсем чуть-чуть. Всеми троими двигало любопытство, но казаку было интересно плавание, а флотские желали увидеть полет.

Любознательность получила полное удовлетворение. Дракон даже не подпрыгнул — просто и легко поднялся в воздух, развернул не такие уж огромные крылья и без всяких взмахов пошел по кривой линии вверх. Он отлетел не далеко (по оценке Семакова, не более двух кабельтовых), когда явно углядел добычу, стремительно пошел к воде, одновременно складывая крылья, и нырнул, а когда снова появился на поверхности, в когтях билась крупная, по меркам людей, рыба.

Прошло не более шести минут, как дракон приземлился у входа в пещеру.

— Как это здесь называется?

— Лобан, — без раздумий констатировал Семаков, — хорош, фунтов на десять с лихом.

Казак подтверждающе кивнул.

— Так я сготовлю? — предложил дракон.

Это был еще один повод для удивления.

— Вы хотите сказать, господин Таррот, что едите жареную рыбу?

— Скорее запеченную.

— Нет уж, пусть эту рыбу сделает Тифор, — твердо заявил Малах. — Вы не могли этого знать, господа, но у драконов вкус в части соли отличается от человеческого. Они ее почти не едят. А у нас кое-что есть к этой рыбе.

Тут на каменный стол была установлена бутылка.

— Настоящая водка! — торжественно объявил командор. — Ее Хаора делала, не кто-нибудь. Между прочим, тоже изобретение Професа.

Этой фразой Малах, сам того не подозревая, пустил весь дипломатический план вразнос.

— Простите, кого?

— Професа. Того самого человека, кого мы разыскиваем. Ну, полное имя Профес-ор, но его чаще звали сокращенно. Или просто "командир".

Моряки обменялись взглядами.

Потом Семаков осторожно спросил:

— Профессор — это понятно, а имя его какое?

Насторожились все, кроме Тифора, который в тот момент вышел на площадку и чистил там рыбу.

— Это его имя. Так он себя называл, — медленно произнес Малах, уже чувствуя неладное.

Последовал еще один обмен взглядами.

— В русском языке нет имени "Профессор", — негромко сказал князь.

Почему-то Мариэла кивнула. Жест заметили все, но поняли лишь ее товарищи. Местные не могли этого знать, но маг жизни только что проверила слова на правдивость — и убедилась в ней.

— Он так себя называл? — переспросил Семаков.

— Да.

— Наверное, у него были причины скрывать свое настоящее имя, поскольку у нас это слово означает ученое звание. Но лишь по профессорскому рангу найти человека будет совсем не просто. У нас принято таких именовать по ученому званию с добавлением фамилии, например, "профессор Иванов". Но профессоров в России немало. Всех проверять? Как?

— Есть еще кое-что, — Малах извлек из саквояжа лист бумаги. На нем красовался портрет, сделанный по памяти Каридой. Все, знавшие Професа в лицо и видевшие эту работу, твердили в один голос, что сходство несомненно.

Бумага пошла по рукам. Все трое гостей отметили, что на портрете изображен мужчина, возраст старше среднего, с бородкой и усами, волосы, похоже, с проседью, узкое лицо, чуть заметная насмешливая улыбка, особых примет нет. Да, с этим искать будет непросто.

Все трое гостей заявили в один голос, что этого человека никогда не видели — и не соврали.

Весь план беседы полетел к Темному в обиталище. Путешественникам между мирами пришлось импровизировать. Это взяла на себя Мариэла.

— Видите ли, мы разыскивали этого человека не просто так. Там, в нашем мире, у него остались жена и сын — ну, тот уже взрослый. Кроме того, мы и раньше сильно нуждались в его знаниях: он руководил очень многими. А сейчас особенно нуждаемся. Дело в том, что магический прибор, который помог нам добраться до вашего мира, испортился. Сейчас он может переправлять между мирами нечто небольшое... — ладони женщины отмерили три-четыре вершка, — вот такое в поперечнике. То есть люди не пройдут. Починка прибора возможна, но это дело очень дорогое и длинное — может быть, год; возможно, и больше. Мы надеялись, что ум Професа найдет выход из этой ловушки.

Казак помалкивал, а от его товарищей посыпались вопросы:

— Вы полагаете, что он снова переместился в наш мир?

— Точно этого никто не знает. Тут сработала какая-то особо мощная, к тому же чужеродная магия.

— Вроде было сказано, что он не маг.

— Я готова это повторить. Он к нам попал помимо своей воли, и думается, что от нас его забрали те же силы. Кстати, не будучи магом, Профес ухитрялся выдавать хитроумные и действенные решения даже в области магии. Воплощали их, понятно, другие люди.

— Занятно... Позвольте вернуться к вашему чудесному появлению здесь. Как понимаю, тот прибор испортился лишь частично: что-то мелкое переместить может, а крупное нет — так?

— Если быть точным, испортился не сам прибор, а магический кристалл. У нас там остались другие на замену, но те слабосильные. А тот, что испортился — он не просто дорогой, но и редкий. Как раз это одна из причин, по которой вооруженное вторжение из нашего мира в ваш — вещь немыслимая. Думаю, что и обратное тоже верно.

— Позвольте полюбопытствовать, какие же еще причины существуют?

На этот раз ответил Тифор. Любой из знавших этого достойного магистра отметил бы непривычную замедленность и взвешенность речи.

— Ваш мир по самой своей природе враждебен магии. Наши магические способности в нем могут угаснуть, а магические предметы — потерять свою силу. Мы предусмотрели временные щиты. По моему расчету они должны были продержаться год, но теперь я уже в этом не уверен. Вот почему мы хотели бы торговать с вами. Может быть, нам в результате удалось бы приобрести нужный кристалл.

— Здесь магическими кристаллами не торгуют, — отвечал Мешков, покривив при этом душой. Сам он неоднократно видывал то, что выдавали за магические кристаллы, но был раньше уверен, что все это проделки шарлатанов.

— Кристаллы сами по себе не магические. Это мы их делаем такими.

Семаков очень хотел спросить, какие именно кристаллы нужны пришельцам, но сдержался. Вместо этого он поинтересовался:

— Какого рода товары вы можете предложить?

Тут в разговор неожиданно вмешался хорунжий:

— А товар я уже вижу. Вон стоит ружьецо. Дозвольте глянуть?

Малах тут же принес винтовку, заметив:

— Именно это не продается. Но похожее можем изготовить и продать.

Оружие вызвало интерес даже у моряков. Семаков отметил те же особенности, что и у пистолета: очень тонкостенный ствол, вместительный магазин с пулями, удобный хват.

Малах как самый компетентный пользователь стал рассказывать:

— Это самозарядная винтовка...

— Виноват, вы это ружьишко винтовкой именуете? — перебил казак.

— Так ее Профес назвал. Правда, винтовых нарезов внутри ствола нет, но они и не нужны. Как и в пистолете, пуля получает вращательное движение от магического кристалла, он же ее толкает из ствола. По моему мнению, отдача не чрезмерная. Запас энергии на тысячу восемьсот выстрелов... примерно. Но подзаряжать кристалл все же лучше после полутора тысяч. Двадцать пуль в магазине... вот так он присоединяется... порох, как вы догадываетесь, не нужен... если пулю заклинит, это редко, но бывает, тогда вот так вынимаете затвор, шомполом ее вытолкнуть... Что до характеристик: для обычного стрелка дальность прицельного боя...

Тут Малах задумался, ибо понятия не имел, как соотнести меры длин в двух мирах, но скоро нашелся.

— ...скажем, четыреста ваших шагов. — Поклон в сторону Тихона, который был, по маэрским понятиям, среднего роста. — Хороший стрелок попадет в цель и за тысячу. Это прицельная рамка, она сдвигается в зависимости от расстояния до цели... вот так. Целиком через портал, полагаю, винтовка не пройдет, а вот в разобранном виде — очень даже.

— Пострелять бы надо, — сказали три голоса разом.

Моряки произвели несколько выстрелов, а вот хорунжий не преминул высадить чуть ли не целый магазин. Он же оказался наиболее громогласным почитателем изделия. А вот

морские офицеры впали в некоторую задумчивость.

К моменту, когда винтовка была вычищена после стрельбы, рыбка оказалась готовой. А Неболтай приволок из брички бутылъ домашнего красного вина. Впрочем, водку тоже оценили.

— Не хуже, чем делает моя Петровна в имении, — констатировал князь.

А в самом конце ужина Семаков предложил быть "без чинов" и звать друг друга по имени-отчеству.

Сигарами после ужина занялись лишь двое: Мешков и Малах. Прикуривали они от магического огнива (так его мысленно назвал князь). Разумеется, оба курильщика угостили друг друга. Казак же достал трубку, набил ее и вдруг обратился к дракону:

— Таррот Горыныч, не поможете ли огоньком?

— Всегда рад оказать услугу, сударь, — отозвался тот, пристально посмотрел на чубук и показал на него когтем. Вдруг табак затлел.

— Благодарствую.

Казачина с явным удовольствием затянулся. Офицеры обсудили достоинства сигар:

— Нет, знаете, наша свернута получше.

— Зато наш табак ароматнее.

— Не скажите, просто запах чуть другой. Впрочем, ваши сигары тоже вполне приличные. Но вот продавать их здесь никак нельзя.

— Почему так?

— Без акциза — непозволительно.

Тут же Мешкову пришлось растолковать, что такое акциз.

Семаков из деликатности дождался, пока сигары и трубочный табак обратились в пепел, и спросил:

— Мариэла Захаровна и вы, господа, не объясните ли, какой именно кристалл вам желателен?

Отвечал Тифор как наиболее грамотный специалист:

— Нужен бесцветный алмаз с хорошей огранкой. Размер не меньше двух с половиной маэрских дюймов... то есть вот такой, — и рыжий отмерил на большом пальце.

— Ого, — напряженно заметил Семаков.

— Еще какое "ого", — подтвердил Мешков, — да еще чистой воды.

Хорунжий промолчал, поскольку о ценах на алмазы не имел даже приблизительного понятия. Пришельцы с Маэры молчали, желая дать местным высказаться.

— Рублей пятьсот?

— Какое там! Много больше. Тут, брат, тысячами пахнет.

Моряки еще раз переглянулись, после чего князь перевел взгляд на хорунжего:

— Тихон, а вот, к примеру, во сколько бы ты оценил такое ружье?

Видимо, усы активно участвовали в мыслительном процессе, поскольку казак расправил именно их.

— Скажу так: казна нипочем не купит. Вещица дорогая. А офицеру пехотному либо кавалерийскому, за свои ежели, так не пожалеет и сотни серебром. Только много таких не продашь.

И тут казак высказал ту мысль, что его водоплавающие товарищи только обдумывали:

— Я вот подумал: а что, если пушки?

Гости и ртов не успели раскрыть, как подал голос капитан Риммер.

— Что такое пушки?

Этот простой вопрос поставил в тупик всех землян. Моряки глядели друг на друга, и каждый ожидал, что товарищ найдет нужные слова. Хорунжий откровенно чесал в затылке. Наконец, Семаков ответил, с видимым усилием подбирая слова:

— Пушка — это устройство для метания больших кусков металла. Вот таких, — и он показал руками диаметр двенадцатифунтового ядра. — Куски могут быть круглыми либо составными...

— Еще картечь.

— ...верно, или целая куча металлических шариков вместо одного ядра. В металлическую трубу надлежащего размера засыпается порох. Он в такой емкости... короче, она сгорает во время выстрела. Потом закатывается ядро или что еще. Порох поджигают через отверстие, и он толкает ядро... Это я все упрощенно излагаю.

— О, я понимаю, — радостно подхватил Тифор, — порох сгорает, образуется плотный дым, он давит во все стороны, но расширяться сквозь стенки этой трубы он не может, почти все расширение уходит на движение того, что вы назвали ядром. Ну, и отдача, понятно. Это как раз просто. Но чем достигается поражение?

На этот раз взялся отвечать Мешков.

— Самим ядром, поскольку оно летит с большой скоростью. Или же порох заранее насыпают внутрь пустотелого ядра, наружу идет фитиль, он начинает гореть при выстреле; пока такая бомба летит, он еще горит, а там воспламеняется порох уже внутри — и взрыв в результате. Сильная это вещь — бомбические ядра... А вы можете сделать так, чтобы кристаллы метали ядра из пушек?

Малах повернул голову в сторону Тифора. Тот солидно откашлялся.

— Это рассчитать надо. Мне понадобится знать вес ядра, желательную скорость на выходе из ствола, а еще...

— По-моему, подход неверный, — вмешался Риммер. — Почему бы не использовать гранатомет?

— А ведь разумно сказано, — задумчиво протянул Малах, — хотя бы двадцатипятифунтовый. Впрочем... Ваши пушки на какое расстояние мечут ядра?

— Дистанция прямого выстрела пять кабельтовых — это для морских орудий. Можно стрелять хоть на двадцать пять, но попасть при этом очень трудно. Сухопутные — те бьют точнее, поскольку закреплены на земле, а не на палубе. Ах ты, нелегкая меня забери, вы же наших мер не знаете.

— Мы не знаем мер друг друга — так точнее будет.

— А я могу показать, — вдруг оживился Мешков. — Выйдем на берег.

Так и поступили. Людьями овладел азарт решения технической задачи, хотя сами они этого пока не осознавали.

— Вот! — с торжеством заявил князь. — От того места, где я стою, вон до того рыжего камня — как раз кабельтов и есть.

— Шагов триста, пожалуй, — подтвердил казак.

— Ага, так... — прищурился опытный Малах. — ну, так наш гранатомет бьет верным делом на ваши пять кабельтовых, а то и все десять. Но он гораздо меньше подвержен влиянию качки.

— Гранаты — это что?

Семаков прекрасно знал, что такое гранаты, но подозревал, что пришельцы именуют

этим нечто другое.

На вопрос ответил капитан Риммер:

— Двадцатипятифунтовая граната имеет форму цилиндра, заостренный нос, длина... вот такая (пальцы капитана отмерили три вершка), диаметр такой (вершок), отливается из чугуна. Она как раз весит двадцать пять наших фунтов. В ней особенная магия, при попадании в препятствие граната взрывается с большой силой. Имею в виду: при попадании в твердое тело или в воду.

— С большой силой — это какой же?

Риммер задумался. Вместо него ответил Малах:

— Деревянный корабль длиной в одну шестую вашего кабельтова — от него только нос да корма останутся, а посередине груды щепок.

Флотские дружно кивнули в знак понимания.

— А сколько весит само оружие?

— Не более сотни наших фунтов... — тут Риммер вполголоса произнес несколько незнакомых слов, — хочу сказать, двое человек поднимают и переносят без особого труда. Но это не считая боезапаса. На палубе корабля, если речь о морском применении, надо обязательно закреплять.

— Орудия на кораблях у нас закрепляют, — уверенно заявил князь. Будучи морским артиллеристом, он был вполне компетентен. — Но почему вы сказали, что качка меньше влияет на точность стрельбы этого вашего гранатомета?

— А потому, что никто не запрещает на время стрельбы кинуть заклинание "Гладкая вода". Утихомиривает волны в пределах круга... скажем, вокруг вашего корабля.

— Надо бы испытать, — предложил Семаков.

— Можно заказать пересылку гранатомета через портал. А кристаллы для водной магии у нас есть.

— И сколько вы за такое оружие хотите?

Последовал интенсивный обмен взглядами.

— Нам бы надо посоветоваться.

Местные деликатно отошли в сторону.

Совещание длилось недолго. Малах вернулся к гостям и объявил:

— Если наши контрагенты согласятся, то мы для начала возьмем с вас себестоимость: два золотых; сверх того, еще золотой уже в нашу пользу. Нам ведь тут предстоят расходы.

Естественно, из кошельков были извлечены золотые монеты пришельцев и пятирублевики местных. Стороны дружно решили, что их цена примерно одинакова, но все же курс надо бы уточнить у меня.

— Мы заинтересованы в приобретении такого оружия, хотя бы и на пробу, — веско проговорил князь. — Если образец хорошо себя покажет, то, осмелюсь предположить, мое начальство закажет и большее количество. Нам здесь предстоит война с очень сильным противником. Мы ожидаем нападение вражеского флота на порт и крепость. Право слово, Малах Надирович, вы и ваши товарищи прибыли в неудачное время.

Отдать должное бывалому лейтенанту, немало повертевшемуся вблизи деятелей большой политики: он ни на секунду не задержал ответ, будучи настоящим командором.

— Это не наша война. Мы в нее не вмешиваемся. Но готовы оказать услуги и продать нужные товары, если сможем. Вот что я предлагаю: сейчас мы расстаемся. В ближайшее открытие портала мы заказываем гранатомет с боеприпасами... ну полагаю, сотни гранат на

первое время хватит. Я не думаю, господа, что вам сейчас следует идти к вашему большому начальству: слишком мало материала. Но кому-то из наших хорошо бы — кроме Таррота, конечно — пройтись по вашему порту, посмотреть на ваши корабли. Это можно сделать даже сегодня. Если ничего не помешает, то послезавтра будет гранатомет, готовый к испытанию. И вы все увидите. Как вам такой план?

— Наша бричка четырехместная. То есть одного человека можем взять.

— Риммер, ты как?

— Готов.

Тифор вдруг влез с фразой, которую почему-то сказал на маэрском:

— Не забывайте глядеть на сигнализатор... вы знаете... количество негаторов, хотя бы приблизительно...

Капитан Риммер ответил на русском:

— Не сомневайтесь, Тифор, пистолет при мне.

— У нас в бричке есть лишний плащ, Риммер Карлович. — Набросьте его, ваша одежда непривычна местным. Незачем пока привлекать лишнее внимание.

— Согласен; конечно, наброшу.

— Одну минуту, Малах Надирович, — неожиданно встрял хорунжий. — Почему цените такой пистоль?

— Судите сами, Тихон Андропович. На него, понятно, материала уходит меньше, чем на гранатомет. Но сам механизм много сложнее. Так что наши механики-оружейники, полагаю, возьмут не менее двух золотых.

Тифор поднял указательный палец.

— Командор, щит.

— Да, верно. Помните, мы говорили о щитах для магических предметов? Такой понадобится и для пистолета. Во сколько это обойдется — даже приблизительно не скажу.

— Три золотых за сам кристалл, самое меньшее, — отчеканил рыжий. — Да еще стоимость наложения заклинаний. В сумме примерно шесть золотых. Тихон Андропович, это честная цена. Да, чуть не забыл: пистолет сделают быстро, а может, и готовый найдут, но вот кристалл для щита когда подберут — ну, не знаю, но дней пять на это уйти может.

Казак перевел взгляд на князя.

— Михайло...

— Одолжу, Тихон, не сомневайся.

— Тогда мы запросим цену также на пистолет.

Князь сунул руку в карман и достал горсточку золотых кружков.

— Плачу за гранатомет и гранаты. Заказывайте на мой страх и риск. Хотя постойте, ведь на него тоже щит нужен?

— На него как раз и не нужен. Почему — долго объяснять, но завтра или послезавтра все расскажу.

— Тогда остаемся вашими покорнейшими слугами.

Поклоны.

— У нас говорят: "Всего вам Пресветлого".

Так и осталось неизвестным — вправду ли местные рассчитывали на ошеломляющий эффект, или оно само получилось, но только капитан Риммер вернулся к своим в несколько взвинченном состоянии.

— Представить не мог, что такие корабли существуют, — делился он впечатлениями, — у кораблей не меньше трех мачт! А у самых больших — все пять! Три ряда их пушек вдоль бортов! А всего на корабле — восемьдесят! И все сделано без магии! Восемьсот человек экипажа! Да, они нас опередили, уж это точно.

— Сильны, спору нет. Каков размер этих кораблей?

— Ярдов семьдесят-семьдесят пять в длину.

— Двигатели?

— Паруса большей частью, но на некоторых есть и машины, тоже без магии. По бортам огромные колеса, машина их вращает, и они специальными плоскостями загребают воду.

— Скорость?

— Десять их миль в их час, редко больше. Это я уже подсчитал: приблизительно двадцать две с половиной наших мили в их час, то есть примерно двадцать одна маэрская миля в час. По сравнению даже с "Ласточкой" — не особо быстро.

— Из чего сделаны?

— Тоже спросил. Набор из дерева, обшивка деревянная, у некоторых листовое железо поверх дерева. Толщина обшивки — три четверти ярда особо прочной древесины. Серьезно.

Тут в разговор вмешалась маг жизни, то есть тот человек, которому это вроде было бы совершенно не по специальности.

— Сколько негаторов вы встретили, Риммер?

Моряк не задумался над ответом: у него уже была готова оценка.

— Всего видел два сигнала. А встретили мы примерно полтора человека. Осторожная оценка: от сотни до двухсот.

— То есть при экипаже в восемьсот человек на них может найтись восемь негаторов. Как вы будете с этим справляться?

Молчание было тягостным. Наконец, Тифор осторожно заговорил:

— На каждый снаряд щит поставить можно, но это безумно дорого, поскольку никакой иной материал, кроме алмаза, не подойдет. Во всяком случае, мне такой не известен. А если без щита, то даже не скажу, как магия телепортации отреагирует на негополе. И никто этого не знает, такие опыты не производились.

Командор подвел итоги:

— Вот что делаем: пишем и высылаем отчет, также шлем деньги, просим пистолет и гранатомет.

Риммер поднял руку:

— Вот еще что предложил бы: расчеты по движителям для их судов, а еще рабочие чертежи для судна класса моего "Стрижа". Даже если не пригодятся, вернуть мы их всегда можем. Но подозреваю, что кораблик такого класса — а с "Гладкой водой" он без труда сделает сорок пять миль в час — может быть полезен хотя бы как посыльное судно, а то и

чего поболее. Между прочим, мы можем заказать детали для металлического набора и устройство для сварки — они-то сквозь портал пройдут.

Лейтенант Малах возразил:

— Корабль — не сейчас. Для начала нам надо получить согласие местных. И еще есть предложение.

Командор обвел глазами присутствующих.

— Мы все тут — не просто одна команда. Мы — команда в чрезвычайной ситуации. Посему всем и каждому предлагаю перейти на "ты".

— Не возражаю.

— Согласна.

— Принято.

Дракон ограничился кивком.

— Еще кое-что. Я бы хотел отправить письмо жене.

— Принято. Готовьте личные письма, перешлем с первой же возможностью. Итак, готовим к отправке...

В это же время трое местных офицеров сидели в комнате у Семакова и пили чай. По предложению хозяина никакие спиртные напитки на столе не присутствовали.

Но разговор отнюдь не сразу пошел в деловом ключе:

— Ну и запах от этого Таррота!

— Да уж: разит так, что хоть святых выноси.

— Тихон, вот скажи: чего ради ты попросил огня у дракона?

— Михайло, да как ты не понимаешь? Я же внукам буду баять, как прикурил табачок от огня Змея-Горыныча!

— Неужто запомнить трудно: не змей он — дракон!

— А видом кто? Как есть тот самый змей, с которым святой Егорий бился.

— Тот, да не тот. Вы ж оба видели: я его святой водой побрызгал, а заодно и этой даме попало. Никак они с нечистой силой не связаны, слава всем святым.

Казак перекрестился, но не упустил случая возразить:

— Так ведьме-то лишь на плащ попало, не на нее.

— Мне показалось, что и на руку.

— Господа, у меня появилась мысль. А что, если госпожу мага представить Николай Ивановичу? Он сейчас не так уж сильно занят.

— Можно, но... хотел бы я знать, что он скажет.

— Так ведь не со словами придем. Помнишь писаря у адмирала в приемной? Он без ноги, чтоб ты знал, ранен был четыре года назад. Сражался геройски, и за то — ну, и за хороший почерк — пристроил его Владимир Алексеевич на эту должность. А если Мариэла ему ногу обратно приставит — кто ж против такого лекаря возразит?

— А она сможет?

— А спросить в труд?

— Так завтра и встретимся. Спрошу.

— Владимир Николаевич, как по мне, так дождаться бы того самого гранатомета, испытать его...

— Добро, Тихон Андропович, только где испытывать?

— Знамо где: на камнях. Ну, на этом мысу. А потом и на корабль установить, но то уж по вашей части. Вы народ морской, вам и решать.

— На корабль установить... хм... уж "Первозванного" нам на это не дадут.

Оба флотских офицера негромко рассмеялись. Мысль, что линейный гигант выйдет из порта лишь с целью опробования новой пушечки мизерного калибра — придумать такое можно, а воплотить... Нет, оба лейтенанта были реалистами.

— Шлюп могут дать. К Владимир Иванычу, уж он-то в артиллерии толк понимает. Не откажет.

— Но лишь по результатам испытаний на суше.

Некоторое время все трое молчали и прихлебывали чай.

— Вот те крест, Володя: надо бы мне припомнить гардемаринские времена.

— Это ты о чем?

— Да о том, что хорошо бы курс лекций прослушать об этой самой магии. Как в Корпусе.

— А у меня другое из ума нейдет: слова Риммера о быстроходном корабле.

— Понимаю: ты уже умудрился пропихнуть богатого в царствие небесное. Или хотя бы верблюда в игольное ушко. Значит, корабль...

— Да не понял ты! Сам корабль в портал не пройдет, понятно. Как насчет проекта быстроходного корабля. Чертежи они точно сквозь портал пропустят.

— Бумагу — да, а как насчет машины?

— Спросить надобно.

— Ха, к вопросу о бумаге. Записать бы. Ну-ка, где там у меня...

— Тогда уж, господа флотские, у меня добавка будет. Если правду Риммер Карлыч сказал, то эту пушку двое переносить могут. Вот я и подумал...

— Больше двух человек надо, если со снарядами. Или вьючных лошадей: одну на орудие, и еще сколько-то на снаряды.

— Или десяток солдат. По здешним-то горам таскать на лафете настоящую пушку, что хорошо и далеко стреляет — умаешься, а такая пушечка, чтобы...

— Все понял. Дельно мыслишь, Тихон, только этакая не одна нужна — батарея целая. По пятнадцати целковых за орудие — ей-же-ей, расход невелик. Вот чувствую, навалятся на нас, а если на Малаховом кургане такую разместить... Но все зависит от того, как себя этот гранатомет покажет.

— Добро, это пока не записываем.

— А интересно: как они дистанцию измеряют?

— Верно говоришь: ни слова об этом не было.

— Ну, дистанцию мы и сами можем, по крьюйс-пеленгу.

— Тогда записываю: два компаса-пеленгатора, таблицы и рулетку взять. И грифельную доску для записи. Подзорную трубу достанешь?

— У меня своя есть. Старая, побитая, но глядеть можно.

— Записываю. А орудийная прислуга? Своих взять можешь?

Князь-артиллерист задумался.

— Кабы только я тут решал... вот разве что наболтать капитану, что, мол, обучение нижних чинов...

— Так ведь чистая правда, Михайло. Как есть обучение. А, Владим Николаич?

— И даже более того скажу. У меня же должность — сам знаешь. Мне положено знать о планах противника, вот и скажу, что, дескать, надобно готовиться к отражению неприятеля на суше. Что не всех канониров обучают — так орудия еще не опробованные, набираем лишь

ОХОТНИКОВ.

— А я думаю, что и не нужна прислуга. Заряжать этот ихний гранатомет — невелика наука. Наводить сам Малах Надирович будет. Но то по камням, а ежели как на море...

— Добро, но на корабле и так прислуга найдется.

— О, вот еще придумал. Если кого из них берем в город, то одеждой бы для них озаботиться. А то ведь не как наши они одеты, по-чужому. Да вы сами видели.

— Казачью форму берусь раздобыть.

— Окстись, Тихон, из них казаки просто никакие. Любой их ряжеными признает. Да еще и дама.

— Бабскую одежду сходу не найду, оно так. Ну, а ежели морскую...

— По закону нельзя российскую форму иностранцу — разве что тот на флотской службе. Так ведь нет.

— Что ж из того? Провезти их в город, и пусть себе купят, что по нраву придется.

— Дело говоришь. А вот еще...

И план продолжал обрастать деталями.

У пришельцев же шла, можно сказать, активная переписка с другим миром. Туда и обратно проскакивали фугляры с письмами. Он вскрывались и изучались.

Атмосфера была очень деловой:

— Сообщение от Сарата: экспедиция за алмазами выйдет через четыре дня.

— Документацию на быстроходный корабль быстро собрать не удастся. Три дня. И еще через день берутся поставить металлический набор по частям и все, что надо для сварки.

— Гранатомет двадцатипятифунтовый без самонаведения, без защиты, будет готов к отправке сегодня же. Боеприпас к нему с учетом оптовой скидки — по золотому за два десятка.

— Пистолет с защитой — просят пять дней и шесть золотых.

— Тифор, а что твоя написала?

— Пишет, что все здоровы, ждет...

Ранним утром следующего дня посылка пришла: станина гранатомета по частям и сама труба. В последнюю очередь из портала выскочило семьдесят пять одинаковых чугунных цилиндров с заостренным концом. Они образовали целую грудку.

У странников между мирами только-только хватило времени хоть немного выспаться (но часовые поочередно бдили), позавтракать без спешки и даже собрать гранатомет. И тут прикатила уже знакомая бричка со знакомыми пассажирами.

После учтивых приветствий последовало несколько удивленное:

— Это оно?

— Что?

— Орудие ваше.

— Двадцатипятифунтовый гранатомет, если позволите.

Реакция местных на происходящее оказалась различной. Мешков пожелал посмотреть на сильно поразившее его орудие, а Семаков с Неболтаем пристально разглядывали снаряды к нему. Последний не поленился покачать гранату на руке:

— Сдается мне, что весит железяка как раз двадцать пять наших фунтов.

— А ведь мы, господа, можем получить точное сравнение. Купить десятифунтовую гирию, да отослать... туда.

— И меру сажени тоже.

Князь, наконец, выразил часть одолевавших его сомнений:

— Но этот гранатомет — он такой тонкостенный. Со стволом... э-э-э... ничего не будет?

В полемику вступил командор как наиболее опытный в части оружия пришелец:

— Толстые стенки и не нужны: порох мы не используем.

— Но и казенная часть выглядит недостаточно прочной.

— Это тоже не требуется. Говорю вам: принцип не тот, что в пистолете или в ружье.

— Хорошо, а как же взрываются эти чугунные снаряды?

Малах постарался не допустить на свое лицо выражение превосходства.

— Это, господа, надо не рассказывать, а показывать.

— Подожди, Михайло. Мне другое непонятно: как тут целиться?

— Хороший вопрос, Тихон Андропович. Снова скажу: мне куда проще показать, чем рассказать.

— Еще минуточку, Малах Надирович. Вы говорили, эти гранаты литые из чугуна?

— Именно так, Владимир Николаевич, из него самого. Вообще-то можно из чего угодно делать: например, из камня; это недорого, только сила взрыва меньше будет... примерно вдвое.

— Так что, господа, идем?

Хорунжий попытался приподнять гранатомет вместе со станиной.

— Вдвоем нести можно, и пупок не треснет, — резюмировал он.

— Разрешите, господа, помочь, — вдруг предложил дракон, и под взглядом красноватых глаз орудие вдруг поднялось в воздух.

— Так куда несем?

Малах ткнул пальцем:

— Вон к тому кусту. А целью будет каменный выступ, самый высокий в том направлении — видите его? Господа, помогите нести снаряды.

Люди в некотором обалдении подхватили в обе руки по одному снаряду.

— Магия? — шепнул Семаков Тифору, уже зная ответ.

— Она самая, только Таррот в ней сильнее.

— И любой маг так может?

— В университете учат. Даже я так могу. Но нашему славному дракону это в меньший труд, — пояснила маг жизни.

— Ящик сюда, снаряды нести было б куда удобнее, — проворчал Тифор.

— Не подать сквозь портал, — возразила женщина.

— Ящики можно достать, — заметил Мешков. — Владимир Николаевич, запиши.

Местные моряки принялись устанавливать свои устройства для измерения дистанции. На свет появилась грифельная доска.

— Вы на этом делаете временные записи? — догадался капитан Риммер.

— Ну да. Удобно, что записал, а потом и стер. Вот так.

На определение дистанции потребовалось менее четверти часа.

— Пять и три десятых кабельтова, — щегольнул знанием дробей Мешков.

Вперед вышел Малах.

— Господа, сейчас демонстрируется стрельба по наземной цели. На море это по-другому, и отличия существенны. Если ставится цель повредить сооружение или поражение солдат противника, то целиться надо с недолетом, но главное: четко определить расстояние.

Сейчас я это делаю на глаз и по нашим меркам, — лейтенант задвигал ползунками на серебряных линейках. — Имейте в виду: вот эти деления означают наши меры длины, они, сами понимаете... Ну вот, готово. Теперь: кто готов поработать заряжающим?

— Я! Вероятно, мне как артиллеристу и предстоит стрелять потом.

— Михаил Григорьевич, вам надо бы следить за процессом наводки. Уж лучше я.

— Мне ж еще есаулу докладывать, так что надо бы...

— Господа, не будем спорить. Каждый зарядит по одной порции вот сюда, в этот лоток.

Он вмещает пять снарядов. Кстати, в бою надлежит предусмотреть быструю подачу боеприпасов. У меня на корабле матросы их передавали по цепочке. Да, вот мера безопасности. Я настоятельно советую не стрелять в упор из гранатомета, особенно на суше. Может своих же посечь осколками.

— А любопытно бы знать, как...

Что именно хотел знать хорунжий, так и осталось неизвестным. Пока он говорил, пушкарь из иного мира сдвинул рычажок, пояснил: "Это стопор", затем ткнул пальцем на диковинную букву, выдавленную на серебре. Затвор шмыгнул туда-сюда, пропуская снаряд вниз и досылая его на обратном ходе в ствол. Мгновенно земля на расстоянии примерно пять кабельтовых вздыбилась жутковатым черно-рыжим веером. Звук пришел не сразу.

— Недолет тридцать ярдов, — успел сказать Малах прежде, чем грохот обрушился на уши зрителей.

— Как сорокаведерную с порохом рвануло, — казак думал, что сказал это себе под нос, хотя на самом деле произнесено было во весь голос.

— Нет, казаче, тут не бочка была — куда больше.

Взлетевшая в воздух земля еще не успела опасть обратно, как посыпались вопросы:

— Малах Надирович, что за взрывчатка там поработала?

— Сам точного названия не знаю, только слышал однажды, как Профес сказал: при попадании в камень эта граната, дескать, эквивалентна ста килограммам тротила.

— Килограмм — французская мера веса, примерно одна шестнадцатая пуда, шесть пудов с четвертью получается, — заявил эрудированный Семаков, — а что такое "тротил"?

— Не знаю, но вроде как в десять раз мощнее пороха, только он не сказал, какого. Обращаю внимание, господа: только если попадет в камень. В воде взрыв будет уже слабее: как лишь двадцать килограммов тротила.

— Допустим, что черный артиллерийский... В пересчете на порох более двенадцати пудов, а в бочке и десяти пудов не будет.

— Владимир Николаевич, ведь в городе переполох может быть: этаким гром не услышать нельзя.

— Так пока проверяющие доедут, мы все и закончим.

— Господа, вернемся к испытаниям.

— И то верно. Михаил Григорьевич, не желаете ли?

Флотский артиллерист пытался скрыть волнение, но выходило неубедительно. Он долго и тщательно выверял прицел, выставленный Малахом, потом нажал пальцем. Взрыв вздыбил землю уже ближе к цели. Мешков подумал, что если такой случится рядом хотя бы и с линейным кораблем, то течь тому обеспечена, если не что похуже.

— Имейте в виду: перелет, возможно, не даст никакого эффекта: снаряд попросту не взорвется, если попадет в воздух. Есть и еще соображения по поводу стрельбы в море, но это уж потом.

Всего ушло четыре снаряда. Последним стрелял Неболтай, и у него вышло наиболее эффектно: верхушку цели срезало начисто. Правда, казачья гордость была несколько уязвлена тем, что наводил все же иноземный лейтенант.

— Еще есть хорошие новости: пакет чертежей быстроходного корабля будет готов и выслан через три дня. Пистолет для вас, Тихон Андропович, только через пять дней. Обойдется в шесть золотых.

— Я одолжу, — и князь выложил тридцать рублей золотом. — И, Малах Надирович, с этими чертежами придется, как ни крути, явиться пред взором большого начальства. И ваш фонарик взять, и пистолет с винтовкой.

— А ведь Владимир Алексеич в отъезде.

— Оно и к лучшему. Пал Степаныч нас точно выслушает.

Предвидения оправдались. На полдороге бричка встретила с казачьим разъездом. К счастью, вахмистр лично знал Неболтая. Объяснения были даны самые убедительные:

— Да это флотские новый порох испытывали для бомбических ядер. "Тротил" называется.

— Откуда ж такой?

— Лейтенант князь Мешков за свои деньги купил на пробу. Только заряжать им ничего нельзя: уж больно сильное зелье, любую пушку аль ружье разорвет в куски к разэтакой матери.

— Сколько же отдали, ваш-сиясь?

— Да не так дорого, по двадцати пяти копеек на бомбу выйдет. Но это если купить разом на сотню зарядов.

— Выходит, не казенный?

— Какое там! Купец один продал, но мы все побожились имя не называть. Турок он опасается. У них, говорит, свои людишки в порту есть.

Последовали понимающие кивки.

— А посмотреть можно, как это бьет?

— Мы и сами бы рады еще посмотреть, да весь запас тротила пожгли. Но купец обещал еще продать.

Весь следующий день ушел у землян на обсуждение способа подачи новых сведений большому начальнику и на составление плана действий. Споры были ожесточенными:

— ...а кого ты возьмешь с собой к Пал Степанычу? Слово казачьего хорунжего для него не дорогого стоит...

— ...тут другое надо учесть: как пресечь распространение слухов?

— А никак. Пусть себе болтают о волшебниках, что на драконах летают. Думаешь, турки в это поверят?

— С них станется, а вот французы — те нипочем...

— ...как раз дракона показывать на людях не надо бы: очень уж он смахивает на выходца из такого места, которое к ночи не поминают...

— ...Марью Захаровну не забыть бы представить Николай Иванычу...

— Не Марью, а Мариэлу.

— А ведь прав Тихон: верным делом ее имя переделают. Ей, надеюсь, все равно, а нашим вроде как ближе...

— ...я вот подумал: а что, если ее сам Пал Степаныч представит?

— Дельная мысль. Запиши.

— ...тут другое. Как бы нам гранатомет на море испытать? На это корабль потребен...

— ...без разрешения адмирала — и думать нечего.

— ...что-то небольшое. Шлюп... мишени сделать — дело плевое...

— ...а вот хорошо бы самого адмирала на испытания взять... пусть он видит...

— ...допрежь времени нельзя... если криво пойдет, то, сам понимаешь...

— ...если хотя бы капитана пароходофрегата, уж тот бы подтвердил...

— ...артиллерийский офицер — вот кто нужен, может быть, даже не один, а капитан пароходофрегата — тот на ходовые их корабля...

— ...сколько, по-твоему, времени уйдет на постройку?

— Запиши, это будет еще один вопрос.

— Тогда уж заодно: сколько стоит будет?

— Записываю.

— А вот мысль еще. Помнится, наши дуванили взятое в запрошлом походе, так там каменья самоцветные были. Спросить наших... кхм... гостей: а не бывает ли таких камней, что у них не ценятся, а для наших очень даже. Или совсем наоборот. Я в ценах не особо, так вы поболе моего знаете. А то найти купца...

— Светлая у тебя голова, Тихон Андропыч, за то и уважаю. Записать всенепременно!

— Записываю.

— А у меня и купчишка такой есть на примете. Я для Таты у него, помнится, сторговал колечко...

Следующий день, по мнению лейтенанта Семакова, принес удачу. Главный ее компонент выразился в туго свернутом цилиндре бумаг, что капитан Риммер предъявил для ознакомления. Это были описание и чертежи необычного корабля. На первом был рисунок: одна короткая мачта почти без такелажа, скошенный острый нос, невысокая надстройка со

скошенной же передней стенкой, на баке уже знакомый гранатомет.

Но в бочке меда, как водится, оказалась ложка дегтя, да еще не одна. Первое, что бросилось в глаза обоим флотским: все размеры выставлены в тамошних единицах, и, что гораздо хуже, все пояснительные надписи сделаны на незнакомом языке. На отчетливо проступившее недовольство на лицах потенциальных заказчиков Малах отреагировал с великолепной небрежностью:

— Господа, что до размеров, то надо лишь составить таблицу для пересчета или же запросить за отдельные деньги меры длины. И не так уж дорого обойдется. А что до перевода на русский, тут мы можем помочь или, еще лучше...

Тут последовал диалог, который хотя и велся на русском языке (явно примененном из чистой вежливости), но был совершенно непонятен:

— Мариэла, ты сможешь?

— Да, но только при согласии.

— Я так думаю, что староимперский и язык Древних...

— ...совершенно без надобности. Тогда сколько времени?

— По часу на человека. Это полный вариант, если с ограничением, то полчаса. В первом случае по золотому, второй дешевле вдвое.

— Расход?

— Не такой уж малый, но ведь мне сегодня никуда не ехать. До завтра восстановлюсь точно.

После этого лейтенант Малах повернулся к землянам. Тон его стал полностью официальным.

— Господа, мы хотим сделать вам предложение. Вы имеете право от него отказаться, и мы не вправе настаивать. Госпожа Мариэла может обучить вас нашему языку — полностью или частично, на ваш выбор. Частично — это значит, что ваш словарь будет вдвое меньше. Обучение магическое и потому быстрое. Предупреждаю: говорить вы все равно будете с акцентом. Избавление от него — дело и долгое, и дорогое. Точно так же хорошего почерка не гарантирую. Полный вариант обойдется по золотому с человека; половинный вариант, соответственно, вдвое меньше. Но, повторяю, все это лишь при вашем полном согласии, выраженном явно. Вопросы будут?

— Да, Малах Надирович. Получим ли мы возможность разобраться в этом проекте корабля, если получим половину словаря?

— Вопрос не ко мне. Мариэла?

— Не уверена. Половинный вариант, он хорош для совершения купли-продажи, для приятных застольных бесед, чтения развлекательных книг. Чтобы понимать лекции наставника в университете — явно не хватит.

— Тогда беру полный. Согласен на это.

— Я тоже.

— Так вы согласны, Михаил Григорьевич?

— Да, согласен.

Все обратили взоры на хорунжего. Тот пребывал в мучительных раздумьях. Ему до последней степени не хотелось залезать в долги — даже при самых дружеских отношениях с князем. А именно в данный момент неотложной потребности в этом языке не было.

— Я... пожалуй, не сейчас.

— Будь по-вашему. Значит, на два наших часа... ну, они чуть меньше ваших... вы, Тихон

Андропович, свободны.

— А нельзя мне покамест погутарить с Тифором Ахмедовичем?

— К вашим услугам. Вы, полагаю, хотели что-то спросить?

— Вот-вот...

Хорунжий подхватил собеседника и двинулся вместе с ним в сторону.

— Тифор Ахмедыч, поясните мне: это какие такие виды магии бывают...

Ход виделся простым, но оказался необыкновенно эффективным. Может быть, весьма почтенный был гениальным преподавателем. Возможно, хорунжий был талантливым учеником. Как бы то ни было, по истечении двух часов казак получил довольно обширное и точное представление о возможностях магии вообще и боевой магии в частности. Также Тифор поведал внимательному слушателю, кто такие негаторы и какой от них может быть вред.

После обретения знания маэрского языка флотские офицеры повели себя, на взгляд командора Малаха, несколько странно. Они даже не попытались на нем говорить, а вместо того дружно схватились за листы с чертежами и пояснениями.

— Пока все не перечитают до последней буквочки — и за уши не оттащишь, — сентенциозно заявил казак.

Он промахнулся самую малость: оба-два дочитали почти все. Подняв глаза на окружающих, они вздохнули и зачастили наперебой:

— Тут понятно, в общем...

— ...и надо бы идти к начальству, но вот пересчет всех цифр, он займет...

— ...еще того хуже: в прибавок переписать все пояснения...

— Погодите, господа, — перебил хладнокровный Малах, — большие задачи решаются по частям. Вашему начальству что понадобится? Главные цифры: вес судна, основные размеры, материалы, ожидаемая скорость, цена в ваших деньгах. Уж это за час пересчитаете.

— Добавьте вооружение, Малах Надирович...

— Это как раз ясно: для начала гранатомет на носу, вот как на рисунке, а я бы еще добавил такое же орудие на корме...

Тут абсолютно неожиданно вмешался хорунжий:

— Гранат этих надо бы взять столько, сколько в трюм влезет, ведь много их уйдет впустую.

Моряки с Земли недоуменно переглянулись, а пришельцы понимающе кивнули.

— Тихон, — почти ласковым голосом начал князь, — то, что ты знаешь, и нам бы не худо...

— А чё тут, мне Тифор Ахмедыч все порассказал. Если на сотню человек один негатор, это тот, кто магичить мешает, так на линейном корабле их восемь рыл может оказаться. И коль посчитать пятно негации в двадцать сажен поперек, то и выходит, что они весь корабль собою прикрыть могут, он-то длиной много, если тридцать пять. А если палить с недолетом десять сажен, так повредить брюхо кораблю — железное все же — может, и не выйдет. Тут разве что целиться в самый нос, в оконечность — или, наоборот, на хвост соли насыпать.

— Хочешь сказать, проверять надо?

— Ну, на разных кораблях. Ведь бывают такие, где всего народу сто человек...

— Есть идея. Миша, тут тебе идти придется сначала. Сошлешься на меня, скажешь, что, мол, разведка донесла сведения; просим, дескать, принять нас троих... а кого еще возьмем, вот вопрос?

После долгих споров пришли к выводу: пока что никого.

Но потом князь переменял тему:

— Чудеса — они ведь от Господа нашего только. Слово "магия" адмирал может посчитать богопротивным. Как бы обойтись без этого?

Последовала перестрелка взглядами. Затем слово взял рыжий Тифор:

— В вашем мире магия — нечто невиданное и потому необъяснимое и чудесное. У нас же это одна из наук. Как... — тут магистр чуть помедлил, подбирая нужное слово, — ну, как механика. Ее ведь у вас знают? Магию можно измерять, изменять, ею можно управлять... Наука, как понимаю, у вас в почете. О, вот идея: вместо слов "магические потоки" говорите "энергетические потоки".

— Очень хорошо сказано, так и сделаем. А еще надо бы заранее продумать разговор с адмиралом.

— Уже помыслил. Вот что предлагаю...

Расчет оказался верным. Князь Мешков убедил адмирала принять всех троих вечером.

Разговор состоялся на квартире высокого начальника и начался самым неожиданным образом.

Первым начал лейтенант Семаков. Он встал по стойке "смирно".

— Ваше превосходительство, даю слово чести офицера Русского императорского флота, что то, что я сейчас вам сообщу, было мною видно своими собственными глазами.

Многоопытный адмирал Нахимов не сразу нашелся, что ответить.

— Вы настолько опасаетесь, лейтенант, что я вам не поверю?

— Так точно, ваше превосходительство, опасаясь. Лейтенант князь Мешков, ваш черед.

— Ваше превосходительство, я также даю слово чести офицера Русского императорского флота, что то, что я сейчас вам сообщу, было мною лично видно.

Чувства хозяина помещения были противоречивыми. Больше всего ему хотелось скомандовать о прекращении этого балагана, но опыт, логика и чутье в один голос твердили, что эти сказанные с максимальной торжественностью слова имеют под собой самую серьезную основу.

— Что скажете, хорунжий? Вы тоже дадите слово?

— Ваше превосходительство, в правдивости того, что я сейчас расскажу, готов крестоцеловальную клятву дать, поелику видел это своими глазами.

— Ну что ж, господа, как вижу, дело у вас серьезное, — твердым голосом промолвил адмирал. — Кто начнет-с?

— Если позволите, ваше превосходительство, я и начну...

— Атанде⁴! Мы не на параде, так что будем без чинов-с. Начинайте, Владимир Николаевич.

— Началось все неделю назад. Я шел по дороге от города по направлению к мысу...

Рассказы всех троих длились в сумме не более полутора часов. Слушатель проявил вежливость и не перебивал ни словом. Закончился рассказ словами:

— и дозволейте предъявить, Павел Степанович, доказательства материального свойства. Извольте убедиться: пистолет их работы, также и ружье... в порохе, как я говорил, не нуждаются, оба способны произвести несколько выстрелов кряду... вот, покорнейше прошу...

На стол легли магазины.

— ...здесь четырнадцать пуль, а здесь двадцать. Калибр разный, но причины такого выбора не знаю. А также, еще того важнее...

Лейтенант бережно достал толстую стопу листов.

— ...высокоскоростной корабль, по расчету максимальная скорость 20 узлов, парусного вооружения нет вовсе, только их двигатель... они готовы поставить части, которые надобно собрать... извольте глянуть.

Адмирал не просто пожелал "глянуть". Он пожелал рассмотреть пристально. На это, а также на вопросы и ответы чисто технического свойства ушло еще полтора часа.

Наконец, Нахимов подвел итог.

— Господа, когда б то зависело лишь от меня, то сегодня же вы получили бы надлежащие суммы золотом на покупку деталей и постройку такого корабля. Но должно убедить всех, меня в том числе, насколько данный проект хорош в части артиллерии-с. Ведь обычные орудия ставить не имеет смысла, не так ли? Посему моему старшему адъютанту Острено поручу с утра подготовить шлюп "Надежда", а также плавучие мишени для пробных стрельб. Феофан Христофорович лично будет присутствовать на испытаниях, имейте это в виду-с!

— Павел Степанович, в пробных стрельбах должен участвовать артиллерист гостей. Он же и обучать наших будет. И еще их капитан дальнего плавания.

— Ничуть не возражаю.

С утра Неболтай и Семаков отметили хмурый и встревоженный вид лейтенанта Мешкова. Хорунжий на правах друга прямо спросил:

— Михайло, ты выглядишь прям как не в себе. Иль со здоровьем что не так?

— Да не со мной. Татьяна Сергеевна с горячкой слегла, холодным ветром продуло.

Князь сказал не все. Спешно вызванный доктор Хофбауэр заявил, что имеется воспалительный процесс в легких, и что прогноз может быть плохим. Именно диагноз так встревожил князя.

Казак первым проявил сообразительность:

— Так покланяйся Марье Захаровне. Ей присутствовать на стрельбах ну вовсе без надобности. Пусть ты заплатишь хоть и пятнадцать рублей, абы на пользу. Опять же: за разговор вовсе денег не возьмет.

И любящий муж оставил друзьям бричку, а сам помчался домой распорядиться насчет пролетки. Он подкатил к мысу меньше, чем через час.

Разговор в пещере оказался коротким. После приветствий и объяснений князь напрямую спросил:

— Мариэла Захаровна, возьметесь вы за лечение?

Маг жизни не раздумывала ни мгновения:

— Да, это мой долг, но окончательное согласие только после осмотра. Экипаж у вас есть?

Маг жизни подумала, что и сама пациентка, и кто-то из домашних может оказаться негатором, потому и сделала оговорку.

— Разумеется.

Мариэла чуть-чуть помедлила. Ей хотелось сберечь силы на лечение применением настоев и отваров, но она осознавала, что энергию можно восстановить в течение, самое большее, суток, а лекарства Маэры могут оказаться трудновосполнимым ресурсом. Наконец, маг жизни решила, тряхнула головой и скомандовала:

— Едем!

Тут успокоившийся было заботливый супруг снова встревожился:

— Мариэла Захаровна, а как же вы говорили, что наш мир враждебен вашей магии?

— Не сам мир, а люди, и притом не все. Я проверю всех окружающих. Но на всякий случай ни с кем посторонним встречаться ей нельзя, пока организм больной не заменит конструктор на свою ткань. А уж потом любое воздействие будет безразлично...

Доехали они довольно быстро: примерно три четверти часа.

Горничная Фрося встретила молодого барина круглыми глазами и шепотом:

— Барыня-то совсем нехороша: и не ест ничего, и не встает, и лоб горячий. Я за лекарством, что немец прописал, сходила, только-только вернулась...

— С лекарством подождем — неожиданно для самого себя ответил Мешков. — Мы сейчас с этой дамой к ней.

— К больной гостей не надобно, — твердо ответила Фрося, зная свои права. В их число входило право давать хозяину советы, хотя и в небольшом количестве.

— Надо. Это не гостья, а как раз по поводу болезни.

Возражать было нечего.

Княгиня чувствовала себя прескверно, но находилась в почти ясном сознании. Вот почему вид мужа, появившегося в спальне в компании с незнакомой дамой, показался зрелищем не из обычных. Но князь не дал удивлению жены развиться, перехватив, как и подобает офицеру, инициативу:

— Дорогая, разреши представить тебе Мариэлу Захаровну. Она ученый доктор, приехала издалека. Я ее пригласил ради тебя. Госпожа Мариэла, это моя жена Татьяна Сергеевна.

Неожиданно для всех и в нарушение светских правил заговорила посетительница. Тон показался знакомым княгине. Именно таким раздавал приказы домашним ее дедушка, отставной полковник Волков. Пожалуй, только любимая внучка осмеливалась (да и то не всегда) противоречить приказам. А еще уши резанул отчетливый акцент.

— Князь, не будем терять времени на пустые разговоры. С вашего позволения, я... — тут иностранка чуть запнулась, — вымою руки, осмотрю больную, потом выйду к вам, все расскажу, а уж после начну лечение.

Мытье много времени не потребовало. Магистр втихомолку воспользовалась сигнализатором негации, но тот ничего не показал. Далее женщина-доктор вежливо, но решительно попросила хозяев выйти, аккуратно закрыла дверь, потом мягко обратилась к потрясенной больной:

— Ничего не бойтесь. Я не буду даже касаться вас руками, позвольте только отбросить одеяло... так...

Маг жизни подумала, что диагноз поставил бы без ошибки даже студент-второкурсник (соответствующей специализации, понятно). Но кое-какие детали вызвали небольшое поднятие бровей. Тут не только воспаление легких присутствовало... интересно. Похоже, можно получить политические выгоды.

Не прошло и пяти минут, как Мариэла снова закрыла больную одеялом и встала.

— Мне все ясно, княгиня. Сейчас я выйду, переговорю с вашим мужем, а потом вернусь и начну собственно лечение.

Татьяна Сергеевна даже не собралась с ответом — а непонятная женщина уже исчезла за дверью.

Князь в нетерпении ожидал в гостиной, меряя ее шагами из угла в угол. Рядом с дверью

стояла горничная. В глазах ее читалась твердая решимость защищать хозяйку от немки.

Тон мага жизни был тем же самым, то есть командным:

— Михаил Григорьевич, мне срочно нужны бумага и... чем писать.

— Фрося, принеси.

Строптивая прислуга подчеркнуто неторопливо вышла из комнаты и вскоре вернулась с листом и карандашом. По ее мнению, пера с чернильницей эта барынька не заслужила.

Женщина-доктор уселась за стол и через пару минут протянула хозяину дома исписанный лист.

Князь прочитал, с некоторым усилием продравшись сквозь непривычно выглядящий текст. Язык был явно русский, но так бы не написал ни один из его знакомых: не было "ятей", буква "ферть" имела необычное начертание, словом, многое было не так, как учили. Да и фразы построены иначе. Врачебный вердикт заставил удивиться, но Михаил Григорьевич почел за лучшее промолчать.

Мариэла продолжила с теми же интонациями:

— Сколько времени вы женаты?

— Полтора года.

— На Троицу два года будет, — уточнила придира-горничная.

— Детей у вас нет?

Отрицательное движение головой.

— Я так и думала по причине... — палец ткнул на строчку, — и это я берусь также вылечить. Но придется затратить больше труда.

Мешков счел, что пора прояснить некий деликатный момент.

— Сколько вы берете за визит?

Чужестранка явно удивилась.

— За визит? Нисколько. Я беру за результат.

Князь сделал зарубку в памяти.

— Если лечить только это... — и палец указал на другую строчку, — моя работа стоит десять рублей на ваши деньги. А если вместе с тем... ну, вы знаете... тогда добавьте еще пять рублей.

— На ее здоровье мне никаких денег не жалко.

И на стол с коротким звяком опустились золотые монеты.

— Тогда прошу не беспокоить в течение... — и снова небольшая заминка, — примерно двух с половиной часов.

Никто из землян не знал, что Мариэла, не будучи сильна в устном счете, затруднялась мгновенно перевести маэрские часы в земные.

Женщина снова скрылась в спальне, не забыв притворить дверь. Фрося не вытерпела:

— Барин, так как же эта немка нашу-то княгинюшку лечить собралась?

— Сам не знаю, я ж не доктор.

Мешков отвечал несколько рассеянно. У него из головы не выходила та мысль, которую туда почти силой впихнула иномирская дама. И как же он сам не додумался?

Горничная изо всех сил вслушивалась. Но из спальни сначала донеслось сколько-то невнятных слов, а потом и вовсе ничего.

Князь принимался за книгу, потом швырял ее на столик, делал несколько кругов по гостиной, пытался услышать хоть что-то из спальни и, понятно, слышал ровно столько же, сколько и Фрося, еще раз пытался читать — с тем же успехом...

Наконец, Мариэла Захаровна появилась из спальни.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Михаил Григорьевич, как понимаю, завтра у вас с утра будет много дел по службе?

Лейтенант кивнул.

— Ну, утром от вас много не потребуется: пришлите за мной экипаж. Мне предстоит еще раз осмотреть вашу супругу. Вообще-то это лишнее, сейчас она спит здоровым сном, и я уверена, что к утру будет в полном порядке, но я точно так же уверена, что наставница непременно отдала бы распоряжение об утреннем осмотре. У меня все же ранг магистра.

Князь решил, что правильно понял смысл.

Чужестранка повернулась к Фросе.

— Вас зовут Фрося?

От такого обращения у бедняжки подкосились ноги, но все же она устояла и даже нашла в себе силы несколько раз кивнуть.

— Вот вам приказ, Фрося. Татьяна Сергеевна сейчас спит и будет спать до утра. Не беспокоить. Не будить. С утра она проснется голодной. Есть ей можно все, но много не давать. Лучше небольшую порцию, а потом через два или три часа — еще такую же. В полдень уже может есть, как обычно. Ходить... ну, сначала я ее осмотрю, пусть дождется моего приезда и не встает с постели.

Горничная, которая знала барыню еще с детских лет, вспомнила этот командирский голос. Точно так же отдавал приказы старый барин. А уж он в этом деле понимал толк.

Но немка на этом не остановилась. В ее глазах появился зоркий прищур.

— Повторить приказ!

Фрося собралась с силами.

— Барыня сейчас почивать изволят, ее не трогать и не будить. С утрава дать завтрак, ее любимый: яишенку да сметанку, да хлебушек свежий, да кофий. Потом, если захочет, еще кусочек грудки куриной, да хлебушка пару кусков отрезать, да молочка. А потом уж в полдень, как обычно...

Суровая чужеземная барыня вдруг улыбнулась.

— Весьма неплохо, Фрося. Похвально.

Маг жизни по привычке имела в виду студенческую оценку. Но горничная поняла слово в прямом смысле и подумала, что докторша хоть и не русская, но справедливая.

Князь взялся лично отвезти госпожу до ее жилища. А верная горничная немедленно решила нарушить приказ, на цыпочках прокралась в спальню и слегка тронула губами лоб своей любимицы. Горячки не было. К тому же княгинюшка чуть улыбнулась во сне. И это лучше всего убедило Фросю, что ее касаточка выздоровела. Осталось лишь вознести благодарственную молитву заступнице небесной, что и было сделано по выходе из спальни.

А о лекарстве от доктора Хофбауэра почему-то все забыли.

Маг жизни была права: у Мешкова и Семакова, а равно у капитана Риммера и лейтенанта Малаха день, начиная с утра, должен был получиться очень занятым. Таким он и заделался.

Первые двое во взаимодействии с капитан-лейтенантом Острено обеспечивали техническую поддержку со стороны землян, как то: сам артиллерийский корабль, постройку и установку мишеней на якоря, а также выделение четырех матросов на транспортировку гранатомета. Вторые двое указывали, как уложить гранаты в ящик, а Малах, со своей стороны, принимал у Тифора амулет, обеспечивающий "Гладкую воду". Еще с час лейтенант потратил на первую лекцию земным комендорам. В результате шлюп отдал швартовы лишь после полудня.

Вопреки ожиданиям, погрузка и установка гранатомета не вызвала ажиотажа. Что-то вроде очень малокалиберного орудия с очень сомнительными характеристиками — вот каково было мнение всего экипажа. Острено, будучи адъютантом адмирала, исполнял обязанности наблюдателя, то есть вообще ни во что не вмешивался. Командир корабля лейтенант Азарьев получил все нужные инструкции. Также ему представили двух непонятных иностранцев в одежде незнакомого кроя. Один из них был лейтенантом-артиллеристом, судя по имени — турком или татарин. По любым соображениям такому делать на борту корабля Русского императорского флота было совершенно нечего, но приказ шел от самого Нахимова. Второй оказался капитаном дальнего плавания. Этот хотя бы был немцем; правда, его акцент совершенно не походил на германский. По этой причине Азарьев подумал, что, наверное, Риммер Карлович родом из Баварии, потому что всем известно: баварцев даже природные жители Гамбурга не понимают. Он поделился (шепотом, конечно) этой догадкой с лейтенантом Семаковым, получив в ответ неопределенное хмыканье.

Пока шлюп, подгоняемый несильным бризом, отваливал и шел к точке, где были установлены щиты для стрельб, матросы под присмотром немца принятовили то, что тот назвал диковинным словом "гранатомет", к палубным рымам на носу. Стаксель убрали, чтобы он не мешал стрельбе. Все российские офицеры отметили, что, судя по тому, насколько легко нижние чины тягали это "орудие", вес его был крошечным по сравнению даже с восьмифунтовкой. Одновременно немец наставлял матросов, организуя цепочку для передачи гранат из ящика.

— Они тяжелые, братцы, так что двумя руками передавайте, чтоб не уронить. Берегите силы; гранат, может, штук пятьдесят перекидать придется. Готовность по команде!

В это время артиллерист раздавал последние инструкции комендорам Максимушкину и Патрушеву.

— По первому щиту открою огонь я сам, ваша задача пристально следить за моими действиями и запоминать. Первые две-три гранаты уйдут на пристрелку, причем прицел лучше смещать по горизонту, чтобы столбы от разрывов не мешали. И напоминаю: перелеты, вероятнее всего, не взорвутся. Так что начинать нужно с недолетом и лишь постепенно поднимать прицел.

Ветер стал покрепче. На волных появились первые "барашки". Шлюп шел в бакштаг.

— На лаге! — Азарьеву не было причин надрывать глотку: небольшие размеры кораблика позволял командовать и без этого.

— Семь, ваше благородие!

Малах глянул на щиты и решился.

— Риммер Карлович, давай "Гладкую воду".

Серебряная пластина амулета почти целиком скрывалась в ладони иностранного капитана. Ее увидели лишь Семаков и Мешков, да и то лишь потому, что к действиям всех иномирцев они приглядывались особо тщательно. Зато эффект от применения заметили все, кто был на борту.

Круг гладкой воды был огромен: сажень сорок, не меньше. Зеркальная гладь в нем вопиющим образом не сочеталась с порывистым ветром, а заодно противоречила опыту моряков российского флота. Но удивляться было некогда. Малах отдал команду:

— Подача гранат — товсь! Заряжай!

Одновременно последовали реплики от русских офицеров:

— Семь кабельтовых до первого щита.

— На такой дистанции, да без волнения — и мои бы с первого залпа накрыли.

— Пожалуй, что так, Михаил Григорьевич.

Тем временем пять серых тупоносых гранат легли в лоток. Все глаза устремились на Малаха, который стоял, чуть согнувшись, у казенной части орудия и приглядывался. Самыми внимательными были комендоры. Но даже они заметили первый выстрел только по причине движения затвора, который с негромким металлическим стуком сдвинулся, дал следующей гранате уйти в ствол и скользнул обратно, досылая снаряд.

Звук дошел с опозданием. Столб воды от чудовищного взрыва гранаты поднялся явно выше мачты шлюпа. Зрители даже не успели ругнуться, как грохнули еще два взрыва.

Уже после того, как третий столб опал, а обломки щита, крутясь, попадали в воду, князь Мешков машинально отметил в памяти: "Первый недолетом двадцать сажень, второй — десять, третьим накрытие. Ни одного перелета. Очень мощные взрывы: и на линейный корабль хватило бы одного для критического повреждения корпуса".

Вслух же было сказано:

— Отменно стреляли, Малах Надирович.

— Цель была легкая, Михаил Григорьевич, — проявил скромность артиллерист из иного мира. — Максимушкин, к гранатомету! Делай так, чтобы мушка и прорезь совместились вровень... готов? Приглядывайся пока, минута у тебя есть. Вон второй щит. Один палец — на спуск, второй — на ползунок... И не торопись с выстрелами. Щит в ответ стрелять не будет.

Комендор про себя отметил, что ворочать ствол совсем не трудно, а целиться по мушке и прорези — дело наипростейшее. Из осторожности первый выстрел он дал с большим недолетом. А вот второй был позорно смазан: разрыва вообще не случилось. Перелет, о чем чужестранный артиллерист и предупреждал. Третий — снова недолет, хотя и ближе. От четвертого разрыва щит аж подскочил, но не развалился. С пятого выстрела мишень разнесло в мелкие щепочки.

— Для начинающего неплохо, — послышался голос из-за плеча.

Про себя Максимушкин решил, что все-таки этот Малах не взыскательный немец, поскольку не изругал за напрасную трату гранат, а, наоборот, похвалил за меткость.

Семаков мысленно отметил, что по виду взрывы на море немного слабее виденных на

суше. Куда более впечатленным оказался капитан-лейтенант Острено — возможно, как раз потому, что не был артиллеристом, хотя опыт Синопского сражения он имел. Правда, его предупредили, что будут испытываться новые бомбические снаряды, но ничего не сказали о том, насколько они мощные. Еще больший моральный удар нанесла скорострельность. Даже принимая во внимание, что иностранец явно обладал немалым опытом в обращении с этим орудием, вся стрельба от первого выстрела до поражения мишени заняла с полминуты — и это на три гранаты! А у неопытного Максимушкина — от силы полторы минуты на пять выстрелов.

Пока присутствующие оценивали и прикидывали, к гранатомету подошел Патрушев. Он получил точно такую же порцию указаний и положил руки на спуск и управление.

То ли второй комендор переволновался, то ли у него просто не хватало артиллерийских способностей, но щит был разбит лишь восьмой гранатой. Из пристрелочных четыре ушли перелетом. Местные офицеры увидели заминку с подачей гранат по цепочке, но промолчали. К большому удивлению всех, а в первую очередь нижних чинов, немец не ругался, а лишь сухо заметил:

— Владимир Николаевич, в бою рекомендую ставить первым наводчиком Максимушкина, а вторым — Патрушева. Также рекомендую учения для отработки подачи гранат. Имейте в виду, в бою их придется подавать из трюма, а не из ящика на палубе.

— А это почему? — не выдержал Семаков.

— Если ответным огнем разобьют ящик, гранаты по всей палубе собирать придется.

— К тому же они взорваться могут, — поддержал Острено.

— Нет, в этом смысле боеприпас совершенно безопасен. Самое худшее, что может случиться с гранатой — она упадет в море. Чугун плохо плавает.

На эти слова ухмыльнулись даже матросы.

Риммер снял действие "Гладкой воды". Шлюп сразу стало ощутимо потряхивать на волне.

— Одна небольшая просьба, господа, — вдруг обратился иностранный артиллерист. — Не покажете ли вы хотя бы один выстрел из ваших орудий?

Адъютант Нахимова нахмурился, отчего его усы чуть приподнялись.

— Не смею приказывать, но запас ядер не так велик. Вот если только холостым...

— Пусть и холостым. Мне бы увидеть, как заряжают, и с пояснениями.

Лейтенант Азарьев не колебался.

— Максимушкин, один холостой выстрел из четырехфунтовки.

Комендор принялся действовать и объяснять:

— Вот это, ваше благородие, порох в картузе.

Комендор сноровисто подхватил бумажный пакет с порохом и затолкал его в дуло чугунного орудия. Туда же пошел пыж — комоч пакли. Железный прут Максимушкин сунул в отверстие на стволе.

— Чтоб картуз проткнуть, значит.

Из фляги комендор подсыпал в то же отверстие небольшую порцию пороха.

— Порох тут другой, потоньше, — последовало объяснение.

Этот тонкий порох полыхнул ярким пламенем, грянул выстрел, а орудие, подпрыгнув, рванулось назад.

— Спасибо, я понял.

Свою реплику подал капитан Риммер:

— Господа, обязан похвалить обученность ваших матросов в обращении с парусами.

Все российские моряки, как один, постарались скрыть удивление, а ответил командир шлюпа:

— Благодарствуйте на добром слове, Риммер Карлович.

Про себя Азарьев отметил, что, по всей видимости, подчиненные немца не столь умелы.

— Через который час мы будем у места стоянки? — поинтересовался иноземный артиллерист.

Разумеется, русские офицеры ничем не показали, что их коробит такое скверное знакомство собеседника с морской терминологией и русским языком вообще. Это прискорбное явление было объяснено классическим: "Иностранец, что с него возьмешь".

— Не более получасу осталось, Малах Надирович.

— Господа, считаю весьма нужным дать вам пояснение по нашему гранатомету. Все вы должны понимать, как его возможности, так и ограничения.

Совершенно неожиданным для всех оказался вопрос Острено:

— Малах Надирович, а сколь долго вы будете нас просвещать?

— Думаю, что в час уложусь.

— В таком случае принужден покорнейше отклонить предложение. Адмирал приказал доложить ему результаты немедленно по прибытии.

Семаков и Мешков поняли, что в случае надобности их вызовут, и предпочли промолчать.

В разговор вмешался Максимушкин, но сделал это в строгом соответствии с уставом:

— Ваше благородие, разрешите обратиться к господину лейтенанту.

— Разрешаю, братец.

— Ваше благородие, а что ж за порох такой в этом гранатомете, что дыма никакого?

Вопрос предвиделся, поэтому и ответ был подготовлен заранее:

— Порох особенный, Максимушкин, он бездымный и беззвучный, а в самой гранате, хотя тоже бездымный, но с большим звуком — небось, слышал?

— Да как же не слышать, все слышали, а вот кабы перелеты так же вдаряли, вот орудие было бы!

— Твоя правда, братец, но наши мастера еще до такого не додумались.

Пока мужчины занимались смертоносными игрушками, маг жизни вела свою партию. С утра за ней прислали экипаж, и после получасовой езды двери дома Мешковых гостеприимно распахнулись перед многоуважаемой госпожой.

Для того, чтобы прочесть мысли горничной, не надо было иметь ранг магистра магии разума. Вполне достаточно было бы обыкновенного житейского опыта.

— Барыня с утра хорошо себя чувствуют, ели в охотку и еще просили, но я же, как вы велели...

— Я так и думала. Фрося, веди.

Княгиня и вправду выглядела совершенно здоровой. И сразу же по приветствии попыталась взять на себя инициативу:

— Мариэла Захаровна, я хотела извиниться, что вчера даже не успела вас поблагодарить...

— Татьяна Сергеевна, извиняться не за что. Вы и вправду были серьезно больны. Сейчас я вас осмотрю. Фрося, выйдите.

Скоростью выполнения приказа прислуга ясно дала понять немке о глубочайшем к ней

доверии.

Осмотр вряд ли занял и две минуты.

— Как я и предполагала, воспалительное состояние снято...

Магистр чуть-чуть покривила душой. Конструкты, поставленные на совесть, еще действовали, хотя нужды в них не было.

— ...теперь вам можно вставать. В полдень рекомендую поесть, как обычно. Вы ведь уже позавтракали, не так ли?

— Все так, но Фрося говорит, вы не велели давать много. А я такая голодная...

— Так и должно быть, — улыбка.

— Мариэла Захаровна, сейчас я оденусь, а вы, коль не в труд, подождите. Я непременно должна с вами поговорить.

— Так я как раз и хотела кое-что вам сказать по врачебной части.

На самом деле разговор предполагался и на другие темы.

Отдать справедливость княгине: она оделась необыкновенно быстро — с помощью горничной, понятно. Весь процесс занял от силы полчаса. Под чай с домашним печеньем началась беседа.

Впрочем, с самого начала иностранка твердо объяснила пациентке все особенности состояния ее здоровья, сказав в заключение:

— Я думаю, Татьяна Сергеевна, что отсутствие у вас детей как раз и объясняется хроническим воспалением... по женской части. Но теперь, когда я его сняла, вы с большой вероятностью забеременеете, и тогда настоятельно рекомендую переехать в безопасное место. Если то, что я слышала от князя, верно, то война совсем близко. Как, — тут на короткое мгновение Мариэла Захаровна запнулась, — ваш лечащий врач настаивает: беременным здесь не место.

Княгиня учтиво поблагодарила, заверила, что последует разумному совету, и перехватила нить беседы:

— Мариэла Захаровна, так вы и вправду учились в университете?

В ответе, как показалось Татьяне Сергеевне, прозвучала снисходительность.

— Если бы только в университете. Для начала там учатся четыре года, это дает ранг бакалавра. А потом еще трехлетний курс и лечебная практика, после них экзамены, тогда можно получить лицензиата. У меня на это ушло всего шесть лет; для моей специальности довольно быстро. А потом еще магистерские спецкурсы, и обширная практика, и защита диссертации, это еще шесть лет. Магистр имеет право лечить, но лишь с разрешения наставницы и под ее присмотром. Ну, разве только в исключительных случаях самостоятельно... Я уж пять лет, как магистр. Думаю, еще годика три или четыре — тогда стану доктором.

Татьяна Сергеевна не была сильна в устном счете. Вот почему она, не подумав, брякнула:

— Сколько ж вам лет, Мариэла Захаровна? — и тут же прикусила язычок. Но эта удивительная женщина не обиделась, а улыбнулась:

— Судите по внешности? Она результат моего легкомыслия. Знали бы вы, как мне влетело за это!

— Простите великодушно, не поняла: от кого и за что влетело?

— Омолодила я себя. За это от наставницы и попало.

Княгиня все еще не понимала и попыталась уточнить суть дела:

— Вы сами себя омолодили?

— Ну да.

— И успешно, насколько вижу?

— Конечно.

Понимания не прибавилось, что и выразилось в реплике:

— Вы же никому вреда не причинили, даже себе самой. Так в чем тут грех?

— В том, что замахнулась я на действие не по своему рангу. Омоложением может заниматься только тот, у которого ранг доктора. Ну, или повыше.

Любопытство подстегивало задавать все новые вопросы, но голова у бедной пациентки уже шла кругом, поэтому она спросила нечто наипростейшее:

— А выше доктора кто?

— Кандидат в академики. Еще старше в ранге — академик. Моя наставница как раз такая и есть. Выше уж никого нет.

Татьяна Сергеевна за малым не лопнула от переполнявших ее вопросов. Пытаясь справиться с потоком информации, она решила сделать паузу и отхлебнула из чашки. Видимо, чай был очень хорош, потому что княгиня вдруг повернула беседу в совершенно другом направлении:

— Мариэла Захаровна, скажите, что я могу для вас сделать?

Сказано было таким молящим голосом, что маг жизни невольно улыбнулась.

— Татьяна Сергеевна, да мне ничего и не надо. Вот разве что... при случае расскажите о том, что получили мои услуги. И что вы остались мной довольны. Но сразу предупреждаю: есть такие больные, которым я наотрез откажу в услугах, и не по причине дурного характера. Это связано... с особенностями организма, и предвидеть такое не в моих силах.

— Ну, уж историю сию другим дамам расскажу, будьте уверены. Но это и не услуга. Тогда... тогда хотите — я подыщу вам квартиру? Или даже дом?

Мариэла сразу же подумала о доме, окруженном большим садом — такие она здесь видела. С оградой на расстоянии не менее двадцати пяти ярдов от дома. А ведь это защита от негации.

— Пожалуй, вы правы, Татьяна Сергеевна. Но сейчас у меня и моих товарищей на это просто нет денег.

— Уж за то, чтоб поискать, да порасспрашивать, точно денег не возьму. А там и заработаете — с вашими-то умениями.

— Не очень все это просто. Неужели вы думаете, что я беспрепятственно получу разрешение на врачебную практику?

Сказано было не особо гладко, но вполне понятно. Княгиня устремила взгляд за окно. Потом глянула в глаза собеседницы и твердо заявила:

— Я подумаю, Мариэла Захаровна. Тут есть о чем подумать. Да, вот еще: я могла бы дать совет вам в части одежды. Ваш плащ, он, знаете ли, не вполне здесь моден...

Пока длилась эта приятная беседа, капитан-лейтенант Острено успел добраться до своего начальника. Доклад был выдержан в самых восторженных тонах. Выводы были столь же оптимистичны:

— Павел Степанович, я бы настоятельно рекомендовал купить и установить на линейных кораблях такие орудия. С дистанции хотя бы и семь кабельтовых — а то и больше, потому как препятствий к этому нет — они же искрошат в щепки любого противника! И

потом: расход боеприпасов велик, конечно, но если я правильно понял, можно купить хоть пятьсот пудов. При цене двадцать пять копеек за гранату выйдет двести рублей золотом. Ей-же-ей, расход не столь велик! Да еще хороший интендант всенепременно сумеет выторговать скидку.

— Уж могу сказать, куда пойдет эта скидка, да-с! — В голосе адмирала звучало глубокое сомнение в интендантах вообще, а равно в их добрых намерениях. — А знаете что, Феофан Христофорович? Хорошо бы мне лично поговорить и с этим иностранным артиллеристом, и с лейтенантом князем Мешковым, ведь он тоже по этой части не последний. И лейтенанта Семакова тоже пригласите.

Это было уже почти приказом.

— Когда вам угодно будет их принять?

Нахимов прикрыл глаза.

— Пополудни у меня визит в госпиталь, навестить болящих... тогда здесь же, в шесть часов пополудни.

— Не сомневайтесь, Павел Степанович, устрою.

Нахимова через адъютанта удалось убедить, что всем иноземцам нет необходимости являться к нему в кабинет. Вот почему в назначенное время там очутились из всей пятерки только лейтенант Малах и капитан Риммер.

После представлений Малах официально пригласил Нахимова в "наше здешнее жилище". Принципиальное согласие было получено.

В своем докладе иноземный артиллерист делал все, что было в его возможностях, для уменьшения оптимизма, обращая не столько к российским лейтенантам, сколько к самому Нахимову.

— ...отсюда следует, что поражающая способность гранатомета в отношении этих больших кораблей...

— Кораблей линии, или линейных кораблей, Малах Надирович.

— ...да, спасибо... сомнительна. Проверить, конечно, стоило бы, но как это сделать?

Русский адмирал не страдал недостатком сообразительности.

— Тогда, выходит, нет смысла ставить этакое орудие на линейные корабли.

Сидевшие за столом помрачнели. Озвученный адмиралом вывод давал очень мало оснований для оптимизма.

— Павел Степанович, значит, надо будет купить детали того самого быстроходного корабля и собрать его...

Говоря это, лейтенант Семаков быстро писал что-то на листе бумаги.

— ...вот. Я подумал: на месте командующего вражеской эскадрой хоть бы и в полтора десятка вымпелов — как ловить такой быстроходный кораблик? Абордаж почти отпадает: с его двадцатью узлами он не даст к себе подойти. А вот, перестроившись строем фронта, можно поймать его во фланговый огонь, причем при ширине строя даже в полторы мили... извольте глянуть. А особенно в не слишком широкой бухте...

— Так делайте выводы, Владимир Николаевич.

— Делаю. Скорость нужна еще больше: тридцать узлов.

— Риммер Карлович, что скажете?

— Хм, на "Гладкой воде" мой "Стриж" мог бы такое дать, но при даже небольшой высоте волн — опасно, очень скоро течь бы появилась.

— А если ваши машины да на наш шлюп установить? Возможно такое?

— Конечно, возможно, и даже недорого, но большой скорости не гарантирую. Обводы не способствуют...

Вроде бы сухопутный иноземный лейтенант встрял в дискуссию:

— Надо запросить доктора Шахура. Доктор — это у нас высокий ранг ученого, — пояснил он. — Будучи большим специалистом в области судовых движителей... или двигателей... он совершенно точно может сказать, что нужно для достижения заявленной вами скорости. И насчет формы корпуса корабля поинтересоваться, и о кристаллах для воды надо справиться: эти тоже стоят денег. В пересчете на ваши — ну, сто рублей.

В тот момент всем показалось, что даже усы на лице Нахимова затвердели. Голос адмирала был под стать им:

— Господа, прошу учесть вот что: сумму в тысячу рублей можно внести в ремонтные расходы эскадры. Но не более-с!

— Павел Степанович, — ответил князь неожиданно подхалимским голосом, — так ведь при уже построенном боевом корабле дополнительные расходы провести много легче. И если расходовать по частям...

— Михаил Григорьевич, — отчеканил хозяин кабинета, — осмелюсь напомнить вам, что боевой корабль можно считать построенным, когда он принят в состав флота по всем документам-с. Никто не подпишет вам такую бумагу без ходовых испытаний! И я такое не подпишу-с! И адмирал Корнилов наотрез в том откажет!

— Господа, — примирительно сказал Риммер, — мне кажется, я могу внести ясность. Все же цены — это нечто знакомое мне. Материалы для небольшого корабля обойдутся недорого; ну, двадцать золотых они стоят... то есть примерно сто рублей. Пусть даже двести, с запасом. Сборка — это дороже. Придется задействовать услуги нашего специалиста Тифора Ахметовича, обойдется примерно в пятьсот рублей. Или же обучать ваших подмастерьев.

— Мастеровых, вы хотели сказать.

— Ну да, благодарю... Еще одна статья расхода: движители — правда, те не самое дорогое в корабле, двадцать рублей им цена. Далее: кристаллы для воды, вот они и вправду стоят сотню. Хорошо, пусть сто двадцать. Еще покраска. Тут по ценам вам виднее, господа.

— За двадцать рублей пять маляров вам весь корабль выкрасят, снаружи и изнутри. Считая стоимость самой краски.

В своих словах князь Мешков был вполне уверен: по долгу службы ему пришлось соприкасаться с ремонтными работами.

— Также вижу вот какую статью расходов: боеприпасы для гранатомета. Мне кажется, что выходить из порта с запасом менее двухсот гранат — неосторожно.

— Пятьдесят целковых, стало быть, — мгновенно подсчитал Семаков.

— Боеприпасы совершенно по другим документам проходят, господа, — спокойно возразил Нахимов, — будьте покойны, за это ручаюсь. Итак, за вами, Малах Надирович, консультация с этим доктором наук. Двадцать наших узлов — минимальная скорость, тут я согласен с Владимир Николаевичем. Лучше, конечно, сорок...

Любой, кто немного знал доктора Шахура и адмирала Дофета, поразился бы проявленной ими оперативности. Любой, кто знал их хорошо, пришел бы к убеждению, что особо почтенный и глубокоуважаемый уже давно решили ту задачу, которую им предложили. Как бы то ни было, через сутки на каменном столе в пещере уже лежали чертежи другого корабля, еще более быстроходного, но и более дорогого.

К некоторому удивлению иномирцев, адмирал без колебаний подписал выдачу половины надлежащей суммы в золоте. Разумеется, часть ее должна была уйти на Маэру, но доля, оставшаяся путешественникам, превосходила опыт любого из них. Мариэла вынуждена была признать, что даже для наставницы гонорар был бы экстраординарным.

— Пятьдесят золотых, подумать только! — Удивлялась вслух магистр. — Мне и за полгода столько не заработать. И еще столько же после постройки!

— А ведь стоит подумать о покупке алмаза, — небрежно заметил командор.

— Уточню: прицениться, — капитан Риммер, как всегда, был практичен.

В следующую встречу Малаху было что предъявить. Из портала вылез очередной цилиндр с чертежами. Русские лейтенанты получили надлежащие инструкции, и к вечеру пакет лежал на столе у Нахимова. Разумеется, адмирал потребовал пояснений. Он был настолько взволнован, что даже не предложил быть "без чинов".

— Вот, извольте взглянуть, ваше превосходительство, эти трубы идут сюда, вниз; они, при задействовании этих кристаллов, приподнимают нос, отчего скорость, по расчету наших... кхм... занебесных инженеров-кораблестроителей, должна увеличиться. Вот занятно: в пояснениях написано, что подобный режим временного повышения скорости господин профессор называл "форсаж".

— Forçage? Выходит, французский он знал?

— Весьма возможно, ваше превосходительство, иного объяснения не имею. Осмелюсь обратить ваше внимание на еще одно отличие: передняя стенка рубки со скосом и даже мачта наклонная. Кстати, стекла входят в поставку. Одним словом: все ради скорости.

— Лейтенант, когда начнется доставка материалов?

— Между восемью и девятью часами утра, ваше высокопревосходительство.

— В таком случае жду вас у себя в семь. Мне положительно необходимо познакомиться с этими людьми и поглядеть на этот их... портал. Всенепременно-с!

— Ваше превосходительство, охрана все же нужна. Иномирцы нам дружественны, но ведь других людишек хватает... Хотя бы с десятков казачков. Вот кстати: хорунжий Неболтай туда ж напросился. Ему покупка должна придти.

— Покупка? Какая такая?

— Пистолет иномирской работы. Тихон честно купил за свои, тридцать рублей отдал.

— Хорошо, против хорунжего не возражаю, а прочая охрана — из моих матросов.

На том и согласились.

Сам вход в пещеру не произвел на адмирала большого впечатления. А вот обстановка

внутри заставила удивиться. Еще больше изумление вызвали ее обитатели, в первую очередь дракон. У Нахимова появилось отчетливо тревожное выражение в глазах.

Малах первым догадался о причинах этого чувства. Адмирал настолько явно представил себе армию вторжения, состоящую из драконов, что командир иномирцев поспешил с успокоениями:

— Господин адмирал, вам нечего опасаться нашего достойного товарища. Кстати, он больше всех нас заинтересован в том, чтобы вернуться в свой мир.

Нахимов попался на удочку.

— Почему так?

Отвечал сам дракон.

— Мои товарищи смогут как-то существовать в этом мире, когда кончится действие их защиты. Я — нет. Исчезнет способность летать, а без нее драконы жить не могут. К тому же у меня на родине жена, дети и внук.

Все земляне отметили про себя, что на доброго дедушку дракон не походил ни в какой степени.

— А у меня жена и сын.

— А у меня две дочки.

Малах прервал светские разговоры, принявшие неожиданно опасное направление.

— Господин адмирал, если вы хотели поглядеть на работу портала, то вам надо наружу, и мы с вами.

Все дружно вылезли. Закат был уже близок.

Малах глянул на то, что можно было с большой натяжкой назвать часами — во всяком случае, у этого громадного устройства имелись стрелки и циферблат, хотя и совершенно непривычного вида.

— Уже должны... началось!

Из ничего полезла длинная железная балка треугольного сечения. Она была громадной: сажень пятнадцать длиной. Видимо, портал был чуть приподнят над землей, потому, что балка, закончившись, упала с глухим звуком.

— Таррот, в сторону ее!

Подчиняясь команде, дракон чуть повел лапой — и тяжеленная громадина, чуть приподнявшись, отодвинулась в сторону, давая место следующей "посылке".

— Это будет киль, господин адмирал, — пояснил капитан Риммер, — правда, его еще гнуть надо. Пустотельй, сварной.

Из портала вылезла другая балка, имевшая в сечении букву "твердо". Дракон уверенно отставил и ее в сторону, даже не коснувшись. И пошло...

Стопа балок росла на глазах. Моряк-иномирлец в этом, казалось бы, не участвовал, и Нахимов решился спросить:

— Риммер Карлович, как понимаю, это все для набора корабля?

— Так и есть, Павел Степанович.

— А что ж насчет обшивки?

— Как раз получаем заготовку для нее, — из портала вылез даже на вид тяжеленный сплошной брус. — Мы его в лист расплющим, нарежем, вот и обшивка.

Нахимов проявил кораблестроительную эрудицию:

— А чем обшивку к набору крепить будете? Никак заклепками?

— Нет, только сваркой.

Тут чужестранный капитан заметил сомнение на лице адмирала и поспешил добавить:

— Вполне надежно получается, Павел Степанович, уж не сомневайтесь.

— Сварка — бог с ней, готов допустить. А ну как шпангоут гнуть придется — что тогда-с?

— С таким и ваши люди могли бы справиться. Рычагами там, к примеру... У нас тоже так бы поступили. Но тут в нашем распоряжении господин Таррот.

Адмирал с новым уважением глянул на дракона. Тот, конечно, выглядел сильным, но настолько? Моряк с Маэры перехватил этот взгляд.

— Вы неправильно подумали. Павел Степанович. Дракон может деформировать все это железо методами нашей науки. Он большой специалист. К счастью, все эти балки не из серебра и не из золота. Вот тогда бы и вправду было трудно.

— Ужели серебро плющится и гнется хуже железа?

В разговор вмешался магистр Тифор.

— Вы не поверите, но в университете преподаватели иным разом дают студентам задачу: превратить слиток серебра в тарелку. И такая работа считается наказанием. Мне, правда, подобное никогда не доставалось, я-то числился в примерных...

Маг-универсал, сам того не зная, крепко искажил действительность. Его полагали способным студентом, умным студентом, знающим студентом, но примерным его никто и никогда не называл.

— Вот уж чего бы не подумал. А это что?

"Это" было кусками темно-зеленого стекла.

— Заготовки для окон рубки.

— Но ведь это стекло!

— Конечно. Оно как раз деформируется необычайно легко. Особенности полей трансформации, знаете ли.

— Придется поверить, раз вы говорите. А это?

Из портала вылез длинный узкий ящик. Он был сделан из струганых, тщательно подогнанных досок.

— Сам не знаю, Павел Степанович. Хотя нет, предполагаю. Ну-ка... — и Тифор отщелкнул замки.

В ящике оказались деревянные коробочки, каждая из которых содержала что-то вроде корпии. В ней лежали разного вида кристаллы. В одной из коробочек стояли на ребре серебряные пластины с гнездами и непонятными знаками.

— Ну да, кристаллы, — тут высокоученый магистр расширил глаза. — А я дурак.

Сказано было настолько глубокомысленно, что Мариэла с трудом сдержала смешок.

— Болван. Это я про себя, — уточнил самокритичный Тифор.

Все переглянулись.

— Тифор Ахметович, — безукоризненно светским тоном начал князь Мешков, — мы глубоко уважаем ваше мнение о себе и готовы его принять, если вам угодно будет его объяснить.

С точки зрения земного этикета эти слова были дерзостью, а то и чем похуже, но русский лейтенант угадал правильно: только они могли вывести Тифора из состояния, близкого к ступору.

— Вы не понимаете, — объяснил пришедший в себя иномирец, — вот эти кристаллы в нашем мире не существуют в природе. И в вашем, полагаю, тоже.

При этих словах палец ткнул в очень красивые темно-красные драгоценные камни.

— Как же нет, если они есть? — возразил Мешков. — Рубины, как полагаю?

— Вы опять не поняли. В природе не существуют. Получены искусственно, поскольку это не рубины, а темно-красный кварц.

Первым проявил сообразительность казак.

— Так что ж, Тифор Ахметыч, выходит, эти самоцветные камушки можно тут выгодно продать?

— Точно не скажу, Тихон Андропович, — вмешался Малах, — но очень даже возможно.

Правда, как раз эти нам для дела...

— А ведь красивые. И сапфир, опять же...

— Вы тоже не угадали, Владимир Николаевич. Это синий кварц. Тоже в природе отсутствует.

Нахимов решил вмешаться.

— Понимаю, что денежный вопрос важен весьма, но есть и другие, неотложнейшие. Допустим, Риммер Карлович, этот ваш быстроходный корабль собран. Как его отсюда на воду спускать прикажете-с? С такого-то обрыва?

— Как раз это нетрудно: сделать вот тут пологий спуск... хотя... да, вы правы, Павел Степанович. Этот спуск надо бы досками покрыть, да еще смазать, да еще... короче, тут помощь мастеровых была бы кстати.

— Когда ж закончите постройкой?

На этот раз ответил капитан Риммер.

— Мне опыт ничего не скажет, Павел Степанович, ведь мои прошлые корабли собирал не я сам. Давайте так: мы с товарищами начнем сборку, и по ее темпам будем судить.

В голосе адмирала снова появилась твердость:

— Считаю присутствие при постройке лейтенантов Семакова и Мешкова положительно необходимым-с.

Командор Малах проявил наивысшую дипломатичность:

— Павел Степанович, мы как раз хотели об этом попросить.

— Какие у вас на то резоны? — Слова "у вас" были отчетливо интонированы.

— Вот какие: при возникновении каких-либо вопросов или просьб один из господ лейтенантов тут же сможет связаться либо с вами, либо с кем-то другим, по вашему выбору.

— Вот еще вопрос: вы говорили, что ваш пистоль, равно другие предметы, защищены от постороннего вредного воздействия, не так ли-с?

— Именно так.

— Тогда и ваши двигатели надобно защитить.

Лицо Тифора приобрело некоторую озадаченность:

— Павел Степанович, но ведь во власти командира не пускать посторонних...

— Однако представьте себе: стоит корабль у причала, и тут подходит некто, и ему даже не надо всходить на борт...

— Все понял; конечно, вы правы.

— А сколько защита стоит будет?

Рыжий забормотал нечто не вполне понятное, устремив взор в небеса:

— Четыре ходовых... так, два вспомогательных... еще два на помпы, да один на рубку с управлением, так... и один на гранатомет...одиннадцать по два... наложение отдельно, но со скидкой... по восемьдесят... — тут взгляд магистра снова стал осмысленным, — с вашего

позволения, сто сорок четыре рубля. Золотом, понятно.

— Дело того стоит, Павел Степанович, — решительно влез в разговор Семаков, — зато уж не будет никаких случайностей...

— Тогда с богом, начинайте.

И началось действие.

Уже много позже русские моряки, не стоваривась, признались друг другу, что чувствовали себя в волшебной сказке — правда, зрителями, а не участниками. Только Мариэла занималась какими-то своими делами. В это время дракон чуть ли не пристальным взглядом гнул стальные балки, поднимал их, составлял друг с другом; Малах и Тифор, держа в руках довольно большие серебряные пластины, орудовали пальцами, перебирая их прямо, как скрипачи. У обоих на лице красовались темные очки — совсем не лишние для такой работы. Металл плавился, сверкая солнечным огнем, потом необыкновенно быстро остывал — и там, где стыковались две балки, оказывалась полоска наплавленного железа с грубой поверхностью. Капитан Риммер по общему молчаливому согласию взял на себя роль мастера — он указывал, что брать, что соединять, в какой последовательности.

Первым от наваждения очнулся Нахимов.

— Господа, полагаю, в ходе строительства вам понадобятся опоры для корпуса корабля. Если не возражаете, я пришлю завтра опытного мастера, он составит список потребного. И завтра же начнут доставлять.

— Вы правы, Павел Степанович, такая помощь была бы кстати.

Пока мужской пол был занят мужскими же игрушками, маг жизни времени даром не теряла.

Усилиями Татьяны Сергеевны были найдена еще одна пациентка. Это была Катенька Власьева, восемнадцатилетняя дочь отставного контр-адмирала Всеволода Алексеевича Власьева. Отец жил под Гомелем в имении, а дочь он послал в Крым якобы для поправления здоровья, на деле же его супруга Елена устроила эту поездку к проживающей там тетушке Елизавете Алексеевне, втайне мечтая о хорошей военно-морской партии для дочери.

Этим замыслам грозило полное крушение. Бедная Катя сразу по прибытии в Севастополь крайне неудачно упала с крыльца, сильно повредив правую руку. Кисть осталась скрюченной, в результате чего перспективы удачного замужества сильно потускнели.

После непродолжительных переговоров маг жизни согласилась продолжить трудовую деятельность излечением девицы Власьевой.

Будучи замужем за морским офицером, Елизавета Алексеевна Абрютина была настоящей хозяйкой в доме. А как может быть иначе, если муж пропадает в дальних далях хорошо, если неделями, а то и по месяцу? Потому-то про себя она решила не соглашаться сходу на предложения этой иностранки, а сперва выслушать.

Беглый взгляд на сигнализатор показал Мариэле, что негаторов вблизи нет.

После вежливого обмена приветствиями маг жизни стала ненавязчиво ставить условия:

— Мне надо осмотреть больную, без этого я не назову ни сроки лечения, ни его стоимость.

Но тут коса нашла на камень:

— Вы уж, госпожа магистр, позвольте мне при этом присутствовать.

Против ожиданий, доктор ничуть не возражала.

Но картина повреждений заставила ее задуматься. Кости все были целы. Связки же срослись безобразно. Исправить такое можно было бы одним конструктом; при том, что он должен быть довольно сложным, на полное излечение хватило бы полутора суток. Но прокачка потоков показала отсутствие трех верхних резцов.

— Скажите, Катя, а при каких обстоятельствах вы лишились зубов вот здесь?

Тетушка не дала племяннице и рта раскрыть:

— Вы откуда знаете?

Одновременно последовал короткий и выразительный взгляд в сторону княгини Мешковой.

— Так это моя работа — чувствовать все повреждения организма пациентки, — мило улыбнулась Мариэла.

Однако, почувствовав некоторое напряжение в тоне хозяйки дома, она продолжила:

— Видите ли, я могу вырастить Кате зубы взамен потерянных. Лечение кисти прошло бы в два дня, а если с зубами, то понадобится все пять дней. Но мне кажется, ваша красивая племянница, — от подобных слов та залилась густым румянцем, — будет выглядеть гораздо лучше с широкой белозубой улыбкой. Да, чуть не забыла: если по моей вине лечение окажется неудачным, не возьму с вас ни медяка.

Елизавета Алексеевна еще раз продемонстрировала крепкую деловую хватку. Последовал вопрос:

— Сколько же вы возьмете за лечение?

— Если лечить только правую кисть — тридцать рублей золотом. А если с зубами — шестьдесят. Но это не все.

Магистрам случается читать лекции — с разрешения наставника, разумеется. Вот почему Мариэла выдержала паузу по всем правилам искусства. Это произвело эффект.

— Постараюсь быть краткой. Некоторое время — те самые два или пять дней — часть организма, которую я буду лечить, останется подвержена дурному влиянию от посторонних людей. От вас, сударыня, моей пациентке ничего не грозит, а вот насчет других ничего определенного сказать не могу. Я вам дам специальный браслет под залог ста рублей. В случае чего он вас защитит, Катя, но сам при этом потеряет часть своих свойств. Восстановление обойдется в двадцать пять рублей. Если с браслетом ничего не будет — вы возвращаете мне его, а я возвращаю вам залог. В противном случае вы все равно вернете браслет, взамен же получите семьдесят пять.

Маг жизни решила раздобыть защиту от негации. Конечно, обошелся бы браслет с алмазом недешево, но, по ее мнению, дело того стоило. За пять дней вполне возможен контакт с кем-то нежелательным.

— И еще кое-что вам надо знать. У меня сейчас этого браслета нет. Его мне дадут (под залог, конечно) лишь завтра. Предпочитаю начать лечение, уже имея гарантию защиты. Мне очень не хотелось, чтобы моя работа была... — тут доктор замедлилась, подыскивая слово, — пустым местом.

— Впустую...

— Да, спасибо. Мой русский язык все еще несовершенен. И, как я уже говорила, сейчас вы мне ничего не заплатите.

Капитанша Абрютина была достойна своего мужа, отличившегося храбростью при Синопе.

— Так я и согласия своего не дала. А вот кабы посмотреть на вашу работу...

Иноземная дама хищно улыбнулась.

— Удостовериться хотите? Что ж, это можно. Берусь прямо сейчас, у вас на глазах вырастить новые зубы Кате. Но с условием: вы мне заплатите сразу же за всю работу, ибо без защиты я не ручаюсь за результат. Если с вашей дочерью никто, кроме вас — НИКТО! — не будет видаться вплоть до моего повторного здесь появления, то браслет и не понадобится. А завтра я с ним приду. Прислугу даже близко к дверям этой комнаты не подпускать! О всяких там гостях и речи нет. Ну что, рискнете?

Мало кто осмеливался разговаривать с Елизаветой Алексеевной подобным тоном. Как ни странно, она это приняла.

— Будь по-вашему, госпожа доктор. Мы рискуем. Тридать рублей, вы сказали?

— Да, но залог на браслет все равно понадобится... Татьяна Сергеевна, вы тоже можете присутствовать, если пожелаете.

— Если только не помешаю...

— Не думаю. Но меня слушаться! Катя, садитесь в это кресло. Вот так...

Княгиня отметила короткий, почти незаметный взмах левой руки Марии Захаровны. К изумлению капитанши, девушка почти мгновенно заснула.

Маг жизни почувствовала себя наставницей перед студентами-первокурсниками.

— Сейчас дадим воздействие... так... а теперь...

У барышни во сне раскрылся рот. Дамы тихо ахнули, увидев новенькие белые полупрозрачные зубы, возникшие на пустом месте.

— Вы обе ошибаетесь, — пояснила доктор-кудесница, — то, что вы видите, это даже на одну десятую не зубы; конструктор только верхней эмалевой оболочки, а внутри ничего нет, но мы заполним...

Три зуба на глазах у зрительниц наливались крепостью и, по их мнению, ничем не отличались от настоящих, но Мариэла продолжала давать пояснения:

— Да, сейчас и с виду они как родные, и внутри все, что положено, но на самом деле их стойкость много меньше... в таком состоянии, Елизавета Алексеевна, нельзя давать есть ничего твердого. Хлеб только мягкий, фрукты нежелательны, сыр нарезать тонкими ломтиками, мясо тоже, а лучше бы отварную курятину, творог можно также... Пять дней осторожничать, а мне за новыми зубами следить надобно, работа такая. Вот еще поправить...

Тонкие пальцы шевелились, иным разом они указывали на какую-то ведомую лишь Мариэле точку, потом отдергивались, пробегались по невидимым струнам...

— Ведьмовство... — прошептала суеверная Абрютина.

Иностранная докторша услышала и ответила строгим тоном:

— Не ведьмовство, а наука, которой долго учиться надо. Умение управлять энергетическими потоками тела.

Последовал ожидаемый вопрос:

— И что, каждый так может?

— К сожалению, нет. Без природных способностей в нашем деле никуда. Почему-то женщины чаще мужчин ими обладают... да и то одна из пяти сотен... а теперь корни... вам этого не видно, но именно они дают зубам устойчивость...

Женщины молчали, не желая вмешиваться.

— Ну вот, теперь соблюдать указания, а завтра вечером я появлюсь снова. И так еще

пять раз. Без этого новым зубам не жить... Катя, просыпайся.

Девушка раскрыла глаза, попробовала языком то место, где раньше были дырки вместо зубов, и немедленно вскрикнула:

— Марья Захаровна, а уж в зеркало поглядеться можно?

— Да, — улыбнулась в ответ госпожа магистр, — но лишь в этой комнате. Из нее до завтрашнего моего появления — ни шагу. И принести зеркало должны только вы, Елизавета Алексеевна.

Капитанша со словами "Я живо!" выметнулась из комнаты, как будто ей было столько же лет, сколько и пациентке. Отдать справедливость: хозяйка дома принесла не только ручное зеркальце, но и горстку золотых монет.

— Как уговорились, Марья Захаровна, извольте пересчитать; а сейчас не угодно ль чайку?

— Никак нельзя, — твердо ответила докторша, — мне надо срочно за браслетом. Госпожа Абрютина...

Та с трудом отвлеклась от зрелища: любимая племянница с упоением разглядывала себя в зеркальце, держа его левой рукой.

— ...вы помните все указания? В части того, чего нельзя делать?

— Помню, как "Отче наш", не извольте беспокоиться, госпожа доктор. Все будет исполнено.

— Тогда мне пора. Я только-только успею...

Молодая женщина не стала уточнять, чего именно не успеет, схватила свой плащ и выскользнула за дверь. Княгиня поспешила за ней.

На полпути в дом Мешковых доктор вдруг спросила:

— Татьяна Сергеевна, а что такое "Отче наш"?

Предотвратить распространение слухов о чудесном исцелении было решительно невозможно, даже если бы пришельцы того захотели. Ничуть не удивительно, что до врачебного сообщества Севастополя они дошли весьма быстро. Результатом был визит капитана-исправника Ивана Александровича Плетнева в дом Мешковых.

Князь отсутствовал по служебной надобности, и посетителя приняла княгиня. Само собой разумеется, Плетнева она знала лично — так же, как и он ее.

После начального светского разговора ни о чем капитан-исправник начал то, к чему его обязывала должность: проводить предварительное следствие.

— Татьяна Сергеевна, позвольте задать вам несколько вопросов в части, касающейся некоей Марии Захаровой дочери Руа, называющей себя врачом...

Княгиня с истинно великосветским терпением выслушала Плетнева. Появившуюся на ее лице улыбку также можно было посчитать великосветской.

— Иван Александрович, могу я узнать, кто именно подал жалобу на действия этой женщины-врача?

Капитан-исправник вытер платком лоб. Ситуация ему не нравилась с самого начала, теперь же она ему очень не нравилась. Княгиня явно желала взять под защиту эту даму, и не нужно было быть сверхопытным службистом, чтобы предвидеть направление начальственного гнева в случае промаха.

— Доктор Генрих Христофорович Хофбауэр...

— ...и не только он, не так ли? Эту ситуацию можно было предвидеть. Господа врачи уже высказывали вслух свое крайнее недовольство работой доктора Пирогова. Ничуть этому не удивляюсь: как врач Николай Иванович на голову выше всех севастопольских докторов, вместе взятых. В случае с Марьей Захаровной то же самое. Катеньке Власьевой она вырастила три зуба вместо выбитых. Интересно, высокоученый доктор Хофбауэр способен на такое? Исправление скрюченной кисти было не по силу доктору Зайдель⁵, как вам, возможно, уже доложили. Марья Захаровна сделала и это. А уж о том, что она справилась в один день с воспалением легких у меня, даже не упоминаю.

Капитан-исправник, не будучи медиком, ничего не понимал в воспалениях, но из жизненного опыта знал твердо: никакой врач не в состоянии вырастить исчезнувшие зубы. И все же он попытался защищать свою позицию:

— Княгиня, так ведь сия особа врачом себя называет, не имея европейского университетского образования, а это самозванство чистейшее, и потому...

— Иван Александрович, да кто вам такое сказал? И университет она закончила, и магистерскую диссертацию защитила, только не в Европе, а в другом месте. Результат вы уже знаете. Тот же Николай Иваныч — он ведь тоже без европейского...

Княгиня интонационно выделила слово и артистически изобразила полное презрение.

— ...образования, что не мешает ему быть лучшим хирургом, чем все эти господа, воображающие себя докторами. Впрочем, я могу пойти вам навстречу. Слова доктора Пирогова для вас, полагаю, достаточно? Так вот, я сделаю все возможное, чтобы Николай Иванович экзаменовал Марью Захаровну. Кстати, мой муж князь Мешков давно на этом

настаивал. Он персона заинтересованная: война совсем уж рядом, и Марья Захаровна будет его моряков лечить и выхаживать. А уж о том, как прошел экзамен, вам, надеюсь, сам Пирогов не откажется поведать.

Плетнев постарался не показать радости в открытую. Это решение подходило ему наилучшим образом.

— Уверяю, княгиня, суждению Николай Иваныча полностью доверяю-с.

Результатом этого разговора был матрос-вестовой, пожаловавший в приемную к главному хирургу Севастополя с письменной просьбой Нахимова придти к нему в приемную в управлении флота. На все расспросы о состоянии вице-адмирала матрос давал уверения, что тот уж верно не ранен и кажется здоровым. Пирогов, теряясь в догадках, все же захватил саквояж с инструментами и велел немедля заложить экипаж.

В нахимовском кабинете было двое: сам хозяин, флотский лейтенант, и молодая темноволосая сероглазая женщина, одетая в странного покроя плащ с желтой лентой по подолу.

Адмирал, желая выказать уважение, встал из-за стола.

— Николай Иванович, за то, что откликнулись — благодарю-с.

У Пирогова несколько отлегло от сердца. Он понял, что дело не в организме самого Павла Степановича.

— Так чем могу, ваше превосходительство?

— Ах, Николай Иванович, давайте без чинов-с. Вот, позвольте вам представить: Мариэла Захаровна, из далеких краев, женщина-врач. Просит предоставить ей больного, на коем она могла бы продемонстрировать умения. А это наш ведущий доктор, он, можно сказать, главный медицинский начальник всего города.

Молодая дама улыбнулась и сделала реверанс.

Брови хирурга поползли вверх. Он не знал ни одного университета Европы, где женщина могла бы получить медицинское образование.

— Позвольте осведомиться, сударыня, какое именно учебное заведение вы заканчивали?

— Николай Иванович, позвольте не называть университета, который я закончила. Что бы я сейчас не сказала, у вас будут веские основания мне не верить. Давайте проверим мои слова практикой. Надеюсь, у вас найдутся больные или раненые, полное излечение которых находится за пределами ваших возможностей. Предупреждаю: среди них могут оказаться такие, от лечения которых откажусь я сама. Также нежелательны больные с повреждением костной ткани. Вообще-то излечить их в моих силах, но это потребует долгого времени, а его-то, как понимаю, нет. Другое дело, к примеру, тяжелые ожоги — тут мои способности могут быть к месту.

Чувства хирурга к этому моменту являли собой густейшую смесь. То, что молодая женщина из чужих пределов — это было понятно. Именно оттуда ее заметный акцент. То, что у нее нет ни на пятак почтительности к старшим в чине и возрасте — ладно, имя Пирогова не так уж известно в заграницах. Но вот ее заявление насчет ожогов...

— Николай Иванович, Мариэла Захаровна уже опробовала свое искусство на присутствующем здесь лейтенанте Семакове. По его свидетельству: впечатляет-с!

Николай Иванович увидел возможность хоть какой-то проверки дерзких заявлений этой юной особы.

— А что с вами было, господин лейтенант?

— Старый шрам на руке, двенадцатилетний. Мария Захаровна свела его в считанные минуты, и следа не оставила. Николай Иванович, обращаю особое внимание: хуже не будет.

Последнюю фразу хирург отметил в памяти.

— Так как же вас называть?

— Мое настоящее имя — Мариэла. Но Мария тоже годится. Это имя хорошо знакомо любому русскому.

Пирогов решил.

— У меня есть условия.

— ?

— Я буду присутствовать на операции.

— Почему "операции"? Лечения, вы хотели сказать?

— Пусть так.

— Разумеется, я согласна, сама хотела вас об этом попросить. Но и у меня будут условия.

— Какие же?

Мягкий женский голос вдруг стал стальным. Разумеется, никто из присутствующих не знал, что интонации госпожа магистр скопировала у наставницы.

— Первое вы уже знаете: я могу отказаться от лечения. Но есть и второе, куда более важное. Тот (или те), от которого я откажусь, должен быть переведен в другое помещение на расстояние не меньше полусотни шагов. Отдельно от всех прочих моих пациентов. И ему не будет разрешено приближаться к товарищам, как бы он ни просил. Вплоть до выздоровления, конечно. И третье: после лечения я пропишу полный покой в течение какого-то времени. Никому, кроме меня и вас, не будет позволено входить в это помещение. И еще кроме тех, кому я разрешу это. Как вам такое?

Как раз условия были почти понятны, и Пирогов наклонил лобастую голову в знак согласия.

— С разрешения Павла Степановича...

— Да, конечно. Идите и доказывайте, Мария Захаровна. Сдается мне, что ваши знания флоту весьма потребны будут-с.

Все посетители вышли.

— Николай Иванович, опишите, если не трудно, характер тех болезней или травм, что вы собираетесь мне предъявить как экзамен.

— Извольте, сударыня. Но позвольте для начала предложить вам место в пролетке... Так вот: заряд пороха загорелся, и четверо нижних чинов получили сильные ожоги. У одного выжжены глаза. Второй: кисть правой руки сгорела чуть не до костей. Я всерьез думаю об ампутации. Ну, а третий и четвертый — просто ожоги лица с обугливанием кожи, за недели четыре должны восстановиться. Шрамы, понятно, останутся.

— Мне надо смотреть.

Больничная палата была громадной: на двадцать кроватей. Некоторые пациенты спали, но бодрствующие, как один, повернули головы и уставились на молодую странно одетую барыню в компании не с кем-нибудь — самим Пироговым, а уж тот пользовался несомненным и заслуженным уважением.

— Надо полагать, те четверо?

— Совершенно верно.

Не увидеть повязку на глазах у матросика было трудно.

Женщина бросила короткий взгляд на странную серебряную плитку в руке. В ее голосе зазвучали приказные нотки.

— Перевести всех четверых в отдельное помещение. Они же могут ходить, верно?

— Добро. Прохор, отведите их в большую операционную. До послезавтра оперировать в ней никто не будет. Уж для осмотра сгодится.

У магистра магии жизни были причины для такого требования. Сигнализатор однозначно показал: в палате имеется хотя бы один негатор.

Двое пациентов повели под руки третьего — того самого, что с повязкой на глазах. Четвертый шел сам. Впереди шагал санитар. Через пять минут вся группа вошла в операционную. Госпожа снова глянула и удовлетворенно кивнула — сигнала не было.

— Не желаете ли вымыть руки, сударыня? — с елейной улыбочкой осведомился Пирогов. Уж он-то знал предрассудки относительно этого дела.

Похоже, заграничная докторша не уловила иронии.

— Неплохо, но не обязательно. Я не собираюсь касаться больного руками.

Руки были помыты, по мнению хирурга, недопустимо быстро. Но он промолчал.

— Садитесь.

— А больно не будет? — храбрец-матрос, не побоявшись вспыхнувшего картуза с порохом, несколько устранился непонятого доктора женского пола.

И вдруг совершенно неожиданно для всех присутствующих, кроме того, что с повязкой на глазах, женщина улыбнулась.

— Делать так, чтобы пациенту не было больно — часть моей работы.

Трое матросов переглянулись. Пирогов чуть поднял бровь.

— Итак, Николай Иванович, сейчас я... — тут женщина-врач замялась, с очевидностью подыскивая слова, — наведу на больного очень крепкий сон, поскольку мне нужна неподвижность...

— По-русски называется наркоз.

— Благодарю... теперь поглядим... ага... Николай Иванович, ну как же вы говорили "глаза выжгло"? Наружная оболочка сильно пострадала, верно; также... цветная оболочка...

— Радужная, с вашего позволения.

— Да, спасибо... но ведь хрусталик практически не затронут! И... задняя стенка... ну, вы понимаете... и нерв зрения целы полностью...

Пирогов уже не решился прерывать.

— Тут всего-то работы на... э-э-э... от получаса до целого часа. И еще хорошо бы подлечить ожоги лица. Лоток сюда!

Дальше на глазах потрясенного Пирогова страшная почерневшая роговица отпала; вместо нее начала нарастать нормальная. Иностранка то коротко задумывалась, то двигала в воздухе пальцами, то опять застывала. Потом вдруг обуглившаяся кожа превратилась в нормальную. Наконец, женщина разогнулась.

— Ну вот. Гляньте.

Глядеть было, собственно незачем. Бессмысленный взгляд, что и положено при наркозе, расширенные зрачки, но... полностью целые глаза. Как? Единственное слово, что приходило на ум Николаю Ивановичу, было "колдовство".

Тем временем женщина-врач стала раздавать команды:

— Наркоз продлится еще час. Потом пациент будет просто спать. Шести... нет, лучше восьми часов сна хватит на полное заживление. На это время, — и тут в голосе появилась

уже знакомая присутствующим стать, — никому к больному не подходить на расстояние ближе десяти сажен. Никому, кроме вас, Николай Иванович, меня, само собой, а также тех, кому я разрешу.

Пирогов наконец-то пришел в себя. И высказал то, что, по его мнению, было в тот момент главным:

— Марья Захаровна, голубушка, научите!

Женщина улыбнулась грустной улыбкой, совершенно не вязавшейся с молодым лицом.

— Николай Иванович, вы сами не знаете, о чем просите. Позже я расскажу вам подробно, в чем тут препятствия, но главное из них: я не знаю, есть ли у вас способности к этой науке. Не обижайтесь: у меня на родине едва ли один человек из полутысячи имеет такие. Хотя при вашем знании анатомии курс обучения занял бы совсем немного: лет пять, не больше. Ладно, оставим это на время. Унесите этого матроса на койку. Теперь займемся пострадавшей рукой...

Выражение лица матроса с перебинтованной рукой (он выбросил пылающий картуз за борт) сменилось: вместо страха в нем появилась надежда.

Пирогов вглядывался изо всех сил. Зрелище для любого, не связанного с медициной, было жутковатым.

Повязка была снята и полетела в услужливо подставленный таз. Туда же отправилась обугленная кожа, обнажив систему скрюченных связок, сухожилий и суставов. Врач, прищурившись, направляла то один палец, то другой на пораженные детали анатомии, и те на глазах заменялись новыми.

Пирогов совершенно потерял счет времени и очнулся лишь, когда прозвучал женский голос:

— Полный порядок. Теперь те же меры по недопущению посторонних. Повязку на кисть, дабы обеспечить ее неподвижность. После наркоза сон; на полное заживление понадобятся часов десять. Он может проснуться раньше времени — так пусть до срока кистью не шевелит. Теперь ожоги...

Прошел час. Еще двое пострадавших от огня мирно почивали в своих койках. А в кабинете Пирогова шел напряженный разговор.

— Марья Захаровна, дорогая, то, что вы сделали с глазами бедняги Федосеева — истинно чудо господне. Я и представить себе не мог. Да еще та рука... Христом-богом клянусь: хотел ее ампутировать. Ну, не в моих силах спасти такую... такое... короче, вы сами видели. Будь на то моя воля, сей же час принял бы вас на должность зауряд-лекаря, а то и кого поболее. Но есть к тому препятствие.

Магистр магии жизни умела держать себя в руках. Во всяком случае, в ее голосе звучало лишь вежливое любопытство:

— Какое же?

— Диплом, будь он неладен. Диплом об окончании европейского университета.

Мариэла не знала слова "диплом", но догадалась о его значении.

— Николай Иванович, как понимаю, мой диплом здесь недействителен?

Пирогов шумно вздохнул.

— Вы же из других пределов. Диплом, небось, не по-русски написан, да и ваш университет не знают.

— Но иметь частную практику мне не запрещается?

— А вот это можно, тут могу замолвить слово хоть и перед государем.

— Так вот вам ответ: буду лечить раненых за деньги (у кого есть) в любой день, кроме пятницы. В этот день — бесплатно. А также бесплатно будут лечиться те, на кого вы укажете. Имею в виду: особо важных пациентов. Просто больные из гражданских — тех не считаю. И за вами долг, Николай Иванович: вы обещали разрешить мне присутствовать на вашей операции.

— Ну, уж тут будьте благонадежны. А от вас я, в свою очередь, хотел бы знать: чего вы НЕ можете? Что вы можете — это я представляю.

Женщина наморщила лоб. Собеседник терпеливо ждал. Наконец, иностранка медленно заговорила:

— Одно ограничение вы уже знаете. Если пациент является источником... скажем, того, что заглушает мои способности, я совсем ничего не могу сделать. На такого я даже не наложу никакого конструкта. Второе ограничение: это я сама. Мои силы не беспредельны: если они исчерпаются прежде, чем я закончу работу, дело не будет сделано. К примеру, отрубленная голова: я свалюсь от истощения прежде, чем приживлю ее. Вот еще пример из практики: мою наставницу атаковали летящим с большой скоростью куском льда. Ее будущий муж принял на себя этот удар. Результат: полностью разорваны левое легкое, трахея и левый бронх, перебита аорта, сердце в куски, вылетело три позвонка, разорван пищевод, раздроблена грудина, лопатка, четыре ребра сломаны... ну, перелом четырех берцовых костей даже не считаю. Тяжелая контузия, само собой. На моей родине специалистов, способных вытащить такого пациента, я смогла бы пересчитать по пальцам одной руки...

Николай Иванович начал было считать по пальцам одной руки, сколько этих ранений оказались бы смертельными. Пальцев не хватило. Между тем госпожа магистр продолжала:

— ...а наставница не получила и царапины и смогла действовать. Это его и спасло. Но даже ей лечение досталось недешево: ее подруга, тоже доктор, спасала наставницу от истощения. Применительно к любому моему коллеге: истощение может наступить даже при простейшем лечении, если больных много.

— А чем вы лечите истощение?

— Здесь его некому лечить...

Мариэла чуть слукавила: Тифор мог бы оказать помощь.

— ...так что наилучшим способом является просто сон. Хотя бы часов шесть, а лучше — все восемь. Неплохо еще помогает порция вина.

Пирогов ухмыльнулся с изрядной долей цинизма:

— Такое лечение, Марья Захаровна, обойдется недорого.

— Ваша правда, Николай Иванович, но время! Пока я отсыпаюсь, может... сами знаете, что случиться.

Уж это опытный хирург знал превосходно.

— Отсюда же еще одно ограничение: если лечение сложное и длительное — восстановление костной ткани, к примеру — то оно требует моего регулярного внимания. Вам про зубы рассказывали?

Пирогов совершенно искренне удивился.

— Зубы? Какие зубы? Чьи зубы?

— Была тут у меня пациентка, она в свое время зубов лишилась, ну так я их восстановила. Это самый простой случай — имею в виду варианты работы с костью. Два сеанса — и полный порядок. И все же не одним разом... хочу сказать, моя работа

потребовалась дважды в течение двух суток.

Хирург про себя твердо решил, что непременно разузнает об этом более чем интересном случае через свои источники. Но оставались еще вопросы.

— Мария Захаровна, вы говорили, что и я мог бы научиться. Хотя бы кратенько опишите: как?

Лицо женщины-врача на секунду сделалось мрачным.

— Николай Иванович, не хотелось бы вас обижать, но... шансы очень-очень малы. Вы мужчина, поэтому один на тысячу, да и то сомневаюсь.

— И все же: как?

— Судите сами. Для начала надо проверить, есть ли у вас вообще способности к восприятию ма... — женщина запнулась, но вскоре нашла слово, — энергетических потоков. Допустим, что есть. В моих краях такой человек встречается один на сотню. Потом надо проверить, к чему у вас природная склонность. Если вы не имеете таланта к восприятию потоков человеческого тела...

Тут женщина остановилась и прищурилась.

— А ведь я недооценила вас. Поздравляю, доктор. Тут возможно соединение умений врача, а они у вас уже есть, и способностей, пусть даже скромных... очень интересное сочетание. Да, если способности вообще имеются, то они лишними в вашей профессии не будут. А та проверка, о которой я говорила — она из дешевых, ей честная цена один ваш рубль. Но есть очень серьезное препятствие. Крайне серьезное.

Глаза молодки из чужих краев приобрели хирургическую жесткость.

— Даже если природная склонность обнаружится, то она не может уцелеть здесь. Точнее, долго прожить не сможет. Одна лишь встреча с человеком, способным гасить их — и все.

Уж чем-чем, а замедленностью мышления хирург не страдал.

— Так ведь я наверняка уже встречался с такими личностями. Вблизи меня тысячи проходили: ученики, больные, коллеги...

— Совершенно верно, Николай Иванович, но эти способности (если они были), можно восстановить. Не навсегда, а лишь до встречи с еще одним... ну, вы понимаете.

— А сколько раз можно так чиниться?

— Да сколько хотите. Но чтобы сохранить способности надолго, нужна защита, такая же, какая есть у меня. И впридачу умение обращаться с... этой защитой. А это само по себе требует способностей, о которых я говорила. Да, задача интересная: приспособить чуждую специализацию к лечению...

На Пирогова снизошло божественное вдохновение:

— Мария Захаровна, а ведь решение этой задачи может стать темой вашей диссертации.

Эти слова оказались ударом страшной силы. Молодая женщина широко распахнула глаза, открыла рот, попыталась (безуспешно) хоть что-то сказать, потом с видимым усилием справилась с собой:

— Да, вы правы: может, — тут в глазах Мариэлы загорелся хорошо знакомый Пирогову исследовательский огонь, — а давайте, сразу же и проверим. У меня есть кое-что с собой.

С левой руки женщина-врач с истинно хирургической скоростью и ловкостью сняла со своей правой руки массивный серебряный браслет с крупным прозрачным камнем.

— Старайтесь сидеть неподвижно, Николай Иванович... на вашу руку не налезет, ну и не надо, — бормотала она, — на три пальца уж точно пойдет, а большего и не потребуется.

Ну-ка... он ведь накапливает... должен подействовать... давно же я этим не занималась... тут Тифора бы...

Мариэла произнесла несколько слов, но, судя по интонации, то были не заклинания, а ругательства. К такому Пирогов был готов.

Последовала пауза. Удивительное дело: хирург не смог оценить ее длительность, хотя обычно время он чувствовал превосходно.

Наконец, действие закончилось. Серые молодые глаза глянули прямо в лицо хирургу.

— Не порадую.

— Поясните, будьте так любезны.

— Есть у вас способности, Николай Иванович. Будь вы уроженец моего... то есть моей родины, я бы вас поздравила. Но...

— ...не к врачебной деятельности?

— Именно. Электричество — это да. Молниями швыряться, например...

Эти слова были приняты за шутку.

— ...а еще вода. Кстати, для врача очень даже неплохо. Справляться со скоплением воды в полостях... кровотечение остановить... многое можно тут сделать. Но учить я вас не буду. Пока что.

— Но почему?

— Так как же, Николай Иванович! Защита нужна. Пока я ее закажу, пока получу... Не вот после этого — да. Конечно, если у нас с вами будет на то время.

— Ох! Вы правы, голубушка, правы кругом. Да, я вот подумал, что и называть-то вас так не *comme il faut*⁶. А как? Госпожа учитель?

К некоторому удивлению собеседника, Мариэла задумалась, потом подняла голову.

— Когда мы с вами наедине — "наставница", а на людях — по имени и по отчеству. Мне кажется, так лучше.

— И опять ваша правда.

Двумя часами позже Пирогов напросился к Нахимову "на чай". Сказать правду, тот напиток был порядочно разбавлен добрым берлинским ромом. Отдать доктору должное: в его словах не проскальзывало ни капли зависти.

— Павел Степанович, верьте чести: глаза тому матросику выжгло! Клянусь крестом животворящим! А она их вылечила за... ну, и часу труда не положила. Как перед господом! И руку Белых спасла! Об ожогах и вовсе ни слова не говорю. Ну, тут бы я тоже... кхм... кое-что мог, но ведь после и шрамов никаких! Да тот, с глазами, проснется с такой чистой рожей — хоть сразу под венец! Эх, если бы такого лекаря да к нам на жалованье... И добавить обязан, что чванства в ней никакого. С правилами этикета не особо знакома, это верно, оттого и почтительности, может, не хватает, но слышали бы вы, как она отзывается о своей наставнице! Хотел бы я, чтобы мои ученики так всегда обо мне говорили.

А через день трудами княгини Мешковой отыскался именно такой дом, о котором думала Мариэла: окруженный садом с забором. От дома до дороги было не менее пятнадцать сажен.

Тем временем строительство шло полным ходом. Принимали участие все (за исключением Мариэлы), даже лейтенант Малах. Слабо разбираясь во флотских вопросах, он понимал дело в разведке и контрразведке. Поэтому за лейтенантом по молчаливому соглашению кораблестроителей оставалось принятие мер безопасности.

Слипа для спуска на воду пока не существовало, но стапель был, хотя и небольшой, на нем деловито трудились иностранцы, а лейтенант Семаков, втайне рассчитывавший на капитанскую должность, всеми силами вникал как в процесс, так и в принципы.

Надобно признать правды ради: надежды российского офицера были небеспочвенны. На мостик стотонного кораблика никто бы не поставил даже капитана второго ранга, а вот лейтенанту такая должность была вполне по размеру. Следует также отметить, что и мостика-то не было. Была рубка с довольно большими оконными проемами. Стекла для нее еще не было готовы, но их наличие смущало Семакова заранее.

— А ну как в бою эти стекла выбьет?

— Чем же?

— Да хоть ядром; скорее даже осколком, если противник применит бомбические ядра. Или пульей, — и тут же к случаю Семаков рассказал о судьбе адмирала Нельсона, который был убит как раз пульей, выпущенной безымянным вражеским снайпером.

Капитан Риммер задумался.

— Есть вариант... Съемные рамы — вместе со стеклами, конечно — и установка вместо них железных заслонок со смотровыми щелями. В походе заслонки будут откинута, ну а в бою, понятно...

— А железо-то выдержит?

— Пулю выдержит, а насчет ядра не скажу, тут проверять надо. Но согласитесь: лучше, чем ничего. Все же наилучшей защитой, Владимир Николаевич, будет уклонение от вражеских ядер. Думаю, что скорость позволит. Учтите также, что и маневренность у этого корабля будет отменной: вот, извольте глянуть, это в добавление к рулю...

"Добавление" выглядело соплами, направленными в сторону от продольной оси.

— Испытать бы их надо, Риммер Карлович.

Временами у стапелей появлялись лейтенант Мешков вкупе с хорунжим Неболтаем. Оба явно имели здесь личный интерес. Первый, видимо, рассчитывал на должность старшего артиллериста — не без оснований, следует признать. В чем интерес казака, никто не догадался.

Как ни странно, советы и флотского лейтенанта, и сухопутного казака иным разом оказывались полезными.

Приглядываясь к очертаниям кораблика, артиллерист вдруг заметил:

— Риммер Карлович, а гранатомет где вы закрепите?

Кораблестроитель снисходительно улыбнулся.

— Ну, до этого далеко: мы еще и палубу не начали делать. Хотя... я бы разместил здесь, — и кораблестроитель указал рукой на бак.

— А вопрос-то не прост, — и Мешков возвысил голос. — Владимир Николаевич! Тут

тактическая проблема.

Подошедший Семаков постарался не особо выказывать удивление. Он лишь вопросительно поднял бровь.

— Это к тому, где гранатомет расположить. Я бы его на юте разместил.

— Отчего так?

— А оттого, что единственное направление, куда нельзя стрелять, будет прямо по курсу, а тебе и не нужно. Даже если пустишься в атаку на контркурсах, и тогда гранатомет на юте будет при деле, а вот если будешь удирать, — последовало возмущенное фырканье Семакова, — тогда кормовая пальба — то, что надо.

Собеседники явно не прониклись, поэтому артиллерийский офицер пустился в объяснения.

— Тебе подставляться под ядра и бомбы не резон. Я вот гляжу на это железо — так в нем и полудюйма нет...

Князь имел в виду листы обшивки.

— ...сомневаюсь, что с пяти кабельтовых даже двенадцатифунтовое ядро сдержит. А вот представь: быстрое сближение, разворот и пяток гранат в борт или под форштевень — а? Что скажешь? Прежде, чем возьмут тебя на прицел. С таким корабликом, если он и вправду тридцать узлов даст — прямой расчет. Как тебе оно?

Тут в разговор вмешался Риммер.

— Господа, как мне кажется, то, что мы строим — все же не противник тем громадным пятимачтовикам, что я видел у вас в гавани. Особенно если учесть... кхм... обстоятельства, о которых вы знаете. В экипаже восемьсот человек! Но со скоростью, что закладывается, это будет превосходный разведчик. Ну, а гранатомет — средство для того, чтобы скорее отпугнуть, чем утопить.

Князь заметно поскущел. Ему-то виделись блистательные победы над многократно превосходящим противником.

В один из дней в кораблестроительные дела вдруг встрял казак.

— Риммер Карлович, а из чего палуба будет сделана?

— Да из железа.

— Такого, как вот это? — и указательный палец хорунжего ткнул в направлении листового металла.

— Из него самого.

— А ведь листы скользкими могут стать в сражении. Мало ли что... всплеск от ядра или, упаси Никола-морской, ранят кого. Может, лучше поверх железа простые доски настелить?

В разговор вмешался Семаков.

— Дельно сказано, Тихон Андропович. Да найдутся ли доски, вопрос? А если найдутся, то как скоро?

— И еще добавь, Владимир Николаевич: что делать, если все же не найдутся?

— Тут могу помочь, господа. И даже лишнего материала не потребуется. Листы палубного настила можно сделать... с такими выступами...

Ладони Риммера в поисках слова изобразили нечто волнообразное.

— Но только небольшой высоты — вот такой, не больше. А то у матросов обувь с тонкой подошвой, побьют ноги.

— Вот как хотите, господа, но деревянная палуба под ногами — оно привычнее.

— Так я и не против. Но с этим к интендантам идти — мне не по чину. Придется поклониться Феофан Христофоровичу.

Пока шла постройка корабля, маг жизни времени не теряла.

Мариэла вняла советам местных насчет нарядов, приличествующих почтенной даме, и попросила прислать ей через портал ее же платья через оставшуюся на Маэре прислугу. Единственный облом приключился с шляпками: таких фасонов, что были в моде здесь, в гардеробе у госпожи магистра просто не оказалось. Пришлось купить у местных шляпников — благо денег хватало. Но поток пациентов был не особо мощным: до марта их оказалось всего лишь одиннадцать человек. То ли цены отпугивали, то ли поддержки не хватило: княгиня Мешкова поддалась настойчивым просьбам мужа и уехала. А потом вылезла внеочередная задача.

Размышления Тифора вкупе с идеями казака привели к созданию плана.

— Понимаете, Тифор Ахметыч, кабы разговор был о продаже дувана — так есть тут один такой. Но он ведь цены завсегда дает такие, чтоб... короче, расчет на казака с добычей, которому абы получить хоть что-то, чтоб в шинке подали хлебного вина. А вам-то надо цену, которая... ну, чтоб хватило нужный вам камень купить.

Магистр задумался. Неболтай терпеливо молчал.

— Есть одна мысль, Тихон Андропович. Надо Мариэлу просить помочь. Она маг разума.

— Так что ж с того?

— А то, что она может своим искусством определить: врет человек или нет. Я правда, тоже это могу, но она вдобавок может узнать, что тот купец думает о нашем товаре.

Казак ухмыльнулся.

— Только никому нельзя говорить о таком, Тифор Ахметыч. Это ж здешние купцы будут шарахаться от Марьи Захаровны, как черт от заутрени.

Хорунжему пришлось тут же объяснить, что такое заутрени (о черте все иномирцы уже знали).

Тифор, в свою очередь, пояснил:

— У наших купцов такое не прошло бы, у них амулеты, а здесь возможно. Ну, если тот, о котором мы говорили, негатор — тогда никак, даже Мариэла не сможет... Так ведь здесь ювелиров, наверняка больше одного? Короче, через два дня, я так думаю, нам пришлют кристаллы на продажу. А если и не продадим, так сами используем.

— Это которые красные?

— Я думаю, что надо попробовать и красный, и синий.

— Тогда вот как надобно приниматься за дело...

Через три дня кристаллы, как и рассчитывал рыжий Тифор, прибыли. По мнению хорунжего, выглядели они отменно:

— Ишь ты, чуть не с мой большой палец! А каково смотрятся — ну подлинно самоцветы. Да чтоб мне в турецкую веру перекреститься, если мы не стрясем с того жида по двадцати рублей за камушек.

— Это примерно по четыре золотых? Маловато будет. Без прибыли не останемся, но... нет, нужно побольше. Кстати, кто такой жид?

Пришлось князю объяснить. Хорунжий порядочно добавил к объяснениям, а заодно

пояснил, почему он их не любит. Впрочем, он сделал небольшую оговорку:

— Ну, оно, конечно, жида разные бывают. Да вот вам: самолучший сапожник из всех, каких я знавал, как раз жидовской веры. Эти самые сапоги от него — тут казак легонько притопнул. — Берет недешево, но и работа не хуже любой немецкой, а то и лучше. Старого Иегуду никто не обижал. Да что я: сам войсковой старшина у него заказал! Да, еще хочу с вами идти в эту лавочку.

Казак ао пытались отговорить от участия.

— Тихон, да куда тебе переговоры вести! Напугать купчишку — это да, ты можешь, так ведь нам не это нужно.

— Я же не сам-один, а с вами поеду.

— Но зачем?

— Охраною, вот зачем. Пистоль при мне, — и Неболтай нежно погладил кобуру с иномирским пистолетом. — А что до гутарить — так я и помолчать умею, уж ты не сомневайся.

Казак так и не сознался в своих тайных целях. Между тем они существовали. Ему до смерти было интересно поглядеть на действия мага разума.

По обсуждении сговорились на походе к ювелиру вчетвером.

Первым (и вроде как главным) был князь Мешков: он был знаком с ювелиром. Именно у него Михаил Григорьевич в свое время купил украшения для супруги.

Второй была Мариэла. Ее аргументация была столь же проста, сколь и убедительна:

— Если только ювелир и его люди в магазине не негаторы — берусь немедленно проверять их слова на правдивость, а еще могу кое-чего из мыслей прочесть.

Возражений не нашлось.

Задача третьего (Тифора) была простой: он лучше всех разбирался в кристаллах и, будучи универсалом, мог прогнать достаточно быстро потоки от магии любого вида.

Четвертым оказался Неболтай, с которого чуть ли не взяли клятву вести себя тихо и вообще не говорить ни единого слова — в соответствии с фамилией.

По размеру помещения трудно было подобрать точное название. Побольше лавки, поменьше магазина. По виду его никто не взялся бы угадать, чем здесь торгуют. Товара в пределах видимости не было. Зато были люди: сам владелец Моисей Соломонович Макаров (настоящая фамилия была Магар, но ушлый ювелир ее русифицировал), его племянник лет двадцати в качестве охранника и один совершенно неизвестный пожилой темноглазый человек — правоверный еврей, судя по черному одеянию, шляпе и пейсам. Последние двое поклонились вошедшим и продолжили старательно изображать полное безразличие к миру.

По мнению казака, которое он, держа слово, не высказал вслух, молодой охранник не стоил внимания. А вот пожилой... тот был пока что непонятен.

При входе Тифор бросил взгляд на серебряную пластинку в своей ладони и кивнул.

Как и положено, хозяин поздоровался первым:

— Доброго здоровья, ваше сиятельство. Чего изволите купить? Для дамы имек привлекательные вещицы...

Ювелир говорил по-русски почти чисто, ибо достаточно долго занимался своим делом.

— Нет, Моисей, на этот раз мы сначала продаем, а уж потом покупаем.

На лице хозяина изобразился умеренный интерес.

— Вот, посмотри на эти камни.

С первого взгляда синий камень можно было принять за сапфир, а красный — за лал.

Но опытный ювелир привык не доверять первому впечатлению. Поэтому хозяйская рука извлекла из шкафчика лупу в оправе из желтой меди, и камни подверглись самому тщательному изучению.

Наконец, владелец торгового заведения поднял голову.

— Сожалею, но это цветное стекло — правда, с очень хорошей огранкой. Куплю по пяти рублей за штуку.

Хорунжий не сказал ни слова на это заявление, лишь самую малость приподнял брови. Тифор сохранил полную невозмутимость. Князь стрельнул глазами в сторону молодой дамы. Та чуть опустила ресницы. Вариант действий был обговорен заранее.

— Да, забыл совсем: это наш охранник; это Тифор Ахметович, наш специалист по камням, а эта дама — врач, ее зовут Марья Захаровна. Эти двое — из далеких краев.

Отчетливый акцент сразу же подтвердил иностранное происхождение, пусть даже с русским именем и отчеством. В голосе молодой женщины звучали железные интонации:

— Князь Мешков не вполне точно указал мою специальность. Я не только врач, но и умею отличать правду от лжи, а также — в некоторой степени — читать мысли. На этот раз, Моисей Соломонович...

В голове у ювелира зазвенел колокольчик тревоги. Он не помнил, чтобы когда-либо сообщал кому-то из этой троицы имя отца или свое отчество. Да им и в голову не пришло бы так звать скромного еврея — ну разве что иностранке...

Неболтай и не подумал глядеть на хозяина. Все его внимание было направлено на загадочного пожилого жида. Его взгляд отражал... Любопытство? Тревогу? Страх? Нет, не то. Но уж глядел он внимательно, не отрываясь, и как раз на Марью Захаровну.

— ...вы соврали насчет нашего товара, заведомо зная, что это НЕ стекло. Но вы не смогли распознать род камней. Не удивлена: они пришли из редкого источника, нигде вы подобных не встретите. Вот почему я призываю вас подумать хорошенько, прежде чем высказать свое суждение второй раз.

Тревожный звоночек уже звучал пожарным набатом (ювелир слышал один раз такой в русской деревне).

И тут неожиданно для всех, кроме хорунжего, вмешался пожилой посетитель лавки. Черные глаза коротко глянули на хозяина, а ладонь сделала короткий останавливающий жест. Ювелир проглотил фразу, что была уже на языке. Акцент у незнакомца совсем не чувствовался; еврейское происхождение выдавали разве что интонации.

— Извините за вмешательство, дама и господа. Меня зовут Давид, сын Исаака, я раввин. Моисей, если ты не можешь распознать камни, из этого не следует, что они не имеют цены.

Ювелир попытался защищаться.

— Дама и господа, но эти неизвестные камни и вправду похожи на стекло. Правда, очень высокого качества, да и полировка хороша. Даю по восьми рублей.

Женщина ответила, не задумываясь:

— Похожи, да не совсем. У вас найдется кусок НАСТОЯЩЕГО стекла?

Хозяин без разговоров принес небольшой обломок оконного стекла.

— Вот, — красный камень оставил заметную царапину, — и у синего та же твердость. То есть не стекло.

Тут таинственная посетительница повернулась к раввину.

— Кстати: как желаете, чтобы я к вам обращалась, уважаемый?

Назвавший себя раввином благожелательно улыбнулся. Что пряталось за улыбкой,

никто не узнал.

— Зовите меня ребе Давид.

Ювелир суетливо стал проверять камни на твердость. Из ящичков извлекались какие-то совершенно неизвестные присутствующим кристаллы, оглядывались, процарапывались. Наконец, Моисей нерешительно произнес:

— Очень похоже на горный хрусталь, но таких цветов я в жизни не встречал...

И снова подала голос дама с железным голосом:

— Вот на этот раз чистая правда. Вы, разумеется, не могли встречать таких цветов, я это уже говорила. Сейчас вы думаете, удастся ли эти камни продать.

Казак продолжал молчать, но перехватил выразительный взгляд раввина, направленный на единоверца. Тот все еще думал. И пожилой в очередной раз вмешался.

— Мне кажется, их можно продать в Стамбуле.

Владелец магазина изумленно поднял брови, но противоречить не решился. Давид выплюнул несколько фраз на чужом языке. Полностью их не понял никто, кроме евреев; а князь Мешков сразу распознал швабский диалект ⁷ — его он научился немного понимать, общаясь с уроженцами Вюртемберга в Петербурге.

Ребе Давид немедленно перевел сказанное на русский:

— Дама и господа, я сказал, что при продаже этих камней можно воспользоваться связями наших соплеменников в Стамбуле. Но по моему скромному мнению, не стоит продавать именно эти камни немедленно. Если у вас есть возможность достать другие, поменьше, скажем, вот такие... — раввин отмерил полногтя своего мизинца, — то их переслать в Стамбул. Они пошли бы на серьги. А уж по продаже сказать покупателю: дескать, есть возможность достать нечто большее, что пошло бы на подвеску. За изрядную цену.

Женщина почему-то кивнула. Все четверо прищельцев переглянулись. Первым отреагировал лейтенант Мешков. Его голос был насквозь пропитан официальнойностью.

— Стамбул — столица Турции...

С очевидностью сказано было для сведения иностранцев, поскольку все прочие это и так знали.

— ...а Российская империя находится в состоянии войны с турецким султаном. Сделка представляется мне рискованной. И к тому же это будет торговля с врагом.

В темных глазах раввина князю почудилась чуть заметная улыбка, хотя тон ответа был вежливым, даже почтительным.

— Ваше сиятельство, осмелюсь напомнить, что эта дама и этот господин, — поклон в сторону иноземцев, — не являются, насколько мне известно, подданными российского императора. Что до вашего опасения: да, за риск придется уплатить. Вы получите не более половины той цены, которую дадут в Стамбуле.

Далее последовало короткое совещание Мариэлы и Тифора на неизвестном языке. Разумеется, евреи не поняли ни слова, а русские промолчали. Но достаточно скоро те снова перешли на понятный язык.

— Мы можем передать камни меньшего размера (они у нас есть) под залог.

Довольно быстро сговорились, что нужную расписку ювелир берет на себя, а точную сумму залога определяют, когда доставят камни.

Тут заговорил второй иностранец. Его акцент был таким же — и столь же незнакомым.

— Но это не все. Мы хотим купить необработанный алмаз. Имею в виду, без огранки.

Вот такого размера, — и говоривший показал, какого именно.

Ювелир явно очутился в замешательстве.

— Но, дама и господа, у меня такого просто нет. Я вообще не торгую неограненными алмазами.

Еще один кивок женщины. Она же и ответила:

— Да, мы так и полагали. Но в Стамбуле они могут найтись, не правда ли?

Хозяин магазина на мгновение прикрыл глаза, потом снова их открыл.

— Да, сударыня, вы правы. Могут.

Сговорились, что через три дня камни для посылки в Стамбул будут предъявлены.

На прощание двое иностранцев сделали еще одну поразительную для евреев вещь: мужчина поклонился, а женщина попрощалась словами:

— До свидания. Было очень приятно познакомиться с вами, ребе Давид.

— Мое глубокое почтение, сударыня.

Уже после ухода посетителей в лавке состоялся интересный диалог.

— Ребе Давид, что вы нашли такого в этих гоях, что достойно уважения?

— К сожалению, Моисей, прожитые годы не принесли тебе ума. Ты так и не понял, насколько эти люди опасны. Особенно это относится к женщине. Русские называют таких ведьмами, но эта много сильнее тех, о которых мне рассказывали. И знаешь, чем она еще отличается? Если ты ее не обманешь, то и она тебя не обманет. Свою прибыль ты с этой сделки получишь, но да сохранит тебя бог Авраамов от мысли содрать с этих людей побольше. Я тебя предупредил, Моисей, дальше думай сам.

За порогом ювелирного заведения состоялся похожий разговор.

— Марья Захаровна, а что вы этак с уважением к раввину?

Отвечено было не сразу. И князь, и рыжий маг даже не попытались скрыть интерес.

— Понимаете ли, Тихон Андропович, этот Давид, сын Исаака — не маг. И не может им быть — сами знаете, почему. Но он разбирается в мыслях других людей... почти так же, как я сама. Повторяю: без магии! Такое нельзя не уважать.

Слова были услышаны и накрепко упакованы в память.

Через несколько дней четыре небольших камня были отданы Давиду, сыну Исаака, под залог в двести сорок рублей. А раввин пошел договариваться об отправке небольшой посылки в Стамбул.

Тем временем железный корабль приобретал очертания. Собственно, корпус был уже готов. Риммер Карлович не скупился на объяснения:

— Вот посмотрите, Владимир Николаевич, здесь пройдут трубы, подающие воду для двигателей, а параллельно им... вот, на чертеже они показаны... трубы к помпам. Заметьте, помпа не одна. Размещаться они будут здесь, здесь и здесь. Что до вертикальных, то здесь те, которые создадут тягу...

— О, понимаю, приподнимать нос... forçage...

— ...и не забудьте плиту для готовки...

— Для камбуза, вы хотите сказать? Но помилуйте, зачем?

— Ну как же, а если дальнейшее плавание?

— Все походы будут ограничиваться Черным морем. Вы же видели карты?

— Все так, но что, если ждуть в засаде? У нас, правда, такого не бывало, но ваша обстановка другая...

— ...я бы рекомендовал наши компас и хронометр, они как-то привычнее...

Наступил теплая крымская весна. В середине марта Англия и Франция объявили войну России. А двадцать пятого корабль был спущен на воду.

Конечно же, сам корабль, покачивающийся возле самодельного пирса (только магия земли, как легко понять) отнюдь не означал его готовности. Оставалось полно отделочных и дополнительных работ, уж не говоря о главной: установке и юстировке кристаллодвижителей. Неожиданный затык вызвала необходимость установки замка на двери в капитанскую каюту. Заказчики настаивали, чтобы замок был здешней работы, но установить петли на металлическую дверь — а других не было — оказалось непростым делом. Врезных же замков в распоряжении не было. В конце концов петли просто подсоединили сваркой.

И уж совсем неожиданным вышел жаркий спор среди морских лейтенантов и сухопутного казака о названии. Правда, с самого начала сошлись на том, что за такой малостью (кораблик получился водоизмещением сто пять британских тонн⁸) беспокоить адмирала Нахимова не стоит. Но сразу же после этого пошла потоком разногласия.

Первым делом отвергли наименование в честь святых — Мешков резонно указал, что это будет не слишком понятно иноземцам. И тут же предложил "Быстрый" или "Стремительный".

— Скорость-то у нас какая будет? А? Вот пусть название и означает...

На этот раз воспротивился Семаков.

— Слишком уж намекает на боевые характеристики. Могут задуматься те, кому не надо.

— А вот еще...

Неболтай довольно долго слушал препирательства, а когда спор утих сам собой за неимением устраивающих всех вариантов, вдруг предложил:

— Что, если "Морской дракон"?

— Откуда взял такое?

— А водится тут рыбка, сама из себя маленькая, а ядовита сверх меры. Как уколешься о плавник — так света не взвидишь. И выходит, значит, что мы, дескать, малы, да удалы; опять же в честь нашего Горыныча.

На том и сошлись.

Лейтенант Семаков был утвержден "на мостик", и с этого момента занялся исключительно подбором экипажа. С одной стороны дело осложнялось тем, что хороших матросов и кондукторов никто из командиров отдавать не хотел, а с другой оно упрощалось тем, что не имелось потребности в большом количестве палубных матросов (кораблик совершенно не имел парусного вооружения), не надобны были и артиллеристы, привыкшие обращаться с обычными орудиями. Зато нужны были нижние чины, умеющие работать с металлом — а ну как течь откроется? — и подносчики гранат, само собой. Старшим артиллеристом вызвался стать лейтенант Мешков. Со стороны это могло показаться понижением в должности: вместо десятка орудий он получил в распоряжение всего одно. Сам лейтенант так не думал. В довесок он получил должность старшего офицера.

В качестве второго помощника Нахимов выделил мичмана Шёберга. Надобно заметить, что по фамилии тот легко мог быть принят за немца. Большинство и впадало в это заблуждение, на самом же деле он происходил из южной Швеции. Видимо, при назначении были приняты наивысшие оценки по тактике, полученные гардемаринном Шёбергом в Корпусе, хотя этого офицера по причине его могучей фигуры скорее можно было принять за превосходного абордажника.

Ходовые испытания шли не столь гладко, как того хотелось бы морякам. Скорость была ошеломляющей (четырнадцать узлов по ручному лагу), но при этом появлялась заметная дрожь корпуса.

— Не годится, — авторитетно рассудил Риммер, — на точности огня может сказаться. Тут регулировать водяные трубы надобно...

Это и делалось. Одновременно капитан Семаков и будущие вахтенные офицеры изучали систему управления "Морским драконом", которая ничем не напоминала таковую для любого парохода, даже винтового. Штурвал был невелик. Это еще бы ничего, но управление решительно всеми двигателями заключалось в совокупности рычажков. Все находилось в руках вахтенного; это создавало удобства. С другой стороны, как правильно заметил капитан Риммер, в горячке боя можно с легкостью перепутать эти рычажки, что грозило серьезными последствиями. По этой причине всех троих гоняли, "как в Морском корпусе". По крайней мере, так учебный процесс описал мичман Шёберг.

К концу мая от вибрации удалось избавиться. Предстояли сдаточные испытания.

А в это самое время на Маэре дела шли своим путем. Вернулась экспедиция, ушедшая за алмазами. По прежним меркам — с большой удачей, в сундучке оказалась чуть ли не сотня алмазов разной величины (правда, там были и откровенно крошечные, едва ли три десятых дюйма в поперечнике). Но не было того, что мог бы выручить застрявших в чужом мире путешественников. Точнее, размером один из найденных камней подходил, но дефектов в нем было недопустимо много. Сообщение об этом ушло. Также сообщалось, что до следующего года экспедиции не будет.

В ответном письме содержалась просьба о рубинах и сапфирах. Тут Сарату было о чем задуматься.

Теоретические основы выращивания корундов в свое время изложил сам Профес. Но сам высокопочтенный отлично знал, что повышение температуры расплава само по себе создает то, что называлось "инженерными проблемами": система крепления требовала только платиновой подвески, да притом немалой толщины (или попробовать поддерживать кристалл телемагией), да еще повышенный расход кристаллов на нагрев... короче, продукция выходила порядочно дороже. И команда принялась считать.

К сдаточным испытаниям лейтенант Семаков готовился вдумчиво. Он запланировал идти не только полным экипажем — и загрузка предполагалась соответствующей; при этом вес пресной воды, провизии и частично боезапаса компенсировали дополнительным балластом.

Но это было не все: по согласованию с офицерами экипажа и с Нахимовым результаты испытаний должны были слегка дезинформировать противника. Семаков опасался и чрезмерно разговорчивых людей в окружении Нахимова, и просто болтовни нижних чинов в кабаках — и потому капитан Риммер также получил соответствующую просьбу.

Единственным, кто остался откровенно недовольным испытаниями еще до их начала, был дракон. Причина была простой: хотя Таррот даже не скрывал гордости за название, но был сильно уязвлен просьбой даже не пытаться следить за этим процессом — при том, что ему наглядно и убедительно объяснили всю нежелательность появления дракона на широкой публике.

Адъютант Нахимова Острено также предполагался наблюдателем на борту. Насчет него Семаков долго думал, но потом решил, что всеми силами надо будет попытаться и его дезинформировать, но лишь по возможности (считать Феофан Христофорович умел не хуже любого другого офицера Российского императорского флота). На это требовалось согласие самого Павла Степановича, которое было получено ценой долгих и проникновенных уговоров. Нижние чины получили строгое предупреждение насчет болтовни, но тут Семаков не обольщался: шансов удержать секреты от раскрытия по пьяной лавочке не существовало. Значит, непосвященные просто должны знать как можно меньше.

"Морской дракон" привлекал немалое внимание первыми выходами в море; потом к ним привыкли. Но выход на сдаточные испытания не мог не вызвать некоторого любопытства — у одних бескорыстного, у других вполне меркантильного. Новый корабль непривычного вида не мог не привлечь внимание чужих разведслужб.

Стоя в рубке (а именно там столпились все присутствующие офицеры), Семаков выглядел каменно-спокойным. Отчасти и его внутреннее состояние было таким же: по результатам прежних испытаний он твердо знал, что уж двадцать узлов корабль выжмет. Но хотелось, разумеется, большего.

Управление уже стало привычным: штурвал, небольшие рычаги, которые Риммер почему-то называл "секторами газа", указатели тяги двигателей, небольшие рычажки, включающие дополнительные двигатели. Движки-поворотники обеспечивали "Морскому дракону" неслыханную управляемость при любой скорости. Большим циферблатом красовался иноземный механический лаг. Его уже отградуировали почти на всю шкалу, не хватало лишь отметки самого полного хода. Острено глядел во все глаза: для него-то это было полной новинкой.

— Пора разгоняться, Владимир Николаевич, — не по-баварски хладнокровно произнес капитан-кораблестроитель.

— Вы правы, Риммер Карлович, пора.

Еле слышный гул водометных сопел стал громче.

— Всем на палубе: держаться за леера!

Старший унтер-офицер Кроев (обрусевший потомок голландца Кройфа, осевшего в России еще при Петре Великом), исполнявший на "Морском драконе" обязанности боцмана, продублировал команду, несколько расширив ее в матерном направлении.

— Включаю режим глиссирования!

Весь экипаж ощутил, как нос корабля вздыбился — не особо круто, но вполне заметно. Рев движков стал менее низким, но все еще не был чрезмерно громким. Волны хлестко били по скуле. Корпус ощутимо подрагивал.

Лейтенант Мешков быстро вышел на палубу и меньше, чем через минуту вернулся.

— Владимир Николаевич, трясет изрядно. Меткую пальбу в таких условиях не обещаю.

Риммер коротко глянул на коллегу. Тот понял:

— Даю гладкую воду!

И один из рычажков был сдвинут.

— Михаил Григорьевич, оцените, каковы теперь условия для артиллерийского огня.

— Владимир Николаевич, я бы тоже хотел взглянуть.

Капитан Семаков с трудом удержался от радостной улыбки.

— Да ради бога, Феофан Христофорович. Тем более, вы ведь в этом деле понимаете.

На самом деле Острено не был артиллеристом, но эта грубая лесть подействовала.

На засечку времени был отправлен сигнальщик с хронометром.

— Одна минута тридцать пять секунд, ваше благородие.

В гимназии хорошо учили считать, а в Морском корпусе это умение отшлифовали. Командир мгновенно прикинул скорость, но назвал меньшую цифру; это случилось как раз в момент возвращения старшего артиллериста и адъютанта адмирала Нахимова:

— Двадцать один узел с половиной. А ведь неплохо.

Риммер метнул короткий взгляд на Семакова, но промолчал, поскольку был в курсе начальственной задумки.

Все прочие мысленно не согласились с командиром, а Острено высказал то же самое вслух.

— Если этакое посчитать за "неплохо", что же тогда "отлично"? Ведь от самого быстроходного противника уйдем без труда. А, Владимир Николаевич?

— Тут еще это средство смягчать волнение, не забудьте. Мечта артиллериста, parole d'honneur⁹. Риммер Карлович, эта штука с любой волной справится?

— Тут не скажу, это к специалистам надо, но, помню, попали мы как-то в шторм, так-то нас повалило бы изрядно, а мы прошли насквозь, как по...

Несколько мгновений иностранный специалист подыскивал поэтическое сравнение и нашел его:

— ...короче, можно было бы поставить на палубу стол, на него стакан, налить доверху вина — и не расплескалось бы. Вот как!

Этот высокохудожественный пассаж произвел сильное впечатление на всех, а особенно на нижних чинов, которые притворялись сильно занятыми своими делами, но между тем слушали внимательно.

Немец состроил озабоченное лицо:

— Владимир Николаевич, с вашего позволения, я спущусь в трюм, хочу посмотреть

состояние движков.

— Разумеется, Риммер Карлович, вы знаток, вам и карты в руки.

Игральные карты в мире пришельцев не существовали, поэтому Семаков был понят не совсем правильно. Риммер посчитал эту реплику относящейся к штурманскому делу. Тем не менее, иностранный капитан нырнул в люк и через минуты три вынырнул с еще более озабоченной миной:

— Владимир Николаевич, прикажите сбавить ход. Греются они. Сейчас-то ничего, а вот минут через десять-пятнадцать...

— Вы хотите сказать, Риммер Карлович, что самый полный ход недостижим на долгое время?

— К сожалению, это так, Феофан Христофорович, за десять минут работы совершенно уверен; полчаса... ну, тут тоже, наверное, возможно, а вот час самого полного хода не советовал бы. Перегрев, сами понимаете...

Последовала многозначительная пауза, а за ней резонный вопрос:

— Что-то можно с этим делать?

— Специалист нужен, Владимир Николаевич. А то и ваши что присоветуют.

Острено поднял бровь:

— Господа, ведь можно охлаждать...

— Но только не водой, Феофан Христофорович, Тифор меня предупреждал. Испортим движки.

— Тогда уксусом. Мне дед рассказывал, при государыне Екатерине так орудия охлаждали...

— Вот уж не знаю. Опять же к Тифору Ахметовичу.

Протокол был составлен по всем правилам. Вечером Семакова принял сам Нахимов. Разумеется, перед тем начальство получило подробные сведения от адъютанта.

— Ваше превосходительство, разрешите представить протокол ходовых испытаний... предельная скорость двадцать один узел с половиной... замечание по поводу перегрева двигателей при длительной работе... еще гашение волнения...

В кабинете из посторонних было двое адъютантов. В конце доклада оба были выставлены из комнаты под благовидными предлогами.

— Владимир Николаевич, не томите: сколько там *на самом деле*?

— Тридцать восемь узлов, Павел Степанович, — тихим голосом, как будто боясь спугнуть удачу, отвечал Семаков, — и, осмелюсь доложить, двигатели не греются.

— Завтра подъем флага, лейтенант. С отцом Александром уж оговорено, с утра доставят икону. Флаг вручит капитан первого ранга Ергомышев. Вы его знаете?

— Лично не знаком, Павел Степанович, но слышал, что в Синопском сражении отличился. Однако тут есть деликатное дело...

Семаков рассудил, что дальше Нахимова держать в неведении относительно негаторского эффекта нельзя. И был прав.

— ...двигатели корабля, равно некоторые приборы, а также и гранатомет подвержены дурному влиянию от некоторых людей... тут чисто натуральные особенности... наши гости таких называют словом "негатор"...

Вице-адмирал внимательно выслушал и начал задавать вопросы:

— А как же с командой?

— Так ведь, Павел Степанович, всех до единого проверяли. Лично капитан Риммер. Не было негаторов. Но просто так на борт никого пускать нельзя.

Нахимов чуть задумался.

— А ведь говорилось, что пистолет и ружье иноземные защищены, не так ли-с?

— Все верно, и хорунжий Неболтай за эту защиту, к примеру, добавил сверх цены: десять целковых золотом за пистолет и столько же за ружье.

— Так нельзя ли оную защиту для всего вами названного приспособить?

— Можно, наверное, но за дополнительные деньги. И даже не знаю, сколько спросят.

— Так разузайте. Думается, что оно того стоит: не нужно будет беспокоиться, когда любой со стороны просто подойдет к причалу-с.

Семаков рассудил, что установить защиту за оставшееся время совершенно невозможно, и помчался к Ергомышеву за мелкими указаниями. Тот, несмотря на опытность, купился, приписав эти хлопоты волнению юного и неопытного командира перед подъемом флага. На деле же Семаков потихоньку проверил капитана первого ранга на негацию. По счастью, эта напасть миновала. От него Семаков забежал к Тифору, попросив об оценке возможности и стоимости защиты всех двигателей, а заодно и других важных кристаллов на корабле.

Рыжий магистр уверил, что нужные алмазы наверняка могут найтись среди тех, что привезли из последней экспедиции, но даже он не знал наверное, сколько времени понадобится для огранки. Стоимость он тоже представлял смутно.

В день подъема флага вся команда оделась в обмундирование первого срока и находилась в полной готовности задолго до события. Больше всех волновался (хотя и не показывал этого) мичман Шёберг: именно он отвечал за построение. Иноземцы скромно стояли на причале в сторонке.

Но все шло должным образом. Икона была доставлена в срок; вручал ее лично протопоп Михайловской церкви отец Александр. Корабль был освящен по всем правилам. Капитан первого ранга Ергомышев громко зачитал приказ о вступлении корабля в строй и вручил Семакову небольшой (по размеру "Морского дракона") Андреевский флаг.

Лейтенант Семаков на вытянутых руках пронес флаг вдоль строя и закрепил его на гафеле. Последовала ожидаемая команда Ергомышева:

— Военно-морской флаг, гюйс, стеньговые флаги и флаги расцвечивания поднять!

Командир "Морского дракона" продублировал приказ и лично поднял Андреевский флаг. Грянуло протяжное "Ура!" Офицеры взяли под козырек. Все положенные флаги взвились в полном соответствии с уставом.

Официальная церемония закончилась. Капитан Ергомышев уехал на пролетке, еще раз поздравив всех офицеров. И тут последовало неофициальное продолжение.

По сходням почти что пробежал Риммер Карлович. Его целью был командир "Дракона". Начал он с учтивого:

— Владимир Николаевич, я вас поздравляю с вступлением в командование настоящим боевым судном.

На эту тираду Семаков самую малость поморщился: во флотском лексиконе слова "боевое судно" являли собой оксюморон. Только сочетание "боевой корабль" имело право на существование. Но замечания на этот счет он делать не стал. Тем временем несколько взволнованный германец продолжал:

— Откуда взялся этот флаг?

Проходивший рядом мичман Шёберг чуть не споткнулся от этой фразы. Взяв себя в

руки, он прикинулся, что ничего не слышал, и продолжил движение. Нижние чины, сновавшие неподалеку, также изобразили спинами полную глухоту.

Отдать должное Семакову: работа на разведку научила его думать и анализировать. Правда, первым его побуждением был бесхитростный ответ: мол, это официальный флаг Российского императорского флота, но по прошествии не более секунды вариант был отвергнут. Вместо этого лейтенант спросил:

— Я вижу, флаг вам знаком, Риммер Карлович?

Кораблестроитель задержался с ответом, потом произнес:

— Профес приказал держать именно этот флаг на всех наших кораблях.

— И на вашем тоже?

— Да.

Обдумывать значение сказанного было некогда, поэтому Семаков кратко объяснил происхождение Андреевского флага. Риммер кивнул.

Сразу же после принятия в состав Российского императорского флота "Морской дракон" получил приказ готовиться к разведывательному походу. Семаков и другие офицеры носились по порту, обеспечивая снабжение. Это не могли не заметить.

День был теплым для начала апреля. Почти полный штиль дополнял идиллию. Но та была нарушена, когда капитана изловил неугомонный хорунжий.

— Владимир Николаевич, судя по тому, что грузят на подводы, "Дракону" предстоит плавание?

— Бога ради, Тихон Андропович, побыстрее излагай дело. У меня хлопот — сам понимаешь, сколько.

— Владимир Николаевич, дозвожь с вами!

Первое, что сделал на это заявление-просьбу Семаков: усомнился в здравости рассудка хорунжего. Второй мыслью было: "А что сухопутный казак собрался разведывать?" Наконец, моряк предпринял самый здравый ход:

— Тихон Андропович, на какого лешего тебе это надо? Это все ж боевой корабль!

— Вот как попу на исповеди: нутром чувствую, что с победой вернемся, и хабар можно достать.

— Да всеми святыми поклянусь, разведка нам приказана, и только! Крест на том готов целовать!

— А я и не говорю ничего такого. Да только, не в обиду будь сказано вашим офицерам, и матросам тоже: я-то наострился стрелять из иноземного ружья куда получше. Авось да пригодится. Есаул Вернигора знает и согласен.

Но не один лишь Неболтай напросился на участие в походе. Как-то получилось, что желающих оказалось намного больше, чем предполагал Семаков.

В разгар дел по подготовке посыльный принес записочку от Тифора, в которой содержалась просьба о встрече "по известному вам адресу". Записка была начертана таким некрасивым почерком и содержала столько ошибок, что посчитать ее подложной не решился бы ни один контрразведчик. Что до "известного адреса" — это был тот дом, что удалось снять иностранцам (кроме дракона, конечно).

По прибытии к пришельцам командир корабля столкнулся — нет, не с ультиматумом, а с крайне настойчивыми просьбами.

Капитан Риммер резонно указывал, что его присутствие на "Драконе" необходимо хотя бы в силу того, что только он, Риммер, в полной мере представляет собой все возможности

этого корабля и, не претендуя на командование в бою, берется дать ценные советы. Равно присутствие кораблестроителя позволит вовремя выявить недостатки конструкции, буде таковые найдутся.

Магистр Тифор, со своей стороны, сделал упор на то, что если (не дай Пресветлые) потребуется некое нестандартное (не боевое, конечно) заклинание, он готов оказать помощь. Вот тут командир потребовал уточнений:

— Тифор Ахметович, а чем вы можете посодействовать?

— Да хоть повреждение исправить. Я ведь умею форму железу придать — да вы сами видели. Опять же водные потоки...

Госпожа Мариэла с легкой снисходительностью отметила, что пускаться в бой, не имея под рукой возможности получить квалифицированную медицинскую помощь, по меньшей мере, неразумно.

В разгаре выступлений вдруг прозвучал вызов по связи. Дракон Таррот напомнил, что он, умея летать, может оказать огромную помощь товарищами разведкой с большой высоты, на которой никто из землян его и не разглядит. А вступать в бой он, Таррот, разумеется, не предполагает.

Лейтенант Малах с полным на то основанием напомнил, что именно он отвечает за всех членов экспедиции Маэры и как командор обязан быть там же, где они.

Командир "Морского дракона" отдал справедливость, обдумал все тщательно. В конце концов он рассудил, что разведывательная помощь дракона без сомнения, полезна. Также на борт корабля были допущены капитан Риммер, магистр Тифор и госпожа Мариэла. Что до командора Малаха, то ему было отказано. Не последней причиной тому послужил явный недостаток места на "Морском драконе".

— Ладно! Таррот Гарринович, вы меня слышите? Нам понадобится встретиться, чтобы обсудить в деталях ваше участие. Вы, Мариэла Захаровна, если прикажу, спрячетесь в трюме и носу на палубу не кажете!

— А как же, если раненые...

— А если кого ранят, то к вам принесут.

— Тогда, Владимир Николаевич, благоволите выделить угол в трюме, чтобы работать с ранеными. Чтоб там стол был и койки, не меньше двух. И еще один уголок для меня с койкой: мне тоже надо высыпаться.

— Это возможно.

— Михаил Григорьевич командует артиллерией, его место на палубе. Мичман Шёберг отвечает за трюмную команду. Так что нам троим место в рубке будет. Да и то сказать: если, избави Христос, кого ранят, то наша Мария Захаровна будет в том самом помещении, что выделено для нее. Нашем корабельном лазарете.

Разумеется, никто бы не послал Таррота на разведку без инструкций. Их он получил, но сам для себя посчитал необходимым также проверить собственные навигационные способности. С этой целью он вылетел в погожий день (дабы с большой высоты видеть берег) и с радостью убедился, что чувство направления осталось неизменным.

Инструкции же отличались, по понятиям драконов, вольностью. Правда, Семаков показал крылатому разведчику карту Черного моря и ткнул на Босфор; задание же было выражено примерно так:

— Таррот Гарринович, вашей главной задачей полагаю остаться незамеченным противником. Во всяком случае, если погода будет облачной, то подлетать належит, прячась. Названия вы прочитайте, конечно, можете, но не ценой вашего обнаружения! Постарайтесь запомнить вид кораблей, позднее вы нам нарисуете. Хотя нет, я вам дам на время справочную книгу с силуэтами; это все же больше, чем ничего. Но если вы сочтете, что риск неприемлемо велик — ограничьтесь пересчетом кораблей противника. Если я правильно понял Тифора Ахметовича, то это вы можете сделать, даже будучи в облаках.

Дракон кивнул.

— И конечно, никаких боевых действий!

Дракон постарался не показать обиду, причиненную сомнением в его памяти.

— Владимир Николаевич, я этого и не собирался делать.

Крылатый разведчик вылетел, когда восточное небо над горами только-только начало светлеть, и вернулся поздно вечером в тот же день. Было уже поздно, но на следующее утро дракон выдал то, что с натяжкой можно было бы назвать докладом.

В пещере вокруг каменного стола разместились сам Таррот, представитель землян (лейтенант Семаков), а также капитан Риммер, лейтенант Малах и магистр Тифор. Наибольшую трудность представлял перевод драконьих представлений на человеческий, точнее, на земной. Обсуждение выглядело примерно так.

— А если считать от поворота на восток, это какая по счету бухта? Нарисовать можете?

— Зачем? Вот карта...

— Так это Золотой рог. Те корабли с трубами, на которые, как вы говорили, входили люди с мешками — у какого пирса они стояли?

— ...уголь грузили, тут без вопросов.

— Интересно, а продовольствие? Ах, нельзя одновременно...

Между тем погрузка продовольствия как раз и была бы несомненным признаком скорейшего выхода в море. Семаков про себя отметил, что это еще предстоит выяснить.

К сожалению, в полный штиль дракон не смог разглядеть флаги. Он, правда, утверждал, что все они были с красным цветом, но, как на грех, этот цвет имелся на флагах и Турции, и Франции, и Англии. Иначе говоря, только разведывательный корабль мог доставить полный набор сведений.

Нахимов был сильно занят, поэтому приказ поступил от контр-адмирала Истомина — краткий и категоричный.

— Приказываю произвести разведку вблизи Босфора. Риск для корабля запрещаю!

Посему в бой без необходимости не вступать.

— Ваше превосходительство, разрешите опробовать вооружение на дальней дистанции.

Осмелюсь доложить: риска при этом никакого.

Истомин чуть задумался, потом ответил:

— Повторяю: без малейшего риска. Никаких повреждений быть не должно!

В самый последний момент доставили кристаллы для защиты. Тифор вызвался установить их на нужные места уже на ходу.

Первого июня "Морской дракон" вышел в море. А рано утром шестого апреля три пароходофрегата (английские "Один" и "Донтлесс", французский "Юридис") первым вышли из Босфора навстречу русскому разведчику. Правда, они сами об этом не подозревали. Вслед за ними шла эскадра: семь пароходофрегатов, девятнадцать линейных кораблей и два транспорта. У них был приказ атаковать Одессу.

Командир "Дракона" отнюдь не собирался напрягать экипаж и двигатели. Железный корабль шел ходко, но без особой спешки, делая шестнадцать узлов (по лагу), даже без постановки "Гладкой воды".

— Три корабля прямо по курсу!

От крика сигнальщика в рубку поспешили и подвахтенный офицер (им был лейтенант Мешков), и все прочие высшие чины. Своих тут не могло быть по определению. Но пока что над горизонтом были видны только мачты. Судя по отсутствию дыма, неприятель шел под парусами.

Не прошло и четверти часа, как над горизонтом уже завиднелись корпуса трех противников. А на расстоянии не более двух миль за ними шла целый эскадра. Командир взялся за подзорную трубу.

— Два англичанина, один француз, — объявил он. — Трубы виднеются, но дыма нет. Значит, котлы холодные. Полагаю, узлов одиннадцать на полном ходу дадут, а то и все двенадцать.

Мичман Шёбёрг чуть заметно качнул головой:

— Осмелюсь возразить, Владимир Николаевич. Сейчас идут бакштагом, да только ветер слабоват; даже когда пар дадут — и то в двенадцати сомневаюсь.

И поскольку именно второй помощник исполнял обязанности штурмана, то он добавил:

— По счислению: не более сорока миль от входа в Босфор.

Казалось, Семаков был всецело поглощен зрелищем идущей навстречу эскадры и потому никак не отреагировал на слова мичмана. Но тут командир отвел глаз от подзорной трубы, и на лице его появилась улыбка, в которой начисто отсутствовала доброжелательность.

— А наш-то — зубастый, — несколько двусмысленно шепнул младший унтер Зябков стоявшему рядом боцману. Тот согласился:

— Точно, зубастый.

С этого момента прозвище прилипло.

Характер улыбки подтвердился:

— Корабль к бою!

Эта команда была хорошо усвоена экипажем. На учениях командир был достаточно требователен (хотя в зубы не совал), и нижние чины затвердили порядок действий накрепко. Матросы довольно быстро сняли рамы со стеклами, отнесли их в трюм, а другая группа

поставила тяжеленные броневые заслонки. На самом деле эта броня, конечно, таковой не являлась (обычная низкоуглеродистая сталь без термообработки), но и для капитана Риммера, и для российских моряков сама концепция бронирования боевого корабля с помощью специально подготовленного металла была в новинку. Дверь до особой команды оставили открытой.

Несомненно, на вражеской эскадре заметили "Морского дракона". Последовал интенсивный обмен сигналами. Из трубы "Юридис"¹⁰ повалил черный дым.

Капитан Мерсье отсигналил англичанам, что сам займется преследованием. Француз радовался, что победу не придется ни с кем делить. Победу при Синопе он считал не успехом русских, а провалом турок. Зная о превосходном состоянии машины и котлов на своем корабле, он не сомневался в исходе боя — конечно, если русскому не удастся каким-то чудом удрасть. Вероятно, не последнюю роль сыграло подсознательное стремление утереть нос гордецам-англичанам.

Английские капитаны дисциплинированно и даже охотно подчинились командору. Надобно заметить, что командир "Донтлесса" не страдал отсутствием честолюбия. Но он не был знатного происхождения, поэтому не заканчивал элитную школу и, хотя ухитрился дослужиться до капитана боевого корабля, но большее ему не светило. Мистер (не сэр, тем более не лорд) Скотт опирался в своей морской работе на силу ума, а не характера. А еще он наблюдал битву при Синопе (издали), и это зрелище навсегда излечило его от недооценки русских. Как раз в данном случае недооценка прямо напрашивалась. Крохотный кораблик, водоизмещение которого на глаз не составляло и двухсот тонн, заведомо не мог быть серьезным противником. На его юте в хорошую подзорную трубу просматривалась пушечка (одна!) мизерного калибра — и ни единого пушечного порта по бортам. Парусов и быть не могло: некуда ставить. То есть этот корабль приводила в ход только паровая машина. Правда, не было дыма, но англичанин знал, что земляное масло, будучи употреблено вместо угля, практически бездымно. Полностью незащитное суденышко. Но капитан Скотт не поверил в глупость капитана этой скорлупки. И предположил, что защита явно разведывательного кораблика в его скорости. Почти наверняка гоняться за ним бесполезно, а вот навести на огонь замаскированных русских батарей этот якобы безобидный корабль в состоянии.

Командир "Одина" видел то же самое, но у него была другая позиция. Сразу же после выхода в море механик доложил о возможных проблемах с обоими котлами, и капитан Райдер втихую обрадовался приказу не ввязываться в погоню. Еще не хватало, чтобы машина стала мертвым грузом аккурат во время похода или, того хуже, в бою.

Командир "Морского дракона" не давал команд типа "Право на борт" — ни к чему. Легкий штурвал и без того делал дело.

Пока длился разворот, противник приблизился на пару миль. Пароходофрегат под французским флагом явно прибавил в скорости, поскольку опередил англичан не меньше, чем на полмили. Погоня началась.

Котлы "Юридис" разогревались; скорость, соответственно, росла, но пока что расстояние между беглецом и преследователем сократилось незначительно. А вот от английских кораблей тот и другой оторвались.

Когда мачты двух пароходофрегатов скрылись за горизонтом, русский капитан совершил явный промах: принял на румб к югу. Капитан "Юридис" с легкостью раскусил намерения хитрого русского. Тот с очевидностью рассчитывал, что среди прибрежных мелей, имея меньшую осадку, сумеет уйти от погони. Но Мерсье знал, что у береговой черты можно налететь на рифы, а вот на мель — нет. У противника день, похоже, выдался не из удачных. К тому же на этом кораблике явно обнаружились проблемы с машиной: скорость заметно упала. "Юридис", сохраняя курс, начал отжимать противника к берегу, который уже завиднелся на горизонте.

Нельзя сказать, что ситуация осталась без комментариев со стороны экипажа "Морского дракона".

— Да ведь запрут они нас в ловушку, как чижику в клетку. Чего ж командир ждет? — очень негромко (избави бог, услышит начальство) заметил палубный матрос, переминаясь с ноги на ногу. Его можно было понять: команды на построение в цепочку еще не поступало.

Кондуктор Зябликов, очевидно, отличался превосходным слухом, поскольку не замедлился с ответом:

— Чижики-то хоть и мал, да нос востер. Клюнет — не обрадуются. Так что не каркай, как ворон на погосте.

Для придания пущей убедительности словам кондуктор продемонстрировал увесистый кулак.

Офицеры тоже комментировали.

— Сейчас пойдет на сближение, — индифферентно заметил второй помощник.

— Того и хочу. Лишь бы не спугнуть... — ответил Семаков; при этом его правая рука лежала на рычагах "секторов газа".

— Нашему теляти да волка испугати, — слегка переиначил пословицу Мешков.

— Поглядим... Михаил Григорьевич, давай своим команду о готовности. Но без приказа не палить!

— Гранатоме-о-о-от... к бою-у-у... — звонким и страшным голосом пропел начарт, — товсь!!!

Учения пошли впрок. Максимушкин первым подбежал к трубе, Патрушев был вторым, держа наготове гранату. Та скользнула в лоток. Через пятнадцать секунд после команды лоток оказался полон, а цепочка матросов застыла в неподвижности. Каждый держал в руках в руке темно-серую гранату, с виду совершенно безобидную.

Пока экипаж "Морского дракона" готовился к сражению, на сигнальных фалах "Юридис" появилось разноцветное предложение спустить флаг. Сигнальщик "Морского дракона" со всей старательностью перевел на русский содержание сигнала.

— Будем вежливы, — свирепый оскал командира резко контрастировал с содержанием фразы. — Поднять ответный сигнал: "Сдаваться отказываюсь". Целиться в середину борта! Больше десяти гранат не тратить! Пали!

Капитан Мерсье не был ни трусом, ни дураком, но ощущения от неприятельской пальбы оказались сильными. Мощью взрывов пароходофрегат трясло, как будто в борт бил обернутый чем-то мягким, но тяжеленный молот. Громаднейшие водяные столбы наводили на мысли об огромных бомбических ядрах. Но для этого должны были стрелять из больших орудий, каковых на этом корытце не было. Да и самой стрельбы заметить было нельзя: ни

малейших следов порохового дыма не наблюдалось. В ум закралась мысль, что в случае прямого попадания одной такой бомбой "Юридис" не удалось бы спасти. Весь экипаж думал точно так же. Некоторые матросы крестились и просили о заступничестве пречистую деву. Но было заметно и кое-что другое: одни недолеты. Русским орудиям, каковы бы они ни были, явно не хватало дальнбойности.

Как и подобает доброму французу, капитан "Юридис" был прижимист. Но в данном случае он не колебался. И четырнадцать бортовых орудий дали ответный залп — три бомбическими ядрами, остальные простыми. В некотором смысле капитан Мерсье был прав: для столь небольшого корабля и обычных должно было хватить.

Этот залп тоже лег с недолетом.

На "Морском драконе" реакция экипажа была кардинально отличной.

— Не берет, — простонал злосчастный комендор, хотя его вины в том не было, — не взрываются...

Далее Максимушкин выразил свое просвещенное и полностью отрицательное мнение о сексуальных предпочтениях всего экипажа противника.

— Израсходовано десять гранат, не взорвались шесть, — скороговоркой доложил старший артиллерист.

Он еще не закончил фразу, как командир начал действовать, слегка дослав вперед сектора газа. Чуть громче зашумели движки. "Морской дракон" сильно прибавил в ходе, оставляя противника на левой раковине¹¹. Второй залп француза лег также с недолетом (хотя и меньшим), но далеко за кормой. Артиллеристы противника явно недооценили скорость разведчика. И все же осколки на излете клацнули по обшивке. И не только по ней.

Зябков вдруг сказал почти спокойным голосом: "Ох ты...", схватился за грудь и осел на палубу.

Казачий хорунжий наклонился к моряку, внимательно глянул, выпрямился и осенил себя крестным знаменем.

— Точно в сердце, и не дышит уже. Экая же нелегкая...

Окружающие дружно поснимали бескозырки и принялись креститься.

Лейтенант Мешков отреагировал по-своему, имея на то причины:

— Самсонов, Шумило, отнести Зябкова в лазарет к Марье Захаровне, живо!

Покойника подхватили и понесли. Уже спустившись по трапу, матрос первой статьи Шумило проворчал:

— Поп ему нужен, а не лекарь...

Тело уложили на койку. Молодая лекарша шуганула пришельцев словами:

— Идите наверх, а у меня тут работа.

Те повиновались, тем более, что цепочку по подаче гранат надо было восстанавливать, но уже начав подниматься по трапу, Самсонов повернул белобрысую голову и замер.

Как раз в этот момент молодые женские руки извлекли длинный и острый даже с виду осколок из груди мертвеца, который от этого пару раз кашлянул.

— Да воскреснет бог... — начал молитву потрясенный Самсонов, истово крестясь.

На этот раз обернулся старший в чине Шумило. Он стоял выше на трапе, и койки с пострадавшим с этой позиции не было видно.

— Чего стоишь? Аль ноги к трапу прикипели?

— Ожил унтер. Вот те крест!

Против ожиданий Самсонова, старший напарник отнесся к новости спокойно.

— Ну, значит, не убит. Двигаай наверх, шевели плавниками.

Судя по качке, ветер усилился. Семаков отреагировал ожидаемо:

— Михаил Григорьевич, сейчас дам "Гладкую воду". После этого попробуй зафитилить ему под форштевень. Пять гранат. Должна течь открыться.

Максимушкин с обновленной надеждой в глазах ухватился покрепче за рукоятки гранатомета. Цепочка матросов застыла в напряжении.

Стоявший третьим в цепочке матрос первой статьи Плесов бросил короткий взгляд на уплотнившиеся клубы, валящие из трубы француза.

— Дым-ат погуще стал, — со знанием дела заявил он, — жару там поддают, не иначе.

— Да где им с нами тягаться, — с презрением откликнулся Кроев, — туда же: погналась жаба за конем...

Впрочем, боцман тут же вспомнил про служебные обязанности и чуть повысил тон:

— Разговоры у меня! Сей минут начнется.

Мешков продублировал команду артиллеристам. Комендор самую малость довернул ствол.

— Максимушкин, не выдай, — начарт по наивности думал, что прошептал эти слова, хотя на деле их услышала половина всей цепочки, включая самого адресата.

Пять гранат грохнули одна за одной. Последняя произвела наибольший эффект, взорвавшись практически под форштевнем. Так, во всяком случае, показалось наблюдателям, хотя на самом деле расстояние было не менее сажени.

Результат увидел весь экипаж "Морского дракона", за исключением трюмных. Нос пароходофрегата дернулся вверх. Остроглазый сигнальщик Мягонький потом божился, что французы не только на носу, но и на шканцах попадали от сотрясения.

— Больше не палить! Поднять сигнал: "Даю десять минут на спуск шлюпок, потом буду бить по корпусу".

Блеф вполне мог не пройти. Более того: вероятнее всего, он бы не прошел, но капитану Мерсье сильно не повезло. В момент последнего взрыва он, разумеется, держался за поручень, но с ног свалило матроса, поднимавшегося с донесением на шканцы. Падая, он боднул капитана головой в живот. Тот полетел на шкафут.

На этом полоса невезения капитана кончилась. Угол помоста штурвала мог пробить висок при неудачном падении, но капитан отделался обильным кровотечением и потерей сознания. А вот дальше начался хаос.

— Капитан убит!

Первый помощник отреагировал в полном соответствии с военно-морским уставом:

— Принимаю командование! Осмотреться в трюме! Тело капитана отнести в его каюту, — и после краткого размышления добавил, — доктора туда же.

Двое матросов унесли покойного капитана. Посыльный побежал за судовым врачом в корабельный лазарет.

Лишь после этого исполняющий обязанности командира глянул на противника. Почему-то его капитан не продолжал обстрел, хотя на его месте любой грамотный офицер именно так бы и поступил.

Объяснение этой странности очень быстро отыскалось на сигнальных фалах кусачего русского разведчика. Первый помощник прочитал сигнал и, не дожидаясь доклада от

сигнальщиков, выдал речь, касающуюся особенностей первичных и вторичных половых признаков пресвятой девы, а также деталей ее нравственных принципов. И почти сразу же поступил доклад от трюмных: обнаружилась течь, и вода начала было подниматься, но машинист, не дожидаясь команды, запустил помпы. После этого уровень воды в трюме стабилизировался.

Об этом доложил старшина трюмных, прибавив, что с течью пока справиться не удастся.

Тут же вернулся посыльный.

— Господин первый помощник, доктор сам нуждается в помощи. Он там в лазарете себе перевязывает руку.

Судовому врачу последнее бомбическое ядро устроило боевое ранение: упав, он сильным образом ушиб правую руку. Хозяин лазарета как раз успел подняться на ноги и начал с ругательствами стаскивать с себя верхнюю одежду, когда посыльный ворвался в помещение и сообщил, что капитан убит, тело его унесено в капитанскую каюту, но первый помощник приказал на всякий случай освидетельствовать тело. Матрос получил ответ, что как только доктор примет меры по собственному лечению, он тут же пойдет к капитану.

Разумеется, опытный медик, тщательно ощупав пострадавшую конечность, обнаружил, что ни перелома, ни вывиха нет, и потому без спешки наложил тугую повязку и уж после того собрался идти в капитанскую каюту.

Меж тем события развивались стремительно. Первый помощник был трезвомыслящим моряком. Вот почему ранее сделанные выводы об артиллерийской несостоятельности русского корабля и о его скоростных качествах оказались отброшенными. Если бы не это порождение дьявола с коротким и тонюсеньким стволом, "Юридис" имела бы некоторые шансы дотянуть до Босфора или, в наихудшем случае, до берега. Верить в проблемы с машиной не имелось ни малейших оснований: очень уж быстро русский разведчик набрал скорость, уходя из-под обстрела. Явно проигрывая в ходкости и, главное, в дальнобойности и меткости орудий, пароходофрегат, по мнению помощника, был обречен. И первый помощник приказал уничтожить секретные документы, забрать судовой журнал, погасить топки и спустить шлюпки. В лазарет и в трюмы были посланы люди известить членов экипажа о предстоящем оставлении корабля. Подумав, первый помощник приказал привести паровые машины в негодность, что старший механик и сделал, покорежив ударами кувалды медные золотники. Теперь у пароходофрегата не осталось ни единого шанса: запустить помпы было решительно невозможно.

— Владимир Николаич, брать корабль надо — негромко но вполне отчетливо прозвучал голос казачьего хорунжего, — они ж лодки спустили, теперь спасаются.

Замечание ретивого сухопутного охотника за хабаром было обоснованным: переполненные шлюпки отвалили от борта "Юридис" и, тяжело переваливаясь на невысокой волне, неторопливо направились на юг к берегу. До него было не больше четырех миль. Французский корабль уже имел дифферент на нос — это заметил весь экипаж "Морского дракона", а не только приметливый казак.

— Владимир Николаевич, а почему вы не хотите захватить это судно? — вдруг поинтересовался рыжий иностранец.

— Так ведь там явная течь, Тифор Ахметович; захватить можно, да вскоре бросить придется. Лезть в трюм уже рискованно, а даже если и заделать течь, так машину все одно

не запустим. У меня кочегары найдутся, но машинистов уж точно нет.

— И не надо. Течь я и сам ликвидирую, даже сколько-то вести корабль могу. На крайний случай можно на буксир взять. Риммер Карлович, как думаете?

Иноземный капитан кивнул.

Капитан бросил вопросительный взгляд на первого помощника.

— По мне, так стоит высадиться на корабле, Владимир Николаевич. Риск не так уж велик. В крайнем случае наши комендоры размолотят его в щепочки.

— Но ведь и шлюпка не в минуту дойдет.

— Можно ускорить дело. Гребцы и рулевой на вашей лодке вовсе не нужны, я ее поведу сам, причем быстрее, чем на веслах.

— Сигнальщик понадобится, — с самым деловым видом высказался второй помощник. — А еще кто-то из офицеров.

— И хорунжий Неболтай с его пистолем, — подытожил командир. — Делаем так...

И в голосе Семакова появились интонации командира, отдающего боевой приказ.

— ...подходить к французу не будем. Мало ли: найдется недобитый артиллерист, да угостит ядром в упор. Посему: Кроев, спустить шлюпку. В нее: вы, Тифор Ахметович, еще Иван Андреевич, сигнальщик Мягонький с флагами и вы, Тихон Андропович. И смотрите мне там! Никакого риска чтоб не допускать! По уяснению обстановки на французе — дать сообщение. Поспешайте!

Надобно заметить, что мичман Шёберг был крещен Йоханом, а отца его звали Андерс но сослуживцы, по обыкновению, русифицировали шведские имя и отчество.

Боцман знал свое дело: через пять минут шлюпка отвалила от железного борта. Все напряженно следили за ней.

У судового врача были свои хлопоты. Пациент не только очнулся: он настолько хорошо себя почувствовал, что тут же начал спрашивать:

— Госпожа лекарь, а чего это меня сюда?

Неожиданно епоследовал встречный вопрос:

— Как вас зовут?

— Пахомом крестили.

— Так вот, Пахом, в вас попал осколок — вот он, я его достала. Прямо в сердце...

Глаза пациента сильно расширились.

— ...но это еще не причина умирать. Вам повезло: ни одна кость не была задета.

Магистр жизни имела в виду, что конструктор на поврежденную кость потребовал бы для создания и поддержания намного больше энергии. Свое мнение о характере ранения пациент предпочел держать за зубами.

— Я вам эту рану частично исцелила, но пока сердце напрягать нельзя, и потому остаток дня вам надо лежать. Ну разве что по надобностям сходить...

— ...в гальюн, стал-быть...

— ..ну да, я слова не знала. Обед вам принесут. Как кто из матросов освободится, попрошу отвести вас в ваше... — легкая заминка, — ...помещение, где вы спите. Потом еще ночь поспать. Еще потом я вас осматрю. Если все пойдет хорошо, так сможете ходить, даже бегать. А сейчас — спать.

Почему-то глаза у Зябкова закрылись сами по себе.

В отношении недобитков командир угадал. Таковые на пароходофрегате были, даже двое.

Первым оказался никто иной, как сам Мерсье. Рана на голове не была опасной, но крови он потерял много. В результате французский капитан чувствовал себя очень скверно. Он, как сквозь вату, слышал какие-то неясные крики и беготню по палубе, но все попытки встать заканчивались падением на койку.

Судовой врач между тем добрался до раненого, пощупал пульс, но провести детальный осмотр ему не дал крик очередного посыльного:

— Господин доктор, в шлюпку скорее, тонем! — тут матрос разглядел повязку, которую врач так и не успел скрыть сюртуком, и добавил, — разрешите помочь?

— Да я тут хотел осмотреть как следует. Может быть, и рану зашить... — начал было медик, но был решительно прерван:

— Не успеете, господин доктор, даже с двумя руками не успели бы, — тут матрос настороженно прислушался, — кажется, последняя шлюпка...

Врач мгновенно прикинул шансы. С одной левой рукой оказать квалифицированную помощь совершенно невозможно, а до берега капитан явно не доживет. Он приказал матросу захватить докторский саквояж и с некоторым трудом стал подниматься по крутому трапу.

Второго члена экипажа, оставшегося на борту после отхода шлюпок, обозвать недобитком было бы не совсем верным. Он не был ранен или контужен. Зато помощник корабельного плотника отличался высокоразвитой предприимчивостью. Не будучи артиллеристом, он, в отличие первого помощника, не мог оценить в полной мере всю мощь русских бомбических ядер, зато прекрасно помнил, что на брошенном впопыхах корабле можно найти нечто ценное. Задачу же достичь берега помощник плотника полагал нетрудной, особенно если учесть, что на деревянном в своей основе корабле не составит труда раздобыть сколько угодно подручных плавательных средств. К тому же в распоряжении имелись нужные инструменты. Вот почему этот обладатель деловой хватки ухитрился ловко спрятать свое долговязое тело в укромном уголке трюма, терпеливо переждал, пока последний человек не погрузится в последнюю шлюпку, выждал еще сколько-то ради полной уверенности и лишь потом вылез из убежища и решительно направился к каютам командного состава.

Наследство офицеров оказалось весьма денежным. Однако удача изменила помощнику плотника в капитанской каюте. Он как раз закончил укладывать очередную порцию ценностей в сундучок, как уголком глаза заметил шевеление на капитанской койке. Природная сметливость тут же подсказала, что свидетель — персона лишняя.

Потоки водной магии работали безотказно: шлюпка резала "Гладкую воду", развивая (по оценкам Шёберга) не менее десяти узлов. Правда, вне действия заклинания Тифор чуть сбросил скорость. Он, конечно, мог быть дать то же заклинание вокруг шлюпки, но предпочел беречь энергию. В результате люди с "Морского дракона" поднялись на борт "Юридис" много раньше, чем мог бы проедположить французский матрос. Собственно, он и не видел русских, поскольку был чрезвычайно занят.

Роли в русской абордажной команде были распределены заранее. Мичман, он же ее командир, нырнул в кочегарки, убедился, что там никого нет, а топки уже начали остывать, тут же обнаружил повреждение в машинах, мысленно отметил, что починить их можно лишь в порту, немедленно проверил работу руля, после чего принялся ревизовать состояние

орудий и наличие боеприпасов. Маг помчался в направлении к носовому люку: течь явно располагалась где-то у форштевня. Сигнальщик сноровисто распаковал сумку с сигнальными принадлежностями и замер в ожидании приказа на передачу сообщения. А казак принялся деятельно обшаривать все помещения, кроме трюмов, в поисках противника, а также плохо лежащих ценностей. И как раз хорунжий наткнулся и на то, и на другое.

Уже много позже Неболтай честно признался собутыльникам:

— Даже и не разглядел толком, что там такое было у него в руке, только что ноги отметил. Они как для удара были готовы. Прикончить он капитана французского хотел, вот что. Ну, и дай бог здоровычка лейтенанту Малаху, что продал пистоль, да научил пользоваться.

Лежавший на койке еще раз шевельнулся, но глаза так и не открыл. А бывший помощник плотника, получив пулю в спину чуть пониже шеи, дернулся в попытке обернуться, не смог и свалился под ноги меткому стрелку. Он так и не выронил то, что держал в руке — это была остро заточенная стамеска.

Казак тут же оценил состояние противника как "не жилец" и был прав. Тот умер, не приходя в сознание. Меж тем сундучок сменил владельца, причем вес добычи явно свидетельствовал о высокой ценности. У пластуна в голове мелькнули мысли насчет двух зайцев, а сомневаться в том, которых из них жирнее, не приходилось. Кто, кроме капитана, мог покоиться в самой большой и роскошной каюте? Казак окинул взглядом капитана, чуть подумал, отставил тяжелый трофей в сторону, взял за руки лежавшего на койке, крикнул, взвалил его на спину и с большим трудом стал подниматься по трапу на палубу. Как раз в этот момент туда же вылез мичман.

— Принимайте пленного капитана, Иван Андреич, — пропыхтел Неболтай, с осторожностью укладывая раненого на палубный настил. — По голове прилетело, но вроде как не пробило. Авось Марья Захаровна вылечит. А больше живых нет.

И, не дожидаясь ответа, казак снова юркнул под палубу в сторону капитанской каюты: очень уж ему не хотелось оставлять сундучок без присмотра.

Тут же из носового люка высунулась встрепанная более обыкновенного рыжая голова.

— Иван Андреевич, течь я остановил. Могу подплыть к "Морскому дракону".

Шёберг скривился от таких словес, но тут же подозвал сигнальщика.

— Передай, братец, депешу флажным семафором...

Надо заметить, что командир "Морского дракона" никоим образом не отличался избыточным оптимизмом. По этой причине он не ожидал, что от "абордажа" получится нечто путное; самое большее, на что он рассчитывал: какие-то забытые документы. Но действительность сильно поправила мнение лейтенанта.

"Юридис" не только избавилась от дифферента на нос, но и потихоньку двинулась в сторону. Это заметили все. Одновременно прошло сообщение: от течи избавились, захвачен пленный, имеем ход. В конце сообщения Шёберг доложил, что винты подняты¹², и высказал просьбу вывалить кранцы, поскольку, дескать, он намерен швартоваться.

Нижним чинам явно хотелось пообсуждать эту, вне сомнения, выдающуюся победу, но командир резко оборвал:

— Отставить разговоры! — и добавил чуть смягчив тон, — нам еще до Севастополя дотянуть надобно.

На борт "Морского дракона" с донесением проследовал мичман. Докладывал он

почему-то вполголоса. Тут же командир приказал Кроеву переправить на борт "Юридис" троих матросов, причем боцман выбрал тех, кто хоть что-то понимал в плотницком деле. Приказ прозвучал отчетливо: "Заделать течь!" Раненого капитана Мерсье передали из руки в руки на "Морского дракона". Мариэла распорядилась насчет переноса пострадавшего в выделенный под лазарет уголок трюма. Также она упомянула, что возможно, потребуются услуги переводчика. Разумеется, госпожа маг жизни не сказала, что при желании она бы вытащила знание родного языка французского капитана непосредственно из его головы. Но стремление поберечь энергию, разумеется, превалировало. Переводить отрядили лейтенанта Мешкова, а командир был вынужден назначать рулевых из нижних чинов, поскольку все офицеры оказались занятыми другими делами.

Вопреки обыкновению, труды новоназначенных плотников не сопровождались матом в большом количестве. Скорее преобладали интонации уважительного одобрения:

— Эка же работа: течь совсем перестала хлестать. А ведь щель в полпальца, не мене.

— Тот, рыжий, он держит водицу. Как — на знаю, да и не наше дело. Тащи-тка ты лучше паклю, а ты, Влас, еще вон те две доски. Гвозди не забудь, тютть-перетютть твою набок!

Через пятнадцать минут после швартовки мичман Шёберг торопливо вернулся на абординированный корабль. Еще через две минуты захваченный пароходофрегат отвалил от "Морского дракона" и дал ход.

Капитан Скотт не был джентльменом, в противном случае он бы просто не обратил внимание на некоторые особенности звуков канонады, заведомо будучи уверенным в собственном огромном артиллерийском перевесе. Но для того, кто имел опыт, умение и желание думать, артиллерийский бой звучал странно. К сожалению, разглядеть было ничего невозможно.

Выстрелы от корабельных орудий, конечно же, нельзя было спутать с чем-то иным. Однако к ним примешивались и другие, очень похожие на разрывы огромных бомбических ядер. Соответствующей артиллерии на корабле союзников достоверно не было, а на русском корабле и не могло быть — с такой-то крошечной пушечкой — но грохот заставлял задуматься.

Канонада стихла. Это как раз объяснялось просто: или одна из сторон добилась успеха, или корабли разошлись вничью. Но у английского капитана имелись глубокие сомнения в части того, кто именно мог победить в противостоянии. А насчет ничейного исхода сказать было вовсе ничего нельзя за полным отсутствием фактов.

Раздумья англичанина были прерываны сигнальщиком:

— Четыре шлюпки в море, идут курсом на юг!

Само собой, любой вменяемый командир корабля, не раздумывая, оказал бы помощь терпящим бедствие. Капитаны Скотт и Райдер не были исключением. Подъем людей, а также шлюпок при слабом волнении трудностей не представил. Куда более заковыристым оказался вопрос: "Что делать дальше?" Приказ о разведке боем, разумеется, никто не отменял. Проблема состояла в том, как наилучшим образом этот приказ исполнить.

Капитаны Райдер и Скотт не пожалели целых двух часов на разработку приемлемого плана.

Первое, что приняли за данность: потерю пароходофрегата "Юридис". По уверению старшего в чине француза, подкрепленному свидетельством стармеха, запуск машин или помп был совершенно невозможным делом. В таких условиях поврежденный пароходофрегат мог продержаться на воде не более пяти часов — за это время он не дошел бы до русского порта даже в отсутствие дифферента на нос, причем под всеми парусами.

Второе и также совершенно очевидное: коль скоро приказ подлежит выполнению, то курс ляжет на Одессу вместе с эскадрой. Поскольку капитан Райдер был произведен в чин раньше капитана Скотта, он и стал командовать группой теперь уже из двух кораблей.

А вот дальше пошли сплошные непонятки. Главная (с точки зрения осторожного капитана "Донтлесса") состояла в почти полном отсутствии сколько-нибудь достоверных сведений о боевых характеристиках русского корабля. Правда, все свидетели дружно утверждали, что противник не имел никакого парусного вооружения, но при этом двигался без дыма. Оба англичанина дружно объяснили это применением земляного масла. Относительно скорости противника показания французских офицеров сильно расходились. Ответы на этот вопрос были примерно такими:

— За одиннадцать узлов ручаюсь!

— Полагаю, узлов тринадцать верных.

— Скорость? Не удивлюсь, если пятнадцать узлов.

Также все опрошенные, включая нижних чинов, хором утверждали, что пушечных портов по бортам не видели. Райдер просто удивился. Скотт подумал о маскировке орудий, но последующие показания заставили усомниться в этом предположении.

Двое французов настаивали, что видели пушечный ствол смешного калибра, но одновременно твердили, что ни звука выстрелов не слышали, ни дыма не наблюдали. Зато решительно все отметили ужасающие по силе взрывы от бомбических ядер, которым было совершенно неоткуда взяться. Впрочем, свидетели были уверены, что ни одного прямого попадания не было.

А после началось описание того, что уж вовсе не могло быть.

Ни одного взрыва над водой — только подводные. Ни одного перелета. Райдер объяснил это недостаточной дальностью русской артиллерии. Скотт промолчал. Еще одним невероятным обстоятельством была сверхчастая стрельба — французский начальник верхней батареей палубы утверждал, что взрывы следовали с частотой не менее трех в минуту. Одно орудие так стрелять просто не может: картечиц для столь мощных бомбических ядер не существует. Многопушечный корабль? Но ведь на нем заметили только одно, да и стрельба велась не залпами. Вопросы, вопросы, вопросы...

В конце концов командир "Одина" принял решение:

— Мистер Скотт, приказ все еще действует, и потому поспешим к Одессе. Идем фронтом. Ночью удвойте вахту сигнальщиков. По сигналу разводите пары. Думаю, это лучше всего делать по обнаружении противника или в виду берега. Все ясно?

Разумеется, у капитана Скотта вопросы не появились.

Тифор соблюдал осторожность и по этой причине поддерживал скорость "Юридис" на уровне не более восьми узлов. На течь магистр и вовсе махнул рукой: то, что просачивалось сквозь заплатки, большой опасности не представляло.

Командир "Морского дракона" лелеял честолюбивую мечту довести трофей до порта. Но для этого нужно было не встретиться с противником. Вот почему сигнальщики, понукаемые начальственным рыком, напряженно вглядывались в горизонт за кормой. Пока никого не наблюдалось, но Семаков не особо рассчитывал на удачу: если англичане догадаются погасить ходовые огни, то темнота южной ночи (все же не Балтика) не позволит увидеть противника загодя.

Своими опасениями он поделился с иноземным капитаном. Тот не замедлился с ответом, произнесенным все с тем же баварским акцентом и ошибками в терминах:

— Владимир Николаевич, почему бы вам не воспользоваться измерением потоков воды? Мы это делали. Вот, прошу смотреть, — тут Риммер Карлович извлек из своей сумки небольшую серебряную пластинку и прошелся по ней, как по клавишам фортепиано, — этот зеленый свет есть сигнал от нашего "Дракона", а вот этот небольшой камешек должен загореться красным, если будет сигнал от чужака.

В голосе у командира прозвучала неподдельная заинтересованность:

— И на каком расстоянии этот ваш... механизм чует сигнал?

Риммер Карлович чуть поморщился от подобной безграмотности, потом призадумался.

— Если чужой корабль движется вращением таких больших колес у бортов, то это... скажем, двадцать пять ваших миль. А если винтом, — германский капитан почесал затылок

совершенно русским жестом, — тут я не знаю, мы не пробовали и не считали... хотя... этот ваш винт гонит высокую волну?

Семаков взял карандаш и решительно придвинул к себе листок.

— Риммер Карлович, позвольте мне изобразить... вот так выглядит волна за кормой, высота ее не более полусажени, и потом дальше тянется пенный след, тот никак не менее пятнадцати сажен...

— Тогда, Владимир Николаевич, думаю, что двадцать миль. Но это в самых лучших условиях.

— То есть?

— Нет большого волнения. Нет дождя, вот он сам по себе вносит большой шум. В шторм обнаружение возможно за... скажем, десять миль. В дождь — то же самое.

В глазах командира "Морского дракона" появился огонек понимания.

— Вы хотите сказать, что туман и темнота...

— ...не помеха.

— А если под парусами идет, то огонек тоже загорится?

— Да, но сигнал при этом слабее. За миль пятнадцать в хороших условиях можно заметить.

— Тоже изрядно.

— Это не все. Поворачивая эту пластину вот так, вы по усилению или ослабеванию свечения можете судить о направлении на чужой корабль.

Нужное впечатление было создано.

— Сколько вы хотите за это чудо из ваших краев?

В корабельном лазарете над французским капитаном трудилась маг жизни. К тому моменту первого пациента уже увели. К ее некоторому удивлению, лечение оказалось не столь уж простым. Рана на голове, конечно, в счет не шла. Пострадавший потерял много крови — это бы тоже ничего, но сотрясение мозга потребовало усилий. Про себя госпожа магистр отметила, что на Маэре за такую работу любой доктор магии взял бы не меньше полутора золотых.

Лейтенант князь Мешков выразил искреннюю готовность послужить в любой момент переводчиком, но госпожа лекарь решительно его выставила, указав, что раненый сейчас спит, и будить его не следует. Взамен она попросила, чтобы кто-то из матросов исполнял обязанности рассыльного. Такогого прислали (это был все тот же матрос второй статьи Самсонов), а Мешков вернулся в рубку. Мариэла решила, что не стоит долго объясняться и доказывать раненому офицеру, что ему прописывается полный покой — пусть себе лучше спит, а тем временем конструкторы выполняют свою роль и исчезнут.

Работа была закончена. Осталась сушая мелочь.

— Ступай-ка, братец, к лейтенанту князю Мешкову и скажи, что этому господину еще выздоравливать часов шесть. Все это время он проспит. Будить нельзя. А вот как проснется, можно будет задавать вопросы. Все понятно?

— Чего ж тут не понять? Все сделаю, госпожа лекарь.

— Да, и вот еще. Хорошо бы мне чего-нибудь поесть.

— Сию же минуту расстараюсь, госпожа лекарь.

Рассыльный сделал свое дело добросовестно. Сверх того, он в процессе лечения старательно глядел и запоминал.

Утро застало русскую мини-эскадру посередеь открытого моря. Оно принесло новые заботы.

В лазарет спустился лейтенант Мешков в сопровождении казачьего хорунжего. Как он и ожидал, госпожа судовой врач уже была на ногах. Князь показал глазами на все еще спящего француза. Мариэла ответила вслух, хотя и негромко:

— Хотите допросить? Не возражаю. Он уже в полном порядке.

— Он — да, а вы сами?

— Я даже поспала немного, — тут на лице у мага жизни появилась понимающая улыбка. — Хотите, чтобы я присутствовала?

Михаил Григорьевич чуть поколебался.

— Умение определить, правду ли говорит пленный, было бы весьма кстати.

Казак кивнул с ученым видом знатока.

— Тихон Андропович, а вы знаете французский?

— Нет, Марья Захаровна, но мне так и так надобно будет доложить своему начальству.

Молодая женщина кивнула.

— К вашим услугам. Начинайте.

Неболтай, выслушав перевод допроса, сделал свои выводы: высадка в районе Севастополя крайне маловероятна, а, значит, можно пока заняться своими делами.

Содержимое трофейного сундучка весьма порадовало. Правда, там нашлись лишь французские ассигнации, но было и золото с серебром, и другие ценности. И поскольку знания славного казака в части обменного курса были самыми приблизительными, то он мысленно запланировал визит к меняле. Это было самым первым из дел. Вторым была раздача долгов.

Третьей по срочности была забота об оружии. Память подсказывала: пришельцы при первой же возможности исчезнут из этого мира, и если пули еще можно было заказать (а еще лучше — пулелейку), то те кристаллы, о которых говорил чужестранный лейтенант, рано или поздно придут в негодность. Значит, надо изыскать способ изготовить такие же. По разумению хорунжего, магистр-мужчина, к тому же способный на всяческую магию, уж точно должен разбираться в оружии получше, чем женщина-врач. Но тот находился на французском корабле. А кто следующий среди иностранцев по оружейным познаниям? Лейтенант, конечно. И Неболтай решительно направился в рубку.

— Малах Надирович, дозвоьте спросить кое-чего о вашем оружии?

Польщенный лейтенант, разумеется, согласился.

— Вот говорили, что камушек внутри пистоля вашего или там винтовки — без него нельзя. Но он дает возможность выпалить сколько-то раз, а потом все: менять надо. Кто-то из тутошних может такое проделать?

Малах напряг память. Не будучи магом, он кое-что все же знал.

— Сами судите, Тихон Андропович. Кристаллы, что в вашем пистолете и винтовке, не обязательно менять, а можно подзарядить. Но это работа для мага. Четыре подзарядки пройдут нормально. Что до замены: этот вид кристаллов не из редких. Профес говорил: разобьют такие наверняка можно. Но их как есть, без огранки, использовать нельзя: будут приходиться в негодность очень уж быстро. Ну, здешние ювелиры огранят. Но вот наладить

пирит для применения в пистолете или винтовке — тут маг надобен. Может быть, даже без ранга, студент то есть, но со способностями. А у вас я даже и не знаю, есть ли такие. Если и были — так они все погашены, сами знаете. Восстановить можно, я слышал, но не знаю, как это делается. И защита потом понадобится, вот как у наших магов. Насчет способностей — тут Мариэла может проверить. Но с кристаллами для оружия она работать не умеет. Еще у нашего дракона спросить можно. Он в этом толк понимает. Тифор тоже, само собой, да только он по приходе в порт будет усталым до последней степени. Помяните мое слово: свалится без задних ног...

Казак слушал и мотал на ус. А потом, явно вспомнив нечто важное, метнулся в лазарет.

Мариэла удивилась визитеру, но виду не подала. Вместо того она улыбнулась и с чуть наивным видом спросила:

— Что-то случилось, Тихон Андропович?

— Здоров, хвала богу. Но кланяюсь с малой просьбишкой.

Ответом была чуть приподнятая бровь.

— Вот я подумал: не поучите ли вашему языку?

Маг жизни усилием воли удержалась от выражений удивления, и вместо того спросила, стараясь придерживаться самого меркантильного тона:

— Какой вариант желаете: полный или половину?

В этот момент до нее дошло: ну, конечно, казак обзавелся деньгами в результате налета на чужое судно (слово "абордаж" в словаре Мариэлы пока отсутствовало). Она даже успела подумать, что наверняка хорунжий выберет более дорогой вариант. Так и случилось:

— Коль не в тягость, то хотел бы полный. Только платить буду французской деньгой... вот, — на ладони казака появился наполеондор, — как, хватит?

— Если и не хватит, я скажу. Когда хотите начать? Лучше бы прямо сейчас, пока время есть.

— Так я на то согласный.

Если с утра командир и пребывал в радужном настроении, то доклад старшего помощника о результатах допроса пленного способствовал озабоченности. Французский и два английских корабля были в составе эскадры и получили приказ обстрелять как порт, так и близлежащие укрепления с целью выявить артиллерийские позиции. И Семаков прекрасно понимал, что отвечать огнем на обстрел придется. Трофейный корабль принимать в этом участие не способен: состояние корпуса требовало немедленного докования, а снять орудия и установить их на позиции просто не успеют. И еще неизвестно, дойдет ли захваченный пароходофрегат даже до Севастополя, не говоря уж об Одессе: если те двое, что идут следом, догонят, то придется в спешке снять своих и удирать, затопив трофей. Лучше, чем любой из находившихся на борту офицеров, лейтенант Семаков понимал, что в бою с "Юридис" проявилось везение: все французские негаторы, что были, сосредоточились в районе кормы, что и позволило положить гранату под форштевень. Но Фортуна — дама с капризами; уж кто-кто, а моряки это знают. Сверх того, донесение о результатах разведывательного рейда "Морского дракона" положительно необходимо доставить начальству как можно скорее...

Неправильно было бы сказать, что русским морякам еще раз повезло. Скорее тут посодествовала изрядная форя по времени. Как бы то ни было, до Севастополя им встретились лишь две греческие шаланды.

Уже перед самым входом во внешнюю гавань командир собрал всех нижних чинов на

палубе.

— Благодарю за службу, храбрецы!

Ответ грохнул в полном соответствии с уставом:

— Р-р-ра... раться!!!

— Есть хорошая новость. Всем напишу представление к георгиевским крестам: заслужили! Надеюсь, адмирал Нахимов поддержит.

Опытные матросы сразу докумекали, что среди новостей есть нечто худшее. Неопытные догадались, что лучше промолчать.

— Французский капитан, которого мы взяли в плен, рассказал, что те два английских корабля, что многие из вас видели близ Босфора, направляются к Одессе с приказом: разведать и обстрелять. С ними еще большая эскадра.

Разумеется, никакого шевеления в строю не последовало.

— Поэтому приказываю: никакого берега! За нами идут по пятам. Не исключая, что часть эскадры пойдет на Севастополь. Если так, то запас по времени на подготовку к бою очень мал: хорошо, если тройка часов. Береговые батареи получают предупреждение, — про себя Семаков подумал, что еще неизвестно, прислушаются ли к нему, — а вот кораблям времени на подготовку к бою и походу не хватит, за это ручаюсь. "Морскому дракону" предстоит еще раз идти в дело. На длительный бой гранат не хватит, на прямое попадание не рассчитываю, потому если дойдет до дела, надобно будет не поразить неприятеля, а заставить отойти. Р-р-разойдись! Кроев, сосчитай, сколько боеприпаса осталось.

Новость о том, что "Морской дракон" возвращается, а за ним следует пароходофрегат под белым флагом, облетела порт мгновенно. Совершенно из ничего и из ниоткуда возникли как встречающие, так и просто любопытные.

"Морской дракон" пришвартовался. Знатоки из свидетелей тут же отметили, что сделано было умело. Судя по тому, как распорядился офицер в чине лейтенанта, он командовал кораблем, он же и отправился на доклад к начальству. А пароходофрегат под названием "Юридис" без особой спешки направился к докам.

Набережная наполнилась мнениями.

— На абордаж взяли! Вот это лихое дело...

— ...и не верю я в этакое. На этом кораблике просто не хватило бы абордажной команды...

— ...глянь-кось, ведут вон того под руки...

— ...ранен, стал-быть?

— ...убитых вроде как нету...

— ...французский мундир, милостивый государь, уж тут не ошибусь. Выходит, в плен захватили...

Внимание встречающих было устремлено на доблестного "Морского дракона", а не на захваченный пароходофрегат, направившийся напрямиком к доку. Между тем именно с французского корабля понесли на носилках непонятную личность, почти полностью укутанную в одеяло. Лицо, впрочем, оставили открытым, так что внимательный наблюдатель мог подумать, что обитатель носилок лишь ранен. Этот вывод был бы ошибочен.

Магистр Тифор находился в состоянии крайнего истощения и отдал распоряжение перевезти себя в снимаемый группой иностранцев дом. Он справедливо рассчитывал, что там сможет отоспаться.

Хорунжий Неболтай также умчался со всей возможной скоростью. Разумеется, заметивший это командир "Морского дракона" никак не отреагировал, полагая, что казак поспешил на доклад к своему начальству. Он был почти что прав: это было первым делом. Второе же заключалось в визите к меняле. Заполучив более чем недурную добычу, казак рассчитывал, что сумеет рассчитаться со всеми долгами и еще останется с прибылью.

У Семакова же состоялся непростой разговор с иностранцами. При сем присутствовали и другие офицеры.

Начал он с выражения благодарности. Ответ лейтенанта Малаха был вполне вежлив по форме, хотя и тверд по содержанию:

— Владимир Николаевич, нам льстит такая высокая оценка нашей скромной помощи. Однако позволю себе напомнить: мы в вашу войну не вмешиваемся, и потому не намерены принимать участие в боевых действиях. Магистр Тифор уж этого точно не сможет делать в ближайшее время: ему срочно надо восстановиться. Риммер, вы что-то хотели сказать?

Обращение не по имени-отчеству резануло слух русским офицерам как показатель некоторой отчужденности. Но, конечно же, никто и ничем этого не показал.

Иностранный моряк заговорил нейтральным тоном:

— Да. Со своей стороны могу оценить степень подготовленности господ офицеров и нижних чинов на уровне "похвально". Если же я ошибся, и в дальнейшем выявятся какие-либо недочеты в умениях и знаниях членов экипажа, то готов провести надлежащие занятия по предмету.

Госпожа маг жизни подняла указательный палец. Пришельцы, разумеется, знали этот жест, а местные догадались о его смысле.

Малах кивнул в ее сторону.

— Поскольку предстоит сражение, полагаю своим долгом быть на "Морском драконе".

И тут командир учудил нечто совершенно для всех неожиданное.

— Дозвольте... — и поцеловал молодой женщине руку.

Некоторое время никто не произносил ни слова. Магистр беспомощно похлопала глазами:

— Почему вы так поступили?

— Сударыня, так у нас принято делать в знак глубокого уважения к женщине.

— Но по какой причине вы так ко мне обращаетесь? Ведь у меня нет воинского чина.

Мичман Шёберг совершенно бездарно изобразил приступ кашля. Лейтенант Мешков притворился, что изданный им горловой звук означает вопросительное хмыкание. Лейтенант Семаков единственный из всех русских моряков понял смысл реплики, и потому, чуть улыбнувшись, заметил:

— В русском языке слово "сударыня" употребляется в качестве особо вежливого обращения к женщине и к воинским чинам касательства не имеет. Еще раз благодарю. Мне, однако, надо идти на доклад в высокие инстанции. В случае чего меня оттуда привезут весьма скоро. До встречи, госпожа Мариэла! До встречи, господа!

Больше книг на сайте - Knigolub.net